

• НИКОЛАЙ •

СВЕЧИН

ХРОНИКИ СЫСКА

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Annotation

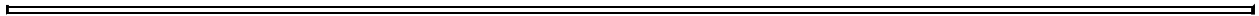
«Хроники сыска» – сборник из семи детективных новелл, действие которых происходит параллельно действию романов Николая Свечина «Завещание Аввакума» и «Охота на царя». Бесстрашный сыщик нижегородской полиции Алексей Лыков и его друг и коллега статский советник Павел Благово расследуют дела – одно запутанней другого: о банде конокрадов, о деревне душителей, об убийстве гимназиста, о таинственном кладе Емельяна Пугачева, об отравлении купца ядовитыми перепелами и также – об убийстве аптекаря-наркоторговца. Стильный захватывающий детектив – в лучших традициях ретро-жанра!

- [Николай Свечин](#)
 - [Вохра](#)
 - [Злые люди](#)
 - [Дело молитовских отравителей](#)
 - [Случай в Окском батальоне](#)
 - [Смерть провизора](#)
 - [Убийство в губернской гимназии](#)
 - [Чиргуши](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)

- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

Николай Свечин

Хроники сыска

Вохра

Помощник начальника Нижегородской сыскной полиции коллежский асессор Благово громко чертыхнулся. Опять разгромили квартиру! И опять с забеленными окнами. Каждую весну в «Полицейских ведомостях» печатается предупреждение обывателям: не закрашивайте стекла, когда переезжаете на дачу! Поставьте чехлы на мебель, повесьте плотные занавеси, если вам жалко обои, но не белите окна. Все напрасно. И когда шниферы – грабители квартир – прогуливаются по улицам в поисках добычи, по этим приметам они легко обнаруживают помещения, безопасные для взлома.

Ограбленная квартира принадлежала отставному ротмистру Галахову и находилась во втором этаже дома графини Паниной на Рождественской улице. Взлом сегодня утром обнаружил кухонный мужик и сразу сообщил в часть. Пристав отправил городского за Галаховым, который неделю назад переехал с дочерью (он был вдов) на все лето в Козино. Без него протокол пропавших вещей не составить, поэтому и сам Благово остался до поры в управлении. Послал только агента, чтобы опросил покуда дворника и соседей, а сам раскрыл «Журнал происшествий». Вывел красивым почерком сегодняшнюю дату: «8 мая 1876 года» – и больше ничего написать не успел. Дверь в его кабинет резко распахнулась, вбежал сыскной надзиратель Макарьевской части Здобнов и выдохнул:

– Беда, Павел Афанасьич! Убийство.

Коллежский асессор молча стукнул себя кулаком по колену, схватил фуражку с кокардой и выбежал вслед за надзирателем на улицу. Уселись в полицейскую пролетку, с места рванули в карьер; Здобнов тут же принялся рассказывать:

– Меньше часа назад случилось, прямо, как говорится, средь бела дня. Извозчик Быткин, из кунавинских мещан. Стоял у вокзала на бирже. Лошадь купил неделю назад... Вышел с Гребневской пристани зажиточный мужик, стал было нанимать его в Сормово – да вдруг как схватит лошадь под уздцы и давай кричать! Это, мол, его буланка, которую десять ден назад у него прямо из стойла свели. Быткин ругаться и грозить, а тот не отпускает и городского кличет. Народ, понятно, заинтересовался; зеваки собрались. А когда городской к ним уже подходил, Быткин вдруг охнул и назад повалился. Никто ничего не понял сначала, а как подняли возницу – у него нож в спине! Закричали «лови!», а ловить-то некого: тот человек, что нож

сунул, уж до пакгаузов добежал и там скрылся. Однако успели его рассмотреть.

– Ну?

– В общем, офеня это, Павел Афанасьевич.

– Офеня?

Сыщики понимающе переглянулись и дальше ехали уже молча.

Коллежский ассессор Благово был видный мужчина в годах между сорока и сорока пятью. Седые волосы эффектно обрамляли высокий лоб; черные усы с сильной проседью, породистое лицо и умные, все замечающие глаза дополняли его облик. В молодости Павел Афанасьевич служил морским офицером и сохранил от той поры подтянутость и строгое щегольство в платье. Уже восемь лет Благово служил в уголовном сыске, прошел путь от простого надзирателя до помощника начальника сыскного отделения. Выше ему хода не было, хотя по способностям и опыту он был достоин и более высокого поста. Но отделение возглавлял зять губернатора Кутайсова Васенька Лукашевич, лентяй и заядлый картежник, исполнявший служебные обязанности не выходя из дому. Месяцев по восемь в году Васенька лечился неведомо от чего на немецких курортах, преимущественно там, где были казино. В эти счастливые месяцы Павел Афанасьевич руководил сыском самолично и был на хорошем счету у министра внутренних дел. Остальное время ему приходилось играть роль подчиненного, что угнетало его и мешало делу. Сейчас была именно такая пора: Лукашевич уедет только в начале июня. А тут это убийство!

Иван Иванович Здобнов, пятидесятилетний сыщик, опытный и неглупый человек, хорошо знал своего начальника. Догадывался он и о сложности предстоящего им расследования. Офени – закрытое сообщество, занимающееся отнюдь не только торговлей в разнос. Доступ посторонних в это полупреступное сословие невозможен, своих они не выдают. Найти убийцу составит большого труда...

Приехав на биржу Московского вокзала, сыщики тотчас же по толпе зевая отыскали коляску зарезанного извозчика. Забрали мужика – тот все никак не хотел отпустить вожжи – и поехали в Главный ярмарочный дом, где размещалась Макарьевская часть. Труп к этому времени уже доставили в прозекторскую, и полицейский врач Милотворский начал производить вскрытие.

На допросе Мефодий Петров Кислухин, крестьянин села Кусторка Тумботинской волости Горбатовского уезда, показал, что узнал свою буланку тот час же, как подошел к коляске. Лошадь тоже учуяла хозяина и радостно заржала. Кислухин купил кобылу четыре года назад, назвал

Ласточкой и весьма дорожил ею, как вдруг десять дней назад в недобрую ночь ее свели со двора. Он подал заявление исправнику, сам обошел округу на тридцать верст, пытался уговорить тумботинских конокрадов – есть там известное полиции семейство Цаловых, которое уже лет восемьдесят занимается этим скверным ремеслом. Но Цаловы только посмеялись... А тут такая удача – нашлась его Ласточка! В подтверждение своих слов крестьянин указал приметы кобылы, которые при осмотре подтвердились: большой жировик под левой ганашей^[1] и незаживающее раздражение на венчиках всех ног от копытной мази.

На вопрос, видел ли он убийцу и то, как он нанес удар, Кислухин ответил отрицательно. Извозчик вдруг посреди ругани охнул, как раз когда уже к ним подходил городской, и изумленно оглянулся назад. И повалился в коляску... Мелькнул только картуз и кудри под ним; какой-то человек быстро-быстро удалялся, не оглядываясь, потом побежал. Догонять его охотников не нашлось, да и не успели бы: до пакгаузов всего полсотни сажень, а там, как в лесу, – ищи ветра в поле. Но люди, видевшие больше, сказали Кислухину, что парень тот был точно офеня: кубовая рубаха, поддевка с искрой, сапоги бутылками. Под коляской городской обнаружил брошенные им три перевязанных пакета с басонами.^[2]

– Знамо дело, они заодно, – убежденно подытожил крестьянин. – Офени да конокрады завсегда об руку ходят: одне наводят, другие воруют. Экий подлый народ! Я так думаю, вашебродие, што концы он прятал, свидетеля резал.

– Из-за какой-то кобылы средь бела дня на убийство пойти? Двенадцать лет каторги. А Ласточке твоей красная цена сто рублей. Что-то, борода, одно с другим не вяжется; не бывает такого.

– Всяко бывает! – стоял на своем Кислухин.

Благово оставил его пока при части, распорядившись выяснить через телеграф, есть ли у горбатовского исправника заявление о покраже лошади. Здобнова он отправил на квартиру к убитому, сделать обыск и собрать сведения у соседей и в участке. Сам же вернулся в управление – необходимо было известить о неприятном происшествии Лукашевича и полицмейстера Каргера.

В два часа пополудни в огромном кабинете полицмейстера состоялось совещание. В окна гляделись великолепные заволжские дали, от Часовой башни уступом спускалась к реке белая стена кремля, из майской зелени весело выглядывал одинокий купол Симеона Столпника. Но полиции было не до красот. Более всех ярился Васенька – подняли с дивана, заставили

прийти в службу, звери! Каргеру тоже нераскрытое убийство было ни к чему. Как обычно убивают в Нижнем Новгороде? Так же, как и везде в России: повздорят двое за шкаликом, один другого хватит топором!.. И в участок с повинной. Вот труп, вот убийца, вот мотив. Или жена отравит шнейфуртской зеленью мужа, что ее, несчастную, двадцать лет кряду смертным боем бьет, как напьется... Тоже никакой загадки. А тут среди бела дня зарезали извозчика, и убивец скрылся. Кто? За что? Поди уж и губернатору доложили...

Николай Густавович Каргер пришел в полицию из лесничих. Усердный служака, как и положено немцу. Честен – взятки не берет. Служить под его началом Благово было одно удовольствие: хотя полицмейстер и не смыслил ничего в сыске, но коллежскому асессору доверял, уважал его и поддерживал. Приходилось Каргеру выгораживать его и перед Кутайсовым. Нижегородский губернатор приходился внуком любимому брадобрею Павла Первого, произведенному им за сие высокое искусство в графы Российской империи. Поверхностный и легкомысленный, Павел Ипполитович Кутайсов терпел столбового дворянина Благово только из необходимости. Должен же кто-то нести службу вместо его зятя...

– Ну, что там у вас, господа сыщики? – спросил полицмейстер.

Лукашевич молча взглянул на Благово, тот раскрыл папку, доложил:

– Сегодня в половине девятого утра на извозничьей бирже у Московского вокзала неизвестным был зарезан кунавинский мещанин Степан Петров Быткин. Злоумышленника задержать не удалось, он скрылся в пакгаузах. Причины убийства неизвестны, но перед самым покушением Быткин был уличен крестьянином Тумботинской волости Кислухиным в том, что в упряжке у него стоит кислухинская лошадь, похищенная у последнего десять дней назад. Горбатовский исправник телеграфом подтвердил конокрадство. И последнее: убийца, по всем признакам, из числа офеней.

– Офеней? – удивился Каргер. – При чем здесь коробейники? Какое отношение они могут иметь к конокрадству?

– Ну, сами-то они лошадей, разумеется, не крадут. Но замечены во множестве других, весьма серьезных, прегрешений. Офени, господа, – несколько по-учительски продолжал Благово, – особое сословие, полуторговое-полупреступное. Оно тесно связано с уголовным миром, но стоит от него особняком. Представьте себе людей, которые постоянно перемещаются по углам нашей державы со всяким мелким товаром. Торговля бойкая, но небольшая, поэтому офени не брезгают поживиться и воровством. Известны случаи ограбления ими путников, и даже с

убийствами. Яды, которыми травят у нас в деревнях волков и постылых мужей, все добываются через офеней. Сбыт фальшивых банкнот мелкого номинала, а также оловянной монеты под видом серебряной – многолетний их промысел. Офени – очень закрытое сообщество, со своими обычаями и даже со своим языком, постороннему непонятным. Язык этот, между прочим, куда сложнее «байковой музыки» уголовных – в нем более тысячи слов. Имеются даже как бы внутренние наречия: галисовский, мотройский, ну и другие. Сами себя офени считают особым народом, жившим в IX веке, и называют себя «масыки». Настоящие офени происходят исключительно из четырех уездов Владимирской губернии: Ковровского, Вязниковского, Суздальского и отчасти Судогского. Они ощущают особую общность, как бы единую кровь (вохру, на их языке), и стоят друг за дружку горой. Лет тридцать назад у них явились подражатели – мелкие разносчики из Подольского и Серпуховского уездов; но это только имитаторы. Настоящие офени их презирают и частенько поколачивают. В 1700 году, согласно их собственной легенде, Петр Великий согнал их с их мест притеснениями. С той поры они ходят по всей России, причем начинают свои походы в начале осени, а домой возвращаются только к Масленице. Заметьте: осень – время окончания полевых работ. Лошади встают «на зимние квартиры», откуда их легче свести, чем в страду. Офени ходят везде и забредают даже в Австрию – конечно же, за контрабандой. В Привисленском крае им не дают хода евреи, за исключением нескольких белорусских местностей, дарованных ранее Екатериной князю Потемкину. (Там сейчас проживают потомки первых корабейников, так называемые кричевцы.) В Подолии же офени, вкупе с малороссами, создали особые «коридоры» для беспоплиного ввоза товаров и доставляют много хлопот властям. Для нас все это важно потому, что агенты правительства практически не вхожи в кастовые тайны корабейников. Это, повторюсь, очень закрытое сословие, похлеще масонов. Если убийца Быткина из их числа, найти его будет чрезвычайно трудно.

– Воровство, контрабанда, фальшивые деньги – целый букет уголовных деяний, – капризно произнес Лукашевич. – Но ведь конокрадства-то нет?

– Нет, Василий Михайлович.

– Но вы, тем не менее, привязываете убийство извозчика... как его там?... к обнаружению у убитого краденой лошади. Правильно ли я вас понял?

– Я допускаю такую связь и считаю ее весьма возможной. Крестьянин, хозяин кобылы, сказал: режут концы. Чем не версия?

– Ну, так поручаю вам ее проработать, – важно изрек начальник

сыскного отделения. – И вообще: до моего отъезда в Карлсбад убийца должен быть найден! Или вы занимаете не свое место. – При этих словах Лукашевич встал, одернул сюртук игривого канареечного цвета и обратился уже к полицмейстеру: – За сим прощайте, иду на обед к губернатору.

Когда дверь за ним закрылась, Благово вздохнул, а Каргер тихо выругался.

– Когда наш Васенька отбывает?

– Через три недели, Николай Густавович.

– Хгм... Время есть. Не сомневаюсь, Павел Афанасьевич, что вы, как всегда, раскроете преступление. И мы с вами отдохнем полгодика от этого прощелыги... Докладывайте мне ход следствия ежедневно; если нужна помощь – не стесняйтесь.

Благово молча откланялся и спустился к себе на второй этаж. Там его уже поджидал сыскной надзиратель Здобнов с пачкой каких-то бумаг; вид у него был озадаченный.

– Странное дело, ваше высокоблагородие. Наш Быткин оказался владельцем еще восемнадцати лошадей.

– Эко вывернуло! И где же весь этот табун?

– Розданы в пользование разным извозчикам, и Быткин ежемесячно получал за них плату. Вот, извольте почитать – я обнаружил книгу, которую он вел. Фамилия, адрес, кличка лошади, приход, долги... Все извозчики, как и покойный, родом из одного села Слопинец; получается, землячество.

Благово внимательно изучил поданные бумаги: написано полуграмотно, но аккуратно. Месячный доход кунавинского мещанина выходил более ста рублей!

– Таким образом, убитый был подпольным извозопромышленником, – констатировал коллежский асессор. – А патента не брал...

– Для патента надобно капитал показать, а он этого, очевидно, не желал.

– Как думаете, Иван Иванович, откуда у него деньги на покупку двух десятков лошадей?

– Надо полагать, все его лошади, как и кислухинская, ворованные. Быткин был маклаком крупной шайки конокрадов, помогал сбывать. В их ремесле это самое трудное...

– Весьма разумное предположение. Тогда и убийство разъясняется: рубили концы по крупному делу. Не об одной покраже речь, а о целой преступной организации. Тумботинский мужик-то прав оказался. Роль офени, однако, по-прежнему непонятна. А что говорит участковый

пристав?

– Да ничего толкового. Путаает, недоговаривает и, похоже, врет. Думаю, Быткин держал его на довольствии, чтобы темными делами спокойнее заниматься.

– Понятно. И ничего не докажешь... А соседи?

– Так ведь Кунавино! Или татары – те ничего не скажут; у них на все один ответ: «не знай». Или наши пьяницы, те, сами знаете, полицию на дух не переносят. Но есть на углу лавочник, трезвый и умный, отставной унтер Михаил Архипов, вот он кое-что сообщил. Покойный, по его словам, был человек мутный и на руку нечистый. Лошадей менял едва ли не каждую неделю: покатается чуток и куда-то сбывает, а себе новую ставит. Работою себя не утруждал, а деньги имел немалые. Двор у него огромный, крытый, с конюшней аж на шесть стойл, и постоянно там была толкотня. Какие-то люди приезжали с грузами, уезжали, иные оставались по несколько дней. Фуража всегда закупал много. Жил один, с матерью только. Старая карга не хотела мне бумаги отдавать – насилу отнял! Самое любопытное: по словам Архипова, быткинские гости часто заходили к нему в лавку, и многие из них были скрипинцы, а попадались и офени.

Благово стукнул себя по колену, вскочил и в волнении принялся ходить по кабинету. Здобнов следил за ним понимающим взглядом. Наконец коллежский асессор остановился перед старым сыщиком.

– Вы понимаете, Иван Иванович, что это все разъясняет?

– Как не понимать. В один ряд выстраивается.

Село Скрипино стоит на старом Сибирском тракте, утратившем свое значение после строительства в 1862 году железной дороги между Москвой и Нижним Новгородом. Находится оно в самом отдаленном юго-восточном углу губернии и окружено несколькими деревнями: Княжуха, Ратманово, Посыпаевка, Ямское, Чуварлей, Шамарино... В Скрипино и прилегающих деревнях проживает более тысячи коновалов, которые занимаются своим промыслом по всей почти империи, от Сибири до Москвы и Кавказа. Западнее Москвы они не попадают, там свои эскулапы. Как и офени, скрипинские коновалы составляют закрытую касту, членство в которой передается из поколения в поколение. Репутация у коновалов нехорошая: молва обвиняет их в махинациях с самым дорогим, что есть у русского мужика, – с лошадьми.

Скрипинцы ходят от деревни к деревне и холостят жеребцов, быков и боровов^[3], а также занимаются лечением вообще любой скотины. Ремесло их отчасти ритуальное, для крестьянина почти мистическое; как и кузнецы, коновалы от века считаются колдунами. Подобно офеням, скрипинцы

имеют свой тайный язык, непонятный постороннему. В центральных и поволжских губерниях они вытеснили всех других коновалов и создают сильную конкуренцию дипломированным ветеринарам. Спайка между скрипинцами железная, и в этом они схожи с самым отъявленным на Руси преступным сообществом – конокрадами. В народе поговаривают – и, видимо, небезосновательно – о стачке тех и других в деле хищения лошадей. Часто-де вскоре после ухода скрипинца пропадает лучшая лошадь. Еще говорят, что «скотские лекари» могут сделать здорового жеребца вдруг больным, а потом предлагают продать его побыстрее, чтобы выручить за него хоть что-то... Нередко они еще и лошадиные барышники: карманы у них набиты купчими с уже проставленными печатями волостных старшин. Скрипинцы, как и положено коновалам, оставляют в деревнях в залог известные суммы с тем, чтобы на следующий год снова явиться с предложением своих услуг. Монопольное их положение добыто двухсотлетними, если не более, трудами; это-то и заставляет мужика, несмотря на дурную репутацию, иметь дело с этой кастой. Опять же и мужик попадаетеся разный... Ну, а про полицию Сергачского уезда и говорить нечего: она давно у скрипинцев с руки ест и покрывает все их проделки. Тамошний исправник один из самых богатых людей в губернии. Если Благово, к примеру, вздумает приехать в Скрипино со следствием, исправник и близко не подпустит губернского чиновника к тайнам преступного села.

– Да, Иван Иванович, ну и компания у нас подобралась: офени, скрипинцы и конокрады. Обычная для сыщиков ситуация: все знаем, дело за пустяком – доказать! Какие мысли на этот счет?

– Хм... Перво-наперво по кабакам надо бы потолкаться, особенно там, где собираются извозчики. Осведомителей настропалить, чтоб землю носом рыли. Конокрадов, которые в остроге сидят, пощипать или подсадить к ним агента.

– А как вы полагаете, Быткин единственный был в городе подпольный извозопромышленник?

– А ведь неплохая мысль, Павел Афанасьевич, – с уважением произнес Здобнов. – Поискать? Приметы те же: лошадей часто меняет, фуража много берет, имеет большой двор... Околоточных нужно опросить.

– Вот это правильно. А еще хорошо бы найти человека, который смог бы разведать эти дела своими путями.

– Вот тут уже не совсем понимаю, – развел руками сыскной надзиратель.

– Допустим, кто-то приехал в Нижний. К примеру, из Москвы. Темный

такой человек... Деньги имеет, но показать их не хочет; вот и разыскивает, куда без шума поместить капитал. А поскольку он чужой здесь, то ходит, осторожно интересуется, не пылит.

– Разрешите мне, Павел Афанасьевич! – вскричал Здобнов и тут же осекся.

– Вот-вот. Сам все понимаешь. Какой из тебя приезжий? Тут нужен свежий кто-то, кого в городе не знают. И такой, кажется, есть.

Лифляндец Ян Титус прибыл в Нижний три недели назад на должность начальника стола розыска. До этого он служил в московской сыскальной полиции, где прошел путь от простого агента до заведующего ломбардным отрядом^[4]; рекомендации от обер-полицмейстера имел самые хорошие.

Титус понравился Благово сразу: спокойный, наблюдательный, очень артистичный. Последнее выяснилось быстро, поскольку службу свою новичок начал с изучения города. Переодетый и загримированный, Ян преображался. Он создал типаж жуликоватого приказчика, лишившегося места и ищущего теперь, где бы чего прикарманить. В таком виде сыщик облазил все самые страшные притоны Гребешка и Гордеевки, завел приятелей в Грабиловку, подрался на Миллионке. Подворотни, проходные дворы, подпольные кабаки-шланбои, воровские хазы и дома блатеркаинов^[5] он заносил в особый журнал. Скоро Титус уже хорошо знал «карман России», оставаясь при этом неизвестным уголовному элементу города.

Благово решил сделать ставку именно на этого человека. Ян сразу понял новую роль и подошел к ней очень тщательно. Он перекрасил свои русые волосы в тускло-рыжий цвет, мастерски нарисовал веснушки на лице и руках, франтовато завил небольшие усики и обзавелся большим флаконом фабриолина. Ему выдали паспорт почетного гражданина города Москвы на подлинное имя и поселили сначала в номерах Зефириной на Ошаре. Хуже обстояло с деньгами: чтобы играть ловчилу с капиталами, нужно было иметь некоторые средства. В смете управления полиции подобные расходы не предусматривались. Благово подумал-подумал и отправился к вице-губернатору Всеволожскому.

Андрей Никитич Всеволожский сделался нижегородским вице-губернатором только в феврале и имел пока скромный чин надворного советника. Ранее он состоял чиновником особых поручений при министре внутренних дел, до того долго служил на Кавказе. По должности именно

Всеволожский наблюдал деятельность полиции, но у Павла Афанасьевича имелись и иные соображения. Во-первых, вице-губернатор был умнее и деятельнее Кутайсова и многие вопросы решал с ходу, используя свои связи в столице. Во-вторых, он являлся одним из богатейших людей в России. В Петербургской, Московской и Пермской губерниях Всеволожскому принадлежало в общей сложности более полумиллиона десятин земли; имел он и золотые прииски, железоделательные заводы, доходные дома, паи в банках. Этот сказочно богатый человек, тем не менее, служил – разумеется, не из жалования. Андрей Никитич считал, что управлять страной должны люди образованные, ответственные и бескорыстные. Поскольку сам он был как раз из таких, то и не считал себя вправе уклоняться от государственной службы.

Всеволожский уже знал об убийстве и не удивился приходу сыщика. Благово сжато изложил вице-губернатору все, что удалось выяснить, высказал свои соображения и описал, как собирается ловить злодея. Узнав, что в убийстве, видимо, замешана целая преступная организация, занимающаяся конокрадством с большим размахом, Всеволожский пришел в волнение. Как человек государственный, он умел обобщать явления и смотрел на все под этим именно углом.

– Необходимо не только найти непосредственного убийцу, но и разрушить всю организацию, ежели она действительно существует. Тут дело чрезвычайной важности! Скорая война с Турцией неизбежна; ждать не более года. Россия к ней, как водится, не готова. Одной из важнейших составляющих военной силы государства является его конный потенциал. Здесь и кавалерия, и часть артиллерии, и гужевые потребности войска, с учетом неизбежной убыли от боевых действий. Военный министр Милютин хорошо это понимает, почему и ввел военно-конскую повинность и военно-конскую перепись. Как вы знаете, в уездах с января сего года созданы особые участки, подчиняющиеся губернскому по воинской повинности присутствию. Их задача – учет и предмобилизационная работа по конскому составу. Так эти мерзавцы сорвут нам мобилизацию! Опять же покража лошади у мужика лишает страну производительного работника и вселяет в народ неверие в дееспособность власти. Нельзя этого допустить! Не случайно дела о конокрадстве еще по указу Николая Павловича рассматриваются нашими судами вне очереди. Восемнадцать лошадей у одного мазурика... А сколько же их вообще свели?

– Хорошо бы послать запрос в Департамент общих дел министерства: пусть дадут справку по приволжским губерниям за три последних года.

– Запрос я завтра же телеграфирую, да еще со своей стороны

постараюсь поторопить. Ваше решение о легендировании губернского секретаря Титуса я одобряю. Вот вам полторы тысячи рублей для него на первое время; понадобится еще – только скажите.

– Андрей Никитич, может возникнуть потребность показать значительные средства. До тридцати тысяч.

– Тридцать тысяч! – ахнул вице-губернатор.

– Я дам вам расписку.

– Какую еще расписку! – рассердился Всеволожский. – Как будто вы эти деньги для себя берете... Процентные бумаги подойдут?

– Подойдут.

Вице-губернатор вздохнул и полез в тумбу письменного стола.

Вечером того же дня произошло еще два события, связанных с расследованием убийства на Московском вокзале.

Вернувшись от Всеволожского, Благово снарядил было курьера в Макарьевскую часть за Здобновым. Он хотел, чтобы тот привез лавочника Архипова. Столь толкового человека, непьющего и наблюдательного, следовало принять за штатным агентом полиции или, проще говоря, осведомителем. Но Иван Иванович неожиданно приехал сам и привез отставного унтера с собой.

– Ваше высокоблагородие, – доложил он, – господин Архипов выяснил важные сведения по известному вам делу и сообщил мне. Я счел своим долгом доставить его сюда для личного свидания с вами.

Торговец, оказавшийся рослым красивым мужчиной, по-военному четко доложил следующее:

– Сегодня поутру ко мне в лавку зашел неизвестный, и при нем подмастерье из красильни Каширина. Красильня находится в Пирожковской улице, через два дома от зарезанного Быткина. Они промеж себя о чем-то говорили, и я вдруг слышу: подмастерье сказал, что Быткин, мол, знал того человека, который его зарезал. До того я их совсем не понимал, потому говорили они на чудном каком-то, тарабарском, позвольте сказать, языке. А тут вдруг – по-нашему... Незнакомец-то еще сказал... Слова-то чудные какие, но я запомнил кой-что, слово в слово... Вот как он сказал: «капенить по лауде и пустить вохру, ежели юсы не отдаст, шонда хрустов»^[6]. Вот. Прямо ума не приложу, что это такое, по-китайски разве... А когда мужик, мол, за узду схватился и кричать принялся, тот-де, офеня который, отошел сперва, но недалеко, стоял и слушал. При виде же городского подобрался к Быткину и словно бы прижался к нему на миг. Тот охнул, обернулся через плечо и говорит: «Гаврила, ты чево?» – да и повалился на спину, а изо рта у него кровавая пена пошла. А парень-то

боком-боком – и ходу. Молодой, кудрявый, и левое ухо у него снизу разорвано. Вот.

– Стало быть, убийцу зовут Гаврила, и он имеет особую примету – рваное левое ухо?

– Так точно!

– А подмастерье как кличут?

– Имя ему Леонид, а фамилию не спрашивал. У Каширина числится.

– Молодец, Архипов. Спасибо за помощь следствию. Сядьте и напишите все, что мне сейчас рассказали. И кстати – не хотите ли поступить к нам заштатным агентом? За порядком в Кунавине приглядывать и нам сообщать. Два пятьдесят помесечная оплата, а за важные сведения вроде сегодняшних – отдельные наградные, до семи рублей.

– Деньги нелишние, ваше высокоблагородие, но... мне бы от околоточного защиту какую получить. Это бы лучше. Мзду вымогает, замучил совсем. Не дал я ему на Пасху, так он санитарного инспектора прислал, грозит лавку мою закрыть. А у меня в лавке чистота и порядок, ваше высокоблагородие! Это он со злобы...

– Как фамилия околоточного?

– Махоркин, ваше высокоблагородие.

– Разберусь я с твоим Махоркиным. Садись и пиши заявление о поступлении на заштатную службу, тогда тебе сам частный пристав будет не брат.

Радостный Архипов отправился писать, а в кабинет зашел агент 1-го разряда Форосков, малый умный и расторопный. Он вел за собой парня с бесхитростным крестьянским лицом.

– Ваше высокоблагородие. Жалоба поступила, и любопытная такая жалоба, имея в виду тот случай на вокзале. Прикажете доложить?

– Пусть сам расскажет. Что стряслось?

– Так что, вашебродие, в извозчики нас не пускают.

– Кого это «нас»?

– Нас. Мы крестьяне деревни Караваихи. И задумали, значит, патент приобрести. На извозчика. А оне нас не пускают.

– Вас – это тебя?

– Ага. Вот. Четвертый уж раз мы туды ходим, а писарь и старшина цеха отказывают. Мы знаем, что надоть. Лошадь, упряжь, коляску. Мы все это им представили. Ан нет!

– Может, ты под следствием состоял или недоимки имеешь?

– Нигде мы не состояли, и ничего за нами не числится, – гордо заявил

парень. – А вымогают оне, чтобы я лошадь свою отдал взад – у соседа я ее арендовал – и взял другую. У Рубочкина. А зачем ее отдавать? Хорошая лошадь. А у Рубочкина купить стоит восемьдесят рублей или аренда три рубля в неделю. В ярмонку шесть. А у соседа рупь двадцать круглый год!

– Кто таков этот Рубочкин?

– Постоялый двор содержит. На Гребешке. Он завсегда у них при управе трется! И нам себя навязливает... Второго дня так прямо и говорит: «Ежели ты у меня лошадь не купишь, патента тебе не видать, сын навозный». Вот! Так, выходит, стачка это, вашебродие. Чтобы деньгу из нас доить. Да. Вот.

– Теперь понятно. Форосков! Одень общеполицейский мундир и сходи-ка в ремесленную управу. Составь протокол и подготовь жалобу городскому голове. Но веди себя формально, пока этих орлов сильно-то не пугай. А за догадливость хвалю. Рубочкин этот может очень нам пригодиться...

Про извозопромышленника навели справки, и выяснилось, что прошлое у него весьма темное. Смолodu промышлял «карманной выгрузкой», потом воровал свинец с крыш; дважды сидел под следствием. Оба раза был оставлен в сильном подозрении, без приговора. Умный и хитрый. Последние годы вел как будто бы благонамеренный образ жизни, записался в купцы, исправлял законный извозный промысел. А теперь вот, похоже, оказался замешан в такое дело...

Итак, в Нижнем Новгороде появился новый человек. Ян Францевич Титус – рыжий лифляндец с хитрыми, неприятными, бегающими глазами и лицом продувной бестии. Голос вкрадчивый. Видно, что тертый и при деньгах, но род занятий неопределенный – типический грюндер^[7]. То ли банк разорил, то ли опеку разграбил, но что-то в этом роде... Поселился приезжий в Третьей Ямской улице, неподалеку от Крестовоздвиженского монастыря. И уже через день свел знакомство с владельцем постоянного двора Саввой Провичем Рубочкиным: зашел пообедать (при дворе был буфет), да и разговорился. Несколько дней кряду лифляндец столовался у нового знакомого, много болтал ни о чем, ходил кругами вокруг да около. Рубочкин чувствовал: готовит рыжий какой-то разговор, примеривается. И действительно, в субботу, встретившись у Николы на Гребешке, пришли они позавтракать и сели в отдельном кабинете. Титус велел подать мадеры. Выпили, и он завел такую речь:

– Я, Савва Прович, ежели помните, приехал к вам из Москвы. Прожил там четыре года, сменил несколько занятий, но вот пришлось уехать. Обстоятельства, знаете ли... Человек я деловой, сложа руки сидеть не

люблю. Хочу с праздной жизнью покончить и опять к делам вернуться. Только вот города я вашего не знаю и людей тоже; нужен мне советчик, а может, и компаньон.

– Хгм... Понятные мне ваши слова, Иван Францевич. Сразу видать, что вы человек серьезный, не краснобай. Но чтобы вам совет подать, надобно знать род ваших прежних занятий: к чему склонность и навык имеете, каким капиталом располагаете. А иначе что я могу сказать? Вон, есть хорошее, доходное дело – кругляк возить из Семенова в безлесые южные уезды. Там, как говорится, хворостины не найдешь скотину со двора согнать; осенью за дрова любые деньги взять можно. Надо ли вам это?

– Нет, Савва Прович, дровяное дело не по мне. Сколько там зарабатываешь? Меня привлекают те промыслы, где прибыль побольше. Последнее мое дело – скупка в Первопрестольной серебряной монеты. Вот это бакшиш! Там главное – кассира иметь знакомого. Размениваешь у него будто бы ассигнации на серебро, а потом сбываешь втридорога.

– В Германию возили?

– И в Германию, и в Англию. Мы, русские, известные дураки: у нас на монету идет металл такой пробы, что иностранцы вдвое больше начеканят. Да и курс на русские ассигнации на Берлинской бирже такой, что, ничего не делая, можно хорошо заработать. Потому при переводе бумажек в металл и обратно есть лазейки для оборотистого человека. Так что торговал я... деньгами. До сорока пяти процентов годовых выгонял! Три кассира на меня работали. Еще бы годика два так-то, и можно было бы на покой уходить. Но не успел. Власти спохватились, что серебро за рубеж уходит, и гонения начались. Так всегда перед войной бывает. Когда Крым громили, то же наблюдалось; сейчас с турками войны ждут, и опять строгости... Пришлось не только лавочку прикрыть, но и вообще из Москвы спастись. Кассиры мои сейчас под следствием, а меня, не побоюсь сказать, голыми руками не возьмешь.

– Ну, это видно. А капиталом каким, позвольте узнать, располагаете? Предприятие, значит, чтоб начать...

– Тысяч двадцать, а то и двадцать пять я бы в хорошее дело вложил. – Рубочкин долго молчал.

Раздумывал, наблюдал за Титусом. Потом кликнул полового, спросил две рюмки коньяку. Мужчины степенно выпили.

– Двадцать пять тысяч очень хороший капитал, Иван Францевич. Вот только показать-то вы его сможете?

– В том-то вся и беда, Савва Прович. При моих обстоятельствах... Нет,

не могу. Может быть, через годок-другой, но не сейчас. Но деньги должны делать деньги! Не могу же я год сидеть без дела. Думаю ссудную кассу открыть. Сорок пять процентов не выгонишь, но все больше, чем доходные бумаги обещают. Вам случайно не нужно?

– Мне нет. И вообще я бы отсоветовал в рост отдавать – в чужом городе и прогореть можно. А в полицию вам соваться интересу мало; и как будете долги возвращать?

– Ну, на то есть особые люди.

– Их еще найти надо. А как вам, к примеру, извозный промысел? Купить лошадок, раздать я помогу – да и собирать себе прибыль. А?

– Подумать надо. Какой там процент выходит?

– Пятиалтынный на рубль, а в ярмарку и того больше.

– Ну, ярмарка ваша только два месяца, а в остальное время это тихий городок из неважнецких. Куда я лошадей зимой дену? А наличные людям круглый год нужны.

– Зря сомневаетесь, Иван Францевич. Вы со мной откровенно, и я с вами так же. Скажу прямо: я в этом деле уж третий год. Сейчас у меня под девяносто лошадей, а скоро будет все сто. По бумагам это нигде не числится, сборов я никаких не плачу, всю прибыль кладу в карман.

– То есть можно как-то исхитриться и не брать патента?..

– Истинно так.

– А много ли, простите, доходу?

– До шести тысяч в год.

– Хорошие деньги! Но... надобны ли в Нижнем еще извозчики?

– Не о Нижнем речь. В Батусю бы пролезть, как ее наши друзья прозывают^[8]. Мы бы там так развернулись! Есть ведь у вас там знакомства?

– Экие вы вещи говорите, Савва Прович! Знакомства-то есть, да не ко времени это сейчас. Я оттуда едва ноги унес, а вы опять меня туда посылаете. И потом: деньги мои, знакомства мои. А ваш взнос какой?

– Мои будут лошади. Много, хорошие и недорого. Их вообще можно будет в рассрочку брать. Ставите задаток, а остальное в течение года; а кобылки уж работают, копеечку несут.

– О-о... Вот это уже другой разговор! Ежели одним задатком обойтись да сотенки две-три лошадок эдаким макарон завести, то профит уже достойный. Найдется ли у вас триста лошадей в течение года?

– У меня их найдется пять тысяч.

В комнате повисло гробовое молчание. Титус машинально налил себе мадеры, так же машинально выпил. Потом откинулся на спинку стула и

принялся внимательно, будто только что увидел, разглядывать собеседника.

– Так... И все с купчими?

– Все.

– Но... не из донских степей?

– Нет, поближе будут. Если уж мы с вами такое дело обдумываем, то я вам как родному. Лошади все хорошие, здоровые, много и рысаков, но надобно их из поволжских губерний удалить. В Москву, Петербург, Киев...

– По пять тысяч в год? Гарантируете?

– Покуда меньше, но только оттого, что трудно сбывать. Ежели мы с вами вдвоем решим эту загвоздку, то по тридцати тысяч в год можно заработать. На каждого.

В глазах лифляндца полыхнула алчность. Он задумался, что-то прикидывая.

– Стало быть, у вас организация. Сколько же нужно людей, чтобы укр... доставить эдакую прорву лошадей?

– До ста наводчиков – это всегда офени. Пятьдесят коновалов – спрятать на первое время, перековать, поменять приметы и нарисовать купчие. Ну, и две сотни самых главных людей, которые ночью ворота ломают.

– Сколько же вы губерний так накрыли? Четыре?

– Шесть.

– Основательно. Но уж больно опасно. Столько человек в деле – кто-нибудь да проболтается. Накроют всех, а мне еще и старое припомнят!

– Бог не выдаст, свинья не съест. У нас несколько конных заводов и есть главная станция. Документы всегда в порядке. Полиция на довольствии; в случае чего, сразу предупредят. Но здесь, в поволжских губерниях, нам уже тесно. Надо идти в столицы.

Титус молчал, раздумывал. Потом поднял глаза на собеседника, умные, жадные.

– Не надо вам ни в какую Москву. Даже там пять тысяч голов не продать. А надобно вам – в армейский ремонт!^[9]

– Это мы давно пытаем, да все никак. Вот ежели вы поспособствуете?

– Слушайте меня внимательно, Савва Прович, – с жаром проговорил Титус. – Военную службу я проходил писарем в 12-й кавалерийской дивизии. Там такие дела делались! И сейчас делаются. Вы знаете, к примеру, сколько лошадей потребляет один полк?

– Нет, я не служил-с.

– Примерно восемьсот строевых, тридцать пять вьючных и до восьмидесяти упряжных и гужевых. А сколько в российской армии таких

полков?

– ?

– 14 гвардейских и 46 армейских. Я не беру казаков и прочую нерегулярную конницу – те снабжаются строевым конским составом сами. А указанные мною части получают лошадей от Военного министерства. Занимаются этим полковые ремонтеры – верховыми лошадьми, и Главное интендантское управление – остальными. Так вот: мой прежний начальник по 12-й дивизии стоит в самом центре этой системы. Сейчас он в военном окружном управлении^[10] Варшавского военного округа, в мобилизационном отделении, начальником подотдела живого инвентаря. Знаете, что это означает?

– Не очень.

– А вы вообще пытались с ремонтерами наладить контакты? Имеете о них представление?

– Да продал как-то пяток лошадок. Приезжали какие-то ребята...

– То были именно ребята. Настоящие армейские ремонтеры – гвардию не берем, – это такие прожженные бестии, что к ним на кривой козе не подъедешь! Каста похлеще розенкрейцеров. Они все друг друга в лицо знают и работать стараются токмо по рекомендациям. Кто туда один раз попал – король. Иные до ста тыщ в год службы сколачивают.

– Сто тыщ!

– Истинный крест! Пьют они, конечно, ведрами, но разума не теряют – нельзя! Сами понимаете, какая у них служба: огромные деньги на руках, море соблазнов – легко и угореть. Потому ремонтеры объединяются как бы в клуб. В случае чего помогают друг другу наличностью к ревизии, заказы делят по-братски, нужных человечков по эстафете передают. От которых взять не опасно... От кого попало не берут-с! Ох и тертый народ... Так вот: прежний мой начальник, о коем я уже упоминал, у них в большом почете. Он среди ремонтеров вроде как предводитель дворянства; потому должность у князя такая.

– И у вас князь?

– Да. Я уж тоже как на духу... Это подполковник князь Порюс-Визапурский, Антон Львович. Сумской гусар. Командует над всеми ремонтерами Варшавского военного округа. А сила его в том, что в Военном министерстве у него дружки сидят. Полковники, майоры: обычные на вид офицеры, только богатые, как крезы. Они, когда что-то покупают от казны, часть выданных сумм себе обратно забирают. Вроде комиссии – за то, что именно у тебя купили. Ежели эти господа тебя не знают – ни за что не купят, потому – опасно. Вдруг ты в полицию

побежишь? Поставку берут только у проверенных, которым их условия известны и которые непременно все до полушки потом в конверте принесут. Князь Порюс-Визапурский умеет таких людей находить, что очень устраивает господ интендантов; он – проверенный посредник. Князь помнит меня, как мы с ним в 12-й дивизии вместе копейку чеканили. Если заинтересуем его вашим предложением, считайте, дело сделано. Все пять тысяч ваших кобылок уйдут со свистом, и это можно будет делать ежегодно!

Титус говорил вполголоса, очень убедительно, и тенорок его даже подрагивал от предвкушения грядущих доходов. Незаметно для себя он облизывал губы и подшмыгивал носом, елозил под столом ногами и вообще выглядел целиком поглощенным новой идеей. Рубочкин тоже загорелся и записал на бумажке замысловатую фамилию князя-ремонтёра.

– Только, Савва Прович, у меня два условия, – строго заявил лифляндец.

– Слушаю вас со вниманием.

– Первое, это то, что я тоже в доле должен быть. Непременно! Пять процентов – это моя цена. Без меня вы, извините, не то что к князю – к заурядному ремонтёру на порог не ступите: каста! А с «ребятами» лучше не связываться.

– Ага. Это я, видите ли, должен с главным обсудить. А какое второе?

– Оно как раз с вашим главным и связано. Прежде, чем князя тревожить, я должен с предводителем вашего дела познакомиться и обстоятельно все обсудить. Князь Порюс-Визапурский – мой главный в жизни лотерейный билет. Я давно ищу, как бы мне под его крыло вернуться... С пустыми руками приходить нельзя; обратиться к нему, сами понимаете, я могу лишь один раз. Ежели дело окажется, извините, липовым, я уж больше никогда не смогу рассчитывать на благосклонное внимание его сиятельства. Ваше предложение, Савва Прович, кажется серьезным и, так сказать, по калибру князю. Ежели оно выгорит, мы с вами себя на всю жизнь обеспечим. Но я должен убедиться! Пока что есть только ваши слова, этого мало. Я должен увидеть все ваше дело: главную станцию и человека, который всем управляет. Иначе никак: не будет вашего согласия – не будет и моего участия.

– Понимаю вас, уважаемый Иван Францевич. Поймите и вы меня – не я командую. Я доведу ваше условие до... и тот уж сам будет решать. С вашей стороны мы тоже ведь тоже покуда слышим одни слова. Ежели ваша встреча с нашим головой состоится, думаю, следующей должна быть моя встреча с вашим князем. И коли все сладится, тогда и начинаем вместе дело

варить.

– Разумно и толково. А чтобы нам с вами в Варшаву не кататься, вот мое предложение. В газетах написано: государь наконец утвердил бюджетную роспись на второе полугодие. Значит, князь через неделю сам приедет в Петербург: в Военном министерстве будут деньги делить. Там всех сразу и увидите.

– У нас, извольте видеть, верховых-то лошадок немного, а больше эти... как вы их там называли?

– Вьючные, упряжные и гужевые.

– Вот-вот. Значит, нам полковые ремонтеры не так важны, а нужнее-то интенданты – так я вас понял, Иван Францевич?

– Ежели строевых коней мало, князь их сам пристроит в Варшавском округе. А прочие сорта это уже дело интендантское, тут надо в Военное министерство залезать. К тем людям, о которых я говорил. Князь, говорю я вам, тамошние двери ногой открывает. Так что ежели успеете меня на этой неделе с вашей головой свести и мы друг другу глянемся, то на следующей уже поедem к Антону Львовичу.

Когда Благово пришел к Всеволожскому, тот стоял потрясенный у окна и читал какую-то бумагу. Увидел сыщика и замахал ею:

– Пришел ответ из министерства. Как вы думаете, сколько лошадей умыкнули в прошлом годе в поволжских губерниях, считая Казанскую?

– Где-то четыре тысячи восемьсот.

– Но откуда вы знаете, Павел Афанасьевич? – опешил вице-губернатор. – Действительно, именно столько. Из них разыскано четырнадцать. Как вы узнали?

– Мы вышли, как я и обещал, на след этой организации. Титус вступил в переговоры с их, так сказать, представителем в Нижнем Новгороде, неким Рубочкиным. Сейчас готовится встреча Яана с их вожаком. У них есть, как они ее называют, главная станция, именно там они укрывают ворованных лошадей. И держат там до продажи... Где она, мы пока не знаем. Титус поедет туда оценить предприятие и устроит затем ответную встречу с главным ремонтером Варшавского военного округа.

– Что еще за ремонтер?

– Подполковник князь Порюс-Визапурский.

– И что, он станет нам подыгрывать? Как мы его в это вовлечем?

– Роль князя сыграю я. В действительности такого человека не существует, мы его просто выдумали.

– А почему именно князь, да еще с такой странной фамилией?

– Для правдоподобия. Эти люди невысокого мнения о нас. Они полагают, что никому в полиции не придет в голову присвоить для легенды вместо Иванова фамилию единственного в России индийского княжеского рода. Большинство в империи даже не подозревает, что таковой вообще существует.

– Да, и я в их числе. Неужто у нас есть индийские князья?

– Только эти. Старинная династия раджей города Биджапур. Изгнана англичанами в XVII веке, перебралась в Россию. В 1826 году указом Николая Павловича утверждена в княжеском достоинстве Российской империи. Малоизвестные, захудалые, но сиятельства – как раз то, что нужно. Один Визапур даже встречался с Наполеоном в Москве, в двенадцатом году. Застрял случайно, не успел выехать и пытался придать себе лишнее значение... Предложил себя в посредники императорам! Были и еще чудачки. Последний Визапур умер десять лет назад, и род пресекся, так что мы ничьих чувств не заденем.

– Но вы же совершенно не похожи на индуса!

– Пушкин тоже на арапа не слишком походил. Перекрашу волосы в смоль и чуть затемню кожу – и того довольно.

– Вашу легенду непременно попытаются проверить. И в первую очередь среди конезаводчиков: поставляли ли они конский состав в Варшавский военный округ? Есть ли там такой князь-ремонтёр?

– Я и это предусмотрел. Если в Военном министерстве меня поддержат – а Милютин человек умный, – то варшавский конец легенды мы поручим им. Что же касается конезаводчиков, то я связался по телеграфу с сыскной полицией Новочеркасска. Именно в Войске Донском находится большая часть российских заводов. Я попросил коллег подготовить двух-трех авторитетных людей. Из числа тех, кто занимается поставками лошадей и готов при этом негласно помочь полиции. При попытке навести справку о князе Порюсе конезаводчики подтвердят наличие такового офицера и укажут на его высокое служебное положение.

– Павел Афанасьевич. Скажите как на духу: эта роль опасна для вас?

– В Петербурге – нет; там я встречусь только с Рубочкиным, да и Титус будет всегда под рукой. А вот когда поеду на главную станцию, то окажусь целиком во власти этих людей. И они будут меня всячески проверять.

– Нельзя ли этого избежать?

– Нельзя, Андрей Никитич. Предприятие у них огромное, охватывает шесть губерний. Выстроен сложнейший механизм. Представляете: пять тысяч лошадей в год! Это значит, ежедневно они сводят до пятнадцати голов. А их мало украсть, нужно куда-то переправить, спрятать, нарисовать

фальшивую купчую. Возможно, переменить приметы. Кормить, поить, а потом продать так, чтобы полиция не разнюхала. Увязать в одну цепочку офеней, скрипинских коновалов, конокрадов, извозопромышленников; наверняка замешаны и некоторые конезаводчики. Человек, который все это придумал и создал, – гений. И мы ловим именно его. Не поймаем, он отлежится, затаится на год-два – и снова закрутит что-то подобное. А из этого кабинета нам его не поймать. Оцените масштаб дела. Пять тысяч лошадей даются им даром, а сбывают воры их рублей за сто – сто двадцать. Кони у них только хорошие – плохих не берут, стоят они дороже, но им приходится делать скидку, чтоб быстрее продать. Значит, годовой доход шайки составляет примерно полмиллиона рублей. Теперь расходы. Пятерку (вряд ли больше) офене-наводчику, рублей пятнадцать коновалу, и больше всех тем, кто непосредственно рискует – конокрадам. Думаю, им достается рублей по пятьдесят с каждой лошади. Общий расход, таким образом, составляет семьдесят рублей с головы. Накинем еще червонец: на прогон лошади до главной станции или иного укрытия, на фураж, пока не найден покупатель, и тому подобные вещи. Вроде подкупа полиции... Итого чистый доход хозяина дела – двадцать рублей с головы, или сто тысяч рублей.

– Сто тысяч! – ахнул вице-губернатор. – У нас и Бугровы столько не выручают!

– Пора приструнить этого гения. У него в этом замысле одна ахиллесова пята.

– Сбыт?

– Сбыт. Куда деть с выгодой такую уйму лошадей? Вот не успели они вовремя отогнать кислухинскую кобылку и чуть было не погорели. А я предложил им такую наживку, что не смогут они утерпеть не попробовать ее на зуб. В Польше и Подолии располагаются основные части нашей кавалерии – более пятидесяти полков. Потребность в конском составе огромная. Не удержатся они от такого соблазна – разом решить проблему сбыта. Главари выйдут из тени ради знакомства с князем Визапурским, тут-то мы его и возьмем.

– Для маскарада в столице вам понадобится помощь не только градоначальника, но и министерства.

– Даже двух: внутренних дел и военного. Надо будет предъявить Рубочкину нескольких офицеров: от интендантского управления и от управления казачьих войск. Их роли исполнят служащие петербургской сыскной полиции, но спектакль будет игратья отчасти в служебных помещениях этих ведомств. Разрешение на это может дать только военный

министр. Кроме того, мне придется перемещаться по столице в мундире подполковника. Там, конечно, у каждого фонарного столба по штабс-офицеру, но Милютина придется поставить в известность и об этом.

– Я возьму эти проблемы на себя. Что еще можно или нужно сделать, Павел Афанасьевич?

– Имеются две зацепки. Если главная станция находится в Нижегородской губернии, можно попытаться обнаружить ее загодя, чтобы лучше подготовиться к штурму. Отличительные приметы: большой конный двор, лошади постоянно меняются. Крупные закупки фуража. Расположен в укромном месте. Много работников, но все отличаются скрытностью, чужих не жалуют. Водопой поблизости. Большая потребность в ковочном материале. Это или конезавод, или гуртовое дело, или замаскировано под скотобойню. И скорее всего, станция где-то на юге, возможно, неподалеку от того же Скрыпина.

Вторая зацепка – это, скорее, догадка. Когда Титус впервые упомянул Порюс-Визапурского, Рубочкин проговорился: «И у вас князь?» Возможно, их главарь тоже носит титул, и я даже догадываюсь, кто бы это мог быть.

– Павел Афанасьевич, мы непременно должны уничтожить эту гидру. Вы понимаете, какой ущерб они наносят государству? Крестьянские лошади у нас слабосильные: тяжелой работы много, а всю зиму они питаются одной соломой. Правительство пытается улучшить породу, для чего в провинции создаются случные пункты, куда на известное время помещается жеребец с государственного завода. Так эти негодяи изымают самых хороших! Ведь дело только представляется мелочью. Подумаешь, скажут: в России двадцать миллионов лошадей, что такое пять тысяч? А когда поймешь, что изымается элита, которую в нашей деревне и так по пальцам перечесть, тогда уже возникает понимание. Мы с вами, как верные государевы слуги и люди с пониманием, должны наизнанку вывернуться, но этого «гения» прикрыть. Иначе он испортит нам и армию, и деревню!

Через два дня после разговора Рубочкин пришел к Титусу на квартиру. Ян увидел его в окно и успел усестись за стол с толстой пачкой банкнот, которые с сосредоточенным видом принялся пересчитывать и записывать цифры в тетрадь. Расчет оправдался: увидев деньги, извозопромышленник долго не мог оторвать от них глаз и не сразу вспомнил, зачем явился. Титус понял, что на жадности этого человека можно играть любую мелодию...

– Наследство получили, Иван Францевич?

– Эх, Савва Прович! Таким, как мы с вами, всего приходится добиваться самим. А это так, чтобы со скуки не пропасть: в рост отдаю

помаленьку.

– Под какой процент, позвольте полюбопытствовать...

– Двадцать.

– И что, есть желающие? Поосторожнее бы... Вы человек приезжий, цену здешнему люду не знаете. А ну как не вернут?

– У меня не забалуешь. Вот (похлопал по столешнице) закладная на землю и недвижимость по улице Телячьей. Семь десятин-с. Залог-с! И долговая расписка. Нет, не забалуешь.

– Сразу видать делового-то человека, – пробормотал Рубочкин. – Ну, ладно; я ведь по нашему прошлому разговору пришел. Собирайтесь – поедем знакомиться с головой, как просили.

– И в вас сразу видать человека слова, – похвалил гостя Титус. – Сей же час и соберусь. Ехать далеко ли?

– Коли к полудню выберемся из города, то завтра ввечеру обернемся. Заночуем на станции, заодно и осмотрите.

– Тогда заедем сперва в Николаевский банк, оставлю там на хранение деньги и бумаги. Коляска при вас?

– Уже заложена, дожидается на постоялом дворе.

– Заезжайте за мной через три четверти часа, я покуда соберусь.

Так Титус отправился в опасное путешествие. Сначала они спустились вниз по Волге до Лыскова, откуда свернули на юг и через Княгинино к пяти часам прибыли в Сергач. По пути дважды меняли лошадей, а заодно пили на станциях водку и закусывали холодной осетриной с хреном. Настроение Саввы Провича после второй остановки приподнялось. Он принялся заново расспрашивать Титуса, сколько вьючных лошадей положено офицерам в линейном полку и сколько санитарных повозок состоит в обозе первого разряда.

В Сергаче начались неожиданности. Их встретили два угрюмых мужика и пересадили в закрытую коляску с наглухо занавешенными окнами. Один угрюмец уселся на облучок, а второй забрался внутрь и следил, чтобы гость не отдергивал занавесок. Когда же одна из них на ухабе сама отклонилась, обнаружилось, что стекла кареты снаружи забелены.

Так они катили куда-то дотемна, всю дорогу молча и даже без остановок. Титус был невозмутим. Уже в двенадцатом часу ночи, когда спать хотелось больше, чем есть, прибыли на место. Въехали в какой-то плохо освещенный двор, выгрузились и прошли в дом, пропахший конским потом и навозом. Угрюмые мужики сдали гостей шустрому румяному дедку в домотканой рубахе и портах, седому, опрятному, чем-то похожему

на старообрядца. Тот, ласково воркуя, но не спуская с Титуса глаз, постелил им в чистой горнице. Дал умыться, угостил остывшей телятиной и ушел, пожелав доброй ночи.

Титус, утомленный дорогой, скоро уснул. Утром его разбудил Рубочкин, уже одетый и прибранный, и повел завтракать.

Главная станция оказалась большим поместьем с конным заводом. Вдалеке на горе стоял барский дом – белый, с колоннами и двумя флигелями по бокам. Еще дальше виднелось селение с пятикупольным храмом красного кирпича, крытым зеленой жезью. Крестьянские избы густо обрамляли пруд и тянулись в четыре порядка в сторону широкого тракта. Перебрав приметы, подготовленные ему в управлении полиции, Яан понял, куда его привезли и к кому. Подозрения Благово подтвердились...

Они шли к главному дому по большому огороженному пространству, разделенному на несколько отдельных, значительных по размеру загонов. В трех из них плотно стояли лошади, особо паслись кобылы с жеребьями. В самом малом отсеке разгуливали пять или шесть отборных разномастных жеребцов отличных статей. С десятков конюшен окаймляли завод изнутри; дымилась кузня, сновали телеги с кулями овса, слышалось непрерывное ржание.

К Титусу приставили парня лет двадцати пяти – кудрявого, плечистого, с шалыми глазами. Мочка левого уха у него была снизу надорвана. Хорошего чичерона мне нашли, подумал про себя Яан, одним ударом человека убил и скрылся, ловкая шельма... Видимо, после случившегося Гаврилу решили спрятать подальше.

Так втроем они приближались к усадьбе. Рубочкин показывал и рассказывал:

– Вот здесь у нас штучные скакуны. Обратите внимание на того, мухортой^[11] масти. Чемпион! Кличка ему – Абрек. Прыти необыкновенной, три года в Казани все призы брал. Теперь его торгует один адыгейский князь. Цена Абреку – четыре тысячи.

– А какова средняя цена лошади?

– Плохих тут нет ни одной, берем только справных. Цена обычной хорошей лошади примерно сто двадцать рублей.

– Людей где находите, таких, чтобы не болтали?

– Работники тут двух сортов. Одни – местные, из ближних деревень. Предупреждены; пока случаев не было. Их дело, так сказать, крестьянское: напоить, выскоблить, навоз подобрать. Для других дел, где нужна сноровка особого рода – нанимаем. Вот, вроде нашего Гаврилы. Берем

беспаспортных, поселяем, кормим-поим и деньгами не обижаем.

– Поди, и беглые есть?

– Мы об этом не спрашиваем, – сухо ответил Рубочкин.

– А я ведь, Савва Прович, не из любопытства интересуюсь, – обиделся Титус. – Большое дело обдумываем, здесь мелочей нет-с. Полиция беспокоит?

– Местная нет. От урядника до исправника все на коште состоят. А если губернская вздумает явиться, мы про то завсегда наперед узнаем.

– А вдруг облава? Тайная, через голову исправника.

– Здесь, Иван Францевич, облаву сделать не можно. Все устроено так, что мы в любом случае будем предупреждены. Как – не скажу, но на сей счет не извольте беспокоиться.

Через четверть часа они входили в главный дом. Их вежливо приветствовал управляющий – высокий седобородый старик с выразительным лицом, явно один из главных здесь людей. По его приказу лакей провел Титуса с Рубочкиным в просторную залу и усадил в дорогие кресла супротив письменного стола, а сам занял позицию за спиной у гостя. Прошло несколько минут, дверь наконец отворилась, и появился осанистый, в бакенбардах, офицерского вида человек с лицом несколько помятым, но благородным. Он важно кивнул сидящим, сел за стол и молча уставился на Титуса. Тот тоже молчал, потом недоуменно посмотрел на своего соседа, но извозопромышленник отвел глаза.

– Ну, – заговорил наконец хозяин, – это вы готовы свести нас с ремонтёрами линейной кавалерии?

– Савва Прович, – обратился гость к Рубочкину, совершенно отвернувшись от стола, – мы же договорились, что встречаемся с первым лицом.

– Первое лицо перед вами, Иван Францевич.

– Да? Ну так я сейчас встану и уеду. А вы потом д-о-олго будете искать пароль к кавалеристам...

«Хозяин» смешался, оглянулся на дверь. Она открылась снова, и вошел новый человек: среднего роста, среднего возраста и среднего сложения. А вот глаза у него были не средние: пронзительные, необыкновенно умные, они словно бы видели собеседника насквозь. При этом – смуглое, скуластое лицо с сильной примесью татарской крови. Кивком головы вошедший выгнал из-за стола своего двойника, сел на его место и полуулыбнулся Титусу.

– Приносить извинений не стану. Называйте меня Сергеем Сергеевичем.

– Как вам угодно, князь.

Главарь вопросительно посмотрел на Рубочкина. Тот вскочил и развел руками:

– Ни единым словом!

– Была одна обмолвка, и мне ее хватило, – усмехнулся Титус. – Вы князь Мамин, Сергей Сергеевич. Конезаводчик, хотя завод ваш мало известен. А нахожусь я в вашем имении в селе Чуварлей.

– Bravo! – вяло хлопнул в ладоши Мамин. – Вам удалось меня удивить, господин Титус, а это случается не часто.

– И в мыслях не имел фразировать вас, князь. Но и вы войдите в мое положение. Не могу же я объявить Порюс-Визапурскому, что договаривался о большом деле с неведомым Сергеем Сергеевичем, коего даже фамилии не знаю. Такая беседа не может иметь желательного для нас с вами продолжения. Посему пришлось навести справки.

– Что ж, готов согласиться. Теперь моя очередь вас удивлять. Гаврила!

Вошел офеня с рваным ухом и вручил конезаводчику какую-то газетную вырезку.

– Узнаете?

Титус вскочил, лицо его побагровело, глаза почернели от злости.

– Вы... посмели залезть в мой шкаф?!

Это была вырезка из «Московских ведомостей». В статье рассказывалось о разоблачении шайки мошенников, вывозивших огромными партиями российскую серебряную монету за рубеж. Упоминались фамилии трех арестованных кассиров. И отмечалось также, что предполагаемый главарь шайки, названный инициалами Я. Ф. Т., успел скрыться. Буквы были подчеркнуты карандашом, а саму вырезку Титус перед отъездом сдал в Николаевский городской банк.

– Да не волнуйтесь вы так, Ян Францевич. Деньги ваши, все двадцать восемь тысяч сто сорок рублей, преимущественно в доходных бумагах (хорошие, кстати, бумаги!), целы. И находятся в личном вашем банковском шкапу. Возвращаю вам и статейку. Так, обычная проверка.

Титус постоял, подумал, затем сел и посмотрел на Мамина хоть и с досадой, но почти спокойно. Вырезку он сложил и сунул в карман сюртука. Идея со статьей принадлежала Благово. В Москве действительно шел процесс над мошенниками, вывозившими из государства монету. Главарем шайки был некий Яков Федотович Трофимов, находящийся сейчас в бегах. Полное совпадение инициалов и натолкнуло сыщика на мысль, оказавшуюся столь полезной.

– Итак, князь, – хладнокровно произнес гость, – довольно состязаться,

кто кого удивит. Перейдемте к делу. Я свое место знаю: я всего лишь посредник. Но очень важный посредник – без меня вам не выйти на варшавских ремонтеров. Там такая шайка, и уже столько лет... Держатся только за счет осторожности, а я для них человек свой. Поэтому мое условие – пять процентов. В конце концов, вы просто вставите их в отпускную цену. Это же армия – она все съест!

– Возможно. Что вы готовы предложить нам со своей стороны?

– Подполковника князя Порюс-Визапурского, начальника отделения живого инвентаря военно-окружного управления Варшавского военного округа. Комплектация кавалерии, конной артиллерии, а также гужевых потребностей всего округа – включая пехотные части, крепостные команды и саперные батальоны, – все в его ведении. Кроме того, князь может свести вас, если, конечно, захочет, с Киевским и Одесским округами – там у него всюду приятели. Самое же главное – его знакомства в Главном интендантском управлении Военного министерства. У вас ведь лошади по большей части не верховые, а рабочие, не так ли? А это уж не полковые ремонтеры, а министерство.

– Хгм... Сколько он за это потребует?

– Об этом, полагаю, следует спросить самого князя. Его сиятельство очень расчетлив и уже основательно богат. Предполагаю, что за поставки в свой округ он потребует не менее трети, в прочие же округа – от пяти до семи процентов.

– Согласится ли он прибыть сюда для переговоров со мною?

– Не уверен. Ремонтеры – люди балованные, привыкли, что приезжают к ним.

– Это исключено: я никогда и никуда отсюда не выезжаю.

– Странные условия... Это может стать препятствием делу. Князь – человек военный. Хотя... командировка на конезавод вполне может вписываться в его служебные обязанности. Не знаю. Могу лишь обещать, что сделаю все, что в моих силах, чтобы убедить его приехать.

– Постарайтесь же, иначе останетесь без комиссионных. Господин Рубочкин поедет с вами в Петербург, посмотрит на вашего князя. Он что, и вправду индус? Индус-ремонтёр, ха! И если Савве все понравится, а подполковник не прочь будет прогуляться в провинцию, привозите его сюда, в Чуварлей. И только когда мы между грушей и сыром^[12] ударим по рукам, только тогда вы получите свои пять процентов. Договорились? Тогда пожалуйста завтракать.

Благово приехал в Петербург страшно взвинченный. Предстояло

условиться с тремя инстанциями, затем надеть чужую личину и сыграть трудную роль перед опасным и умным противником. Чувство охотника, идущего с рогатиной на медведя: конечно, я его... но всякое может быть.

Сначала коллежский асессор пришел на Офицерскую, 26, где встретился с начальником столичной сыскной полиции Иваном Дмитриевичем Путилиным. Выдающиеся способности этого человека дополнялись изрядной долей хохлацкой хитрецы, даже самый говор его был чуточку малороссийским. Путилин принял незнакомого ему нижегородского коллегу сразу же, внимательно выслушал и понял все с полуслова. Без проволочек он вызвал трех подходящих по фактуре агентов и поручил им включиться в игру. Вощинин и Шереметьевский должны были сыграть офицеров двух Главных управлений Военного министерства – интендантского и нерегулярных войск. Ицка Рабинович, вкрадчивый и проницательный, представлял тип польского еврея-фактора, без которого любые поставки в Привисленский край давно уже сделались невозможны.

Окрыленный их беседой, Благово поехал на следующую встречу – с главой Особой канцелярии министра внутренних дел Маковым. Канцелярия помещалась на Почтампте.

Лев Саввич Маков оказался стройным моложавым красавцем с роскошными кавалерийскими усами и лихо-начальственным взором. Мундирный фрак с орденом Белого Орла и знаком Пажеского корпуса сидел на нем, точно гусарский доломан. Года на два лишь старше Благово, а уже тайный советник. Как люди делают такую карьеру? Столичная молва в скором времени прочила Макову пост товарища министра, а со временем, возможно, и сам министерский портфель. Александр Егорович Тимашев уже десять лет возглавлял министерство внутренних дел, и, как говорили, государь начал подумывать о замене.

Маков без интереса выслушал доклад Благово об обнаружении большой организации конокрадов, о совершенном ими убийстве и о необходимости проведения в столице полицейской операции. Павел Афанасьевич закончил рапорт просьбой оказать содействие при переговорах с Военным министерством. До приезда Рубочкина оставалось всего два дня.

– А что, убийца извозчика перебрался в Петербург? – огорошил сыщика сановник неожиданным вопросом.

– Нет, он скрывается в селе Чуварлей на юго-востоке нашей губернии. Мы готовим штурм этого места и арест преступника, как только выясним все связи упомятой мною организации.

– Какие еще связи, господин Благово? Езжайте-ка в свой Чуварлей,

или как там его, и арестуйте убийцу. Я встречался вчера с вашим губернатором графом Кутайсовым и показывал ему вашу телеграмму. Павел Ипполитович прямо сказал, что не видит никакой необходимости в этих маскарадах, тем более с привлечением зачем-то еще и Военного министерства.

– Расследование веду я, а не губернатор. У его превосходительства нет возможности вникать во все детали. Вице-губернатор Всеволожский всецело поддерживает мой план.

Маков начал выказывать признаки раздражения.

– Ну, у этого миллионщика всегда только ветер в голове. Граф же Кутайсов опирался на мнение коллежского советника Лукашевича. Это ведь, кажется, ваш непосредственный начальник? У него, вы полагаете, тоже «нет возможности вникать в детали»?

– У него, простите, нет желания это делать. Разрешите просить приема у министра! Расследуемое преступление относится к разряду особо важных. Под угрозой интересы государства.

Маков нахмурился и встал.

– Да вы просто либрпансер какой-то!^[13] Не забываетесь, господин коллежский асессор! Видимо, мне самому придется напомнить вам о субординации. Езжайте немедленно домой и арестуйте убийцу извозчика. А фантазии с ряжеными оставьте писакам! И никаких походов в Военное министерство – не смешите народ. Вы свободны!

Благово вышел от начальства раздосадованный. И такие люди руководят самым важным в стране ведомством! Империю ждут ужасные испытания: грядет война с турками, усиливается революционное брожение. Что-то с нами будет при таких-то администраторах? Но коллежскому асессору было уже не двадцать лет, служба его никогда не была легкой, и он полагал это в порядке вещей. Остыв и немного поразмыслив, он решил действовать самостоятельно.

Первым делом сыщик отправился в Департамент полиции, на Фонтанку, 57, и послал оттуда телеграмму Всеволожскому: «Оказался не понят Маковым встрече сотрудниками Военного министерства отказано иду Милютину через голову начальства Благово».

Затем, надев парадный мундир, шляпу с плюмажем, нацепив шпагу и все ордена, Павел Афанасьевич отправился на Адмиралтейский проспект, 12. В приемной военного министра былолюдно, но как-то по-особенному четко и деловито. Посетители заходили в кабинет строго по часам, очередь уменьшалась на глазах без суеты и задержек.

Адъютант Милютина, заметив чиновника из министерства внутренних

дел, поинтересовался, по какому он делу. Благово представился и попросил встречи с помощником министра. Вскоре он сидел в кабинете полковника Кунцевича и излагал ему суть своего дела.

У Павла Афанасьевича Благово была одна особенность. Когда он впервые начинал разговор с незнакомым, но умным человеком, очень скоро тот проникался к собеседнику уважением и внимательно вслушивался в его слова. Кунцевич слушал коллежского асессора не более пяти минут. Поняв, что есть преступники, которые составляют опасность конно-мобилизационным планам в поволжских губерниях, он прервал беседу и отправился с докладом к Милютину. Очень скоро воротился и сказал, что министр просит извинить, но сможет принять его не раньше, чем через сорок минут.

Ровно в указанное время Благово входил в кабинет генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Дмитрия Алексеевича Милютина. Шестидесятилетний, но весьма энергичный, очень умный и не по-военному обходительный человек, министр был внимателен и излучал доброжелательность. Благово подробно рассказал о деле, о размахе хищений, о своем плане уничтожить всю организацию и о том, как отнесся к его идее Маков. Выслушав сыщика и уточнив детали, Милютин сказал:

– Да, господин Благово. Бороться разом и с преступниками, и с недалёковидностью собственного начальства трудно. Я всегда подозревал, что у Льва Саввича ум не на первом месте, но так... Как был уланским ротмистром, так и остался; а ведь скоро сделается министром! Со своей стороны обещаю вам всемерную поддержку. Запрет на сотрудничество с нами может отменить только Тимашев, но за это я вам ручаюсь. Завтра утром у меня высочайший доклад. Полагаю, что после этого министерство внутренних дел одобрит ваш план, что называется, всеми фибрами души. Поручаю вас полковнику Кунцевичу – как мой помощник, он обладает всеми необходимыми полномочиями. И еще, господин Благово. Если вам прискучит преодолевать субординационные препятствия в вашем ведомстве, не угодно ли перейти ко мне? У нас совершенно не развита противоразведочная служба. Два офицера в Азиатском департаменте Главного штаба и еще несколько в Военно-Ученом комитете – и все. А враги России не сидят без дела: австрийцы шпионят на Украине, англичане возбуждают против нас Туркестан, на Кавказе мутят воду османы... Очень нужен человек, умеющий выслеживать, ловить, да еще и думать при этом. Именно такой, как вы. Что скажете? Обещаю: через два года получите чин полковника.

– Ваше высокопревосходительство... Благодарю за лестную оценку.

Но настоящая служба везде трудна, если нести ее на совесть.

– Это верно.

– Потому – бог с ними со всеми... Я ведь не им служу, а... Вынужден отказаться. У меня еще не закончено много дел в Нижнем.

– Жаль! Тогда пожелаю вам успехов. Но повторю: помните, вы всегда можете рассчитывать на мою поддержку.

Вечером на следующий день в кабинете директора Департамента полиции Косаговского состоялось совещание. Помимо хозяина кабинета, присутствовали Путилин со своими тремя агентами, Кунцевич и Благово с приехавшим Титусом. Все были опытные в своем деле и понимали друг друга с полуслова. Павел Павлович Косаговский уже десятый год руководил департаментом, объяснять ему необходимость тщательного расследования вместо торопливого ареста одного убийцы было излишне.

Договорились, что Воцинин будет изображать полковника Адальера из Главного интендантского управления, а Шереметьевский – майора Петрово-Соловово из управления нерегулярных войск. Это были известные среди конезаводчиков офицеры, много лет занимавшиеся поставками конского состава в армию. Решено было даже загримировать сыщиков на тот случай, если Рубочкину сообщены приметы интендантов. Еще несколько агентов предназначались для исполнения второстепенных ролей – швейцаров, вестовых и т. п. Кунцевич обязался к утру доставить из обмундировальной мастерской всю необходимую амуницию, в том числе и гусарский мундир для Благово. Во избежание недоразумений решили, что Павел Афанасьевич будет говорить, что он прикомандирован к Сумскому полку. В окружное управление Варшавского военного округа была послана телеграмма: на любые попытки навести справку о князе Порюс-Визапурском отвечать сообразно легенде. В Военно-Ученом комитете для Благово сфабриковали форменный служебный билет^[14] и командировочное предписание.

Кунцевич взял на себя также подготовку обоих ведомств своего министерства, куда завтра поведут Рубочкина: интендантского и казачьего. Нужно было выставить там нижегородского сыщика влиятельным завсегдатаем.

Дружный ход совещания был прерван появлением курьера от министра внутренних дел: Тимашев срочно требовал Благово к себе. Кунцевич ехидно улыбнулся.

– Получил Егорка, да с тыльной стороны. Наш старик слов на ветер не бросает!

– Не знаете вы наших порядков, полковник, – неодобрительно покачал головой умудренный жизнью Путилин. – Не стало бы Павлу Афанасьевичу хуже...

– Я с вами, – нахмурился Косаговский. – Операция необходима и может принести успех, будем отстаивать ее вместе.

Поднялись на третий этаж. Директор Департамента полиции остался ждать в приемной; Благово не без волнения вошел в огромный кабинет министра.

Тимашев, в парадном генерал-адъютантском мундире и александровской ленте (только что с высочайшего доклада), встретил его стоя. У окна Благово заметил Макова со злой гримасой на физиономии.

– Вы встречались вчера с военным министром? – не здороваясь, поинтересовался Тимашев.

– Да, ваше высокопревосходительство.

– Я же вам запретил! – взвизгнул от окна Маков. – Вы посмели нарушить мой приказ?!

Министр повернулся к директору своей Особой канцелярии.

– Его Императорское Величество расценили ваше препятствие следствию как серьезную служебную оплошность. Мне велено передать вам августейшее неудовольствие. Без занесения в формуляр...

Тайный советник побагровел и прикусил ус.

– Я отменяю ваш запрет. Министерство внутренних дел берет дело по обезвреживанию шайки конокрадов под свой контроль. Вам, господин коллежский асессор, будет оказана всемерная поддержка. Присядем. Расскажите-ка все в подробностях.

– Позвольте пригласить из приемной Павла Павловича Косаговского. Он совместно со мной готовит петербургскую часть операции.

– Так, значит, мое ведомство не самоустранилось! – обрадовался Тимашев. – Завтра же доложу государю об этом запиской. Нет, сегодня!

Директор Департамента полиции и нижегородский сыщик посвятили министра в подробности готовящегося маскарада. Далее Павел Афанасьевич уже в одиночку рассказал, что собирается посетить Чуварлей под именем Порюс-Визапурского. Познакомиться с князем Маминым, ударить с ним по рукам, а заодно изучить систему охраны, определить численность шайки, обдумать детали штурма. И потом появиться в разбойничьем гнезде уже во главе полицейского отряда.

Тимашев одобрил все предложения Благово и распорядился при необходимости лично адресоваться к министру. Затем помялся и спросил:

– Государь сказал, что два человека одновременно известили его об...

э-э... не совсем верной позиции моего министерства. Один из них – генерал-адъютант Милютин. А кто же второй?

– Не знаю, ваше высокопревосходительство. Вероятно, это следствие усилий вице-губернатора Всеволожского.

– Как странно. Еще два месяца назад он был моим чиновником особых поручений и хорошо знает мои хватку и быстрый ум. Почему же Всеволожский не дал мне знать, а обратился через мою голову?

Павел Афанасьевич промолчал, хотя знал ответ на вопрос генерала.

– Таким образом, вы всего-навсего коллежский асессор из провинции, чужой в столице человек, всего за сутки сумели дважды найти способ обратиться к государю. Не так ли?

– Исключительно для пользы дела, ваше высокопревосходительство.

– Конечно, конечно, все мы служим только ради этого. Благово... Я запомню вашу фамилию.

– Я тоже, – подал голос из угла Маков, и в голосе его прозвучала угроза.

До конца дня Павел Афанасьевич с путилинскими агентами и полковником Кунцевичем успели подготовить все необходимое для завтрашнего спектакля. Главное интендантское управление находилось в здании министерства, но имело отдельный вход с Вознесенского проспекта. Уже в десять часов пополудни сыщик зашел к Милютину. Известный труженик, тот все еще работал. Благово поблагодарил генерала за поддержку, рассказал, как идет подготовка к операции. Министр выслушал, протянул руку и бросил коротко:

– С Богом!

И снова уткнулся в бумаги.

Утром 17 мая Благово неспешно прогуливался по Адмиралтейскому скверу. Он был одет в яркий мундир 1-го Сумского гусарского полка: краповые шапка и чакчиры и синяя венгерка с гарусными шнурами. На шнурах – подполковничьи гамбы, на сабле аннинский темляк, вид по-гусарски лихой.

Павлу Афанасьевичу уже приходилось носить мундир в молодые годы. И хотя то был скромный сюртук лейтенанта флота, походка и привычки русского офицера у него сохранились. Более того, сыщик умело изображал «николаевскую» школу в выправке – выпускники Николаевского кавалерийского училища ходили все одинаковым манером. Благово тонко дзенькал шпорами, лениво козырял младшим по званию, игнорировал равных^[15], ловко избежал какого-то престарелого артиллерийского

генерала. Тут и появились те, кого он ожидал.

– Разрешите представить, ваше сиятельство, – почтительно отрапортовал Титус. – Савва Провыч Рубочкин, нижегородский извозопромышленник. А также доверенное лицо князя Мамина.

– Князь Порюс-Визапурский, – Благово благосклонно махнул извозопромышленнику рукой в замшевой перчатке.

Втроем они вышли на набережную Невы и около получаса беседовали на тему ремонта. Рубочкин был насторожен и недоверчив, внимательно наблюдал повадки «князя», часто оглядывался вокруг. Из разговора скоро выяснилось, что он человек умный и по-звериному хитрый; сыщик внимательно подбирал каждое слово. Наконец решено было зайти в интендантское управление – выяснить планы закупок на текущий год, узнать цены и заручиться предварительной поддержкой друзей князя.

Едва Порюс зашел в шинельную, навстречу ему подобострастно бросился швейцар – бессрочноотпускной седовласый фельдфебель, весь в медалях.

– С приездом, ваше сиятельство! Давненько вас не было; мы уж соскучимшись. Дозвольте сабельку принять.

– Здорово, Тимофей, – благосклонно улыбнулся князь. – Все пыхтишь, старый гриб?

И сунул швейцару рубль.

– Премного благодарны, ваше сиятельство Антон Львович, завсегда-то вы нас балуете.

Двинулись дальше по коридору, и, пока шли, с гусаром приветливо поздоровались еще несколько человек – писари, офицеры и даже один моложавый генерал. Чувствовалось, что князь здесь свой, что ему рады и хорошо его знают. Без доклада зашли в большой кабинет с табличкой: «Начальник Отдела комплектации живым инвентарем полковник М.М. Аладьер». Толстенный, живой, как ртуть, хозяин кабинета радостно расцеловался с Порюсом, после чего тот представил ему своих спутников:

– Мишель! Мы по делу. Серьезному. Господина Титуса я хорошо знаю, а он рекомендует господина Рубочкина как делового и надежного человека.

Полковник без лишних слов прикрыл поплотнее дверь, внимательно взглянул на статских.

– Роспись до министерства дошла?

– Позавчера.

– Значит, у тебя теперь денег как грязи?

– Есть маленько. А что вы имеете предложить?

– Пять тысяч голов лошадей равными частями в течение года.

– Всего-то? В русской армии почти семьсот тысяч конского состава. Лошадь служит по восемь лет; каждый год ремонту подлежит примерно восемьдесят восемь тысяч единиц, и столько же выранируется из строя.
[\[16\]](#)

– Вот и славно; что такое наши пять тысяч?

– Но есть и другие цифры. Например, господа, знаете ли вы, сколько частных конных заводов в одной только в Европейской части России?

– ?

– 1820. А еще в Средней Азии 40. На Дону 83. В Польше более 20. Выбор огромен. Для чего же мне приобретать именно ваших лошадей?

– Для того, Мишель, – ласково взял Аладьера за пуговицу князь, – что мы вернем тебе десять процентов от полученных сумм. А другие возвращают только восемь. Под мое честное слово.

Полковник скупно улыбнулся и сменил тон.

– Каких сортов у вас товар?

Порюс-Визапурский вопросительно взглянул на Рубочкина, тот придвинулся.

– Строевых-то немного, всего около пятисот. По большей части донцы и орловцы, но есть и аргамки, англоарабы, кабардинцы и варварийцы. Далее, примерно сказать, тыщи полторы вьючных да три тысячи упряжных.

Аладьер откинулся на спинку стула, задумался. Рубочкин тем временем приглядывался к обстановке в кабинете интенданта. Большие фолианты по гиппологии [\[17\]](#), комплекты «Вестника конезаводства» за ближайшие годы на полках шкапов, море бумаг на рабочем столе, полная окурков пепельница.

Бесшумно раскрылась дверь, молодой корнет притащил еще целый ворох новых входящих отношений. Напомнил, что через час совещание у «самого», и удалился.

– Я уже обещался Яновскому и Стрелецкому заводам, что покупаю у них.

– Эка отговорился! Они тебе, что, всю потребность покроют? – усмехнулся князь.

– Кто же ваш поставщик?

– Конезавод князя Мамина в селении Чуварлей Нижегородской губернии Лукояновского уезда Теплостанской волости.

– Никогда о таком не слышал.

– Ну, так теперь довелось.

Аладьер еще раз внимательно осмотрел статских, с особой

внимательностью задержавшись на Рубочкине. Тот сказал:

– Все исполним как надо, господин полковник.

– Вы пока погодите, любезный, – холодно осадил его интендант. – Я вас вижу впервые, и ваши слова ничего для меня покуда не значат. А вот слово князя Порюс-Визапурского весит много. Потому как, ежели вы меня обманете, за вас придется заплатить ему. И он обязательно заплатит – князю в этот кабинет еще ходить и ходить. Учитывая, что Антон Львович дал за вас ручательство – будем считать, мы договорились.

Рубочкин и Титус едва заметно выдохнули, а князь даже не улыбнулся, он был спокоен и деловит.

– Расскажи господам подробности. Я встречаюсь с Маминым очень скоро – он захочет подробностей.

Аладьер вздохнул и полез в несгораемый шкаф. Вынул толстую папку с надписью «Весьма секретно», извлек из нее несколько листов с литографированным текстом.

– Мы, интенданты, упряжных лошадей называем подъемными, так записано в уставе. Подъемные лошади разделяются на собственно упряжных и на крупнорабочих, иначе именуемых тяжеловозами. Одно дело катать огнеприпасы или лазарет, и совсем другое – девятифунтовую батарейную пушку весом в сто тридцать пудов. Как представлены ваши лошади, господин Рубочкин?

– В подобном смысле – примерно поровну. По полторы тысячи тех и тех, туда-сюда сотню.

– Упряжные каких отродьев?

– В основном это вятки, господин полковник, включая казанок и обвинок. По двести – двести пятьдесят финок и эстонок.

– А тяжеловозы?

– Больше половины, конечно, битюги, но много арденов и першеронов, остальные суффолы и клейдесдали.

– Битюг нынче совсем измельчал... У вас как? Шесть вершков дадите?

[18]

– Скорее пять, ежели по-честному-то. Правда, ваше высокоблагородие, – измельчал битюг...

– Хгм... А вьючные?

– Калмыцкие и башкирские, примерно поровну. Сухие, свежие.

– Понятно. Легче всего с подъемными – их я могу купить у вас прямо сейчас, причем всех скопом. Получено негласное распоряжение: перевести пешую артиллерию на штаты военного времени. Слыхал об этом, Антуан?

– Слышал, Мишель; очень хорошая новость. Дело в том, Савва

Прович, что потихоньку идут приготовления к войне с турками. Начали с пешей артиллерии. Там при батарее восемь орудий, а конского состава – всего на четыре. В мирное время... Теперь же число лошадей надо очень быстро удвоить, а тут как раз вы со своими тяжеловозами. Сколько, Мишель, у нас стволов в пешей артиллерии?

Аладьер зашелестел бумагами.

– Минуту... Вот! Ежели отбросить гвардию и казаков, остается 1188 орудий, из которых половина – то есть 594 штуки – пока без тяги. По шести лошадей на орудие... (полковник защелкал костяшками счетов) потребуется 3564 крупнотяжелые лошади. Вот ваши полторы тысячи и возьмем. По полторы сотни голова, получается 225 000 рублей. Теперь прочие упряжные. В русской армии их сейчас приблизительно 160 000, при замещении одной восьмой части потребуется в этом году около 20 000 единиц. Забираем сюда другие ваши полторы тысячи. Эти идут по 120 рублей, выходит 180 000. Остаются выючные. Сколько их, бишь, у вас?

– Так тоже полторы тысячи... примерно...

– Тут сложнее. Этого сорта лошади положены только кавалерийским офицерам да еще казачьим обозам 1-го разряда. В гвардию и к казакам не прорваться, остается армейская кавалерия. Так... посмотрим. 46 полков плюс запасные бригады... всего числится господ офицеров 2809 человек. Делим опять на восемь... годовая потребность 351 лошадь. Даже ежели мы всю ее заместим только вашими – что невозможно! – куда прикажете брать остальных?

Рубочкин смешался, но тут на его стороне выступил князь Порюс-Визапурский:

– Не будь педантом, Мишель. Вспомни уроки географии в училище. Болгария – горная страна, часть общеармейских обозов вынужденно перейдет на выюки. А наши славные казаки? Неужето к ним совсем не пролезть?

– Тебе придется, Антуан, самому договариваться с Жоржем. У них в управлении свои любимцы, нас они слушать не станут.

– Жорж – это майор Петрово-Соловово из Главного управления нерегулярных войск, – пояснил князь своим спутникам. – Без него нельзя. А он нам выставит своего фактора со звучной фамилией Перельмутер – то его кошелек. Виза Жоржа стоит еще полтора процента, но с ним мы договоримся.

– Тут могут быть трудности, – покачал головой полковник Аладьер. – Я слышал, его уже подмазали англичане, чтобы продвинуть своих гунтеров.

– Мишель, надобно быть патриотом! Поддержать нашего русского

промышленника перед коварным Альбионом. За десять процентов...

– Вот еще вопрос, господин полковник, – помялся немного Рубочкин. – Не все наши лошадки – четырехлетки. Нельзя ли как-нибудь уладить это обстоятельство?

– Годом больше или меньше могут проскочить, особенно когда начнется война, но тут нельзя чересчур забываться. «Чашечки»^[19] все покажут. Если будет много выбраковок, ремонтные депо отсигналят и мне влетит. Но скоро совещание, господа, что у нас еще осталось?

– А остались строевые-с, господин Аладьер. Их хоть и меньше всех, но они отборные, хотелось бы сдать их подороже.

– Понимаю. Самые дорогие приобретает гвардейская тяжелая кавалерия. Рост, желательно, не ниже пяти вершков, а лучше все шесть. И очень жесткие требования по масти. У «синих» кирасир, к примеру, все кони рыжие, у «желтых» – караковые, а у кавалергардов светло-гнедые. Стоят такие лошади не менее трехсот пятидесяти рублей. Далее идет легкая гвардейская кавалерия: рост не ниже четырех вершков, и тоже следят за мастью. Лейб-улань – гнедые, конногвардейцы вороные, и так далее. Цена таких лошадей не ниже двух сотен. И, наконец, армейская кавалерия: допускаются двухвершковые лошади, масти «по возможности», цена сто пятьдесят целковых для офицеров и сто двадцать пять – для нижних чинов. Тут поставка штучная, и многое зависит не от нас, интендантов, а от самих полковых ремонтеров. Князь знает многих из них лично, так что последний ваш вопрос не ко мне, а к его сиятельству. Засим, господа, не могу долее продолжать беседу – совещание у начальника управления. Ступайте сейчас к казакам. Если договоритесь – а князь, Савва Прович, с кем угодно договорится! – приходите завтра к половине одиннадцатого с документами.

И троица, покинув интендантов, пошла в Главное управление нерегулярных войск. Неожиданно в одном из коридоров они налетели на поджарого седоусого генерал-майора с моноклем в глазу. Генерал удивленно воззрился на Благово, тот козырнул и хотел пройти мимо, но не получилось.

– Кто вы такой, господин подполковник? Я начальник 1-й бригады 1-й дивизии и знаю в лицо всех офицеров Сумского полка. А вас вижу впервые!

– Позвольте представиться: подполковник князь Порюс-Визапурский, служу по интендантской части в военно-окружном управлении Варшавского округа. Прикомандирован к Сумскому генерал-адъютанта графа фон ден Пален полку с 1871 года, почему и ношу сей благородный мундир.

– Ох уж эти мне прикомандированные, – пробурчал генерал. – Только засоряете строевые полки. Свободны!

Рубочкин слушал этот диалог с напряженным вниманием. Заметно было его изменившееся настроение: он снова сделался подозрителен.

– Вот так каждый раз, – вздохнул князь. – Плохо быть прикомандированным! У тебя получается два начальника, из которых каждый считает, что не он должен представлять тебя к награде. Я лишний год в майорах пересидел, прежде чем Варшава с Москвой списались!

Беседа с Петрово-Соловово (агент Шереметьевский) была короткой: договорились поужинать вечером в «Медведе» и расстались. Закончив с визитами, решили пообедать в «Золотом якоря», куда и отправились. Благово заметил, что за ними неотступно следует коляска с поднятым верхом. Когда, плотно закусив и выпив водки, они вышли на подъезд, Рубочкин тронул Титуса за рукав и кивнул в сторону коляски. С облучка экипажа сыщику помахал знакомый возница – Гаврила с рваным ухом.

– Вы, Иван Францевич, сядьте, пожалуйста, вон туда.

– Это зачем же?

– А погостите пока у князя Мамина. Гаврила вас прямо до Чуварлея довезет. Таковы указания Сергея Сергеевича. Отдохнете там, развеетесь, а мы с их сиятельством закончим дела и тотчас прибудем. Тогда князя наши и ударят по рукам.

Когда до Благово дошел смысл сказанного, в глазах у него потемнело. Титуса забирали в заложники! Видно, недоумевающий генерал не выходил у Рубочкина из головы, и он решил перестраховаться.

– Вы что же, господин извозопромышленник, моего человека в аманаты^[20] захватываете? – рявкнул он. – Так не годится между доверенными партнерами! Эдак мы ни о чем не договоримся. Никуда он не поедет!

Но Титус перебил своего шефа:

– А я считаю, Савва Прович дело говорит. Компанионы пока еще мало знают друг друга, осторожность лишней не бывает. Я поеду. И буду вас там дожидаться, ваше сиятельство, с хорошими новостями.

Так Благово остался без Титуса. Тот сам для пользы дела сунул голову в петлю, и Павлу Афанасьевичу оставалось только не подвести своего подчиненного. И в первую очередь необходимо было обезопаситься от генерала с моноклем. Сыщик, простившись до вечера с Рубочкиным, помчался в Военное министерство.

Кунцевич внимательно выслушал известие, которое принес Благово, и закручинился.

– Говорите, он назвался командиром 1-й бригады? Сухощавый, с моноклем... Да, это генерал Кострубо-Карицкий. Главный по армейской кавалерии фрондер и краснобай. И живет, и служит по принципу – как говорит мой денщик Семен, – «хоть наничку^[21], да на отличку». Ну ничего... Сегодня вечером он должен быть в Главном штабе; там я его перехвачу и предостерегу именем Дмитрия Алексеевича от излишнего любопытства. Не волнуйтесь, занимайтесь своим делом, все будет в порядке.

Удовлетворенный, Благово дождался условленного часа и отправился в «Медведь». Петрово-Соловово (агент Шереметьевский) действительно привел с собой фактора Ицку Перельмутера (агента Рабиновича). Кавалерист не опозорил своего рода войск и напился быстро и в стельку, успев, однако, сказать, что «он не против отечественного коня». Зато фактор впился в Рубочкина, как клещ, торгуясь до истерики за каждую копейку. Извозопромышленник не уступал еврею ни в цепкости, ни в алчности; стороны расстались в полном взаимном уважении. Договорились в итоге, что с каждой вьючной лошади, поставленной в казачьи полки, майор Соловово получит девять с полтиной – за то лишь, что нарисует визу на заявке Аладьера!

Уже в первом часу Савва Прович развозил пьяную компанию по ночлегам, он же оплатил ресторанный счет (выпили и закусили почти на полсотни). Благово условился встретиться с ним завтра на Адмиралтейской площади в половине одиннадцатого.

Как интендант и гусар, князь остановился в «Астории» на Морской улице. Когда он, густо дыша водкой, вошел в вестибюль, конторщик почтительно вручил ему записку. В ней было всего три слова: «Все хорошо. Кунцевич». С этим Павел Афанасьевич и заснул.

На следующее утро Рубочкин с князем входили в уже знакомый им подъезд интендантского управления. И снова навстречу выкатился вчерашний генерал с моноклем! Гусар молодецкато козырнул, но Кострубо-Карицкий язвительно произнес:

– Здравствуйте, господин шпион. Не стыдно носить чужой мундир?

Он не успел еще договорить свою фразу, как Рубочкин сорвался с места и бросился бежать прямо вдоль по Вознесенскому проспекту. Благово опешил на секунду, дернулся было за ним, но развернулся к генералу.

– Идиот! Я бы тебя...

Погрозил кулаком – и побежал за преступником. Но как только он почти догнал его, Рубочкин на бегу обернулся и выстрелил в него из

револьвера; пуля просвистела возле щеки. Сыщик увеличил расстояние до более безопасного, но не отставал, а преследовал неотступно. Утро, центр города – никуда не денется. Сейчас на пальбу сбегутся городовые и повяжут молодца. Не убил бы он только кого за это время...

Словно услышав его мысли, извозопромышленник юркнул в ворота большого доходного дома, и тут же наперерез ему бросился дворник. Увидев, что офицер преследует статскую личность, он, естественно, принял сторону офицера. И поплатился за это жизнью: Рубочкин выстрелом в упор выбил ему глаз и не останавливаясь промчался мимо. В следующем дворе, заслышав пальбу, в погоню вмешался какой-то мастеровой. Негодяй на ходу свалил и его... Благово понял, что, если не задержать преступника немедленно, он уложит еще столько обывателей, сколько у него в барабане осталось зарядов. Поднажав, он сблизился с Рубочкиным и, выхватив из ножен саблю – единственное свое оружие, – занес ее над головой. Оглушу ударом плашмя, думал он. Но злодей резко развернулся и вскинул руку с револьвером. Торопясь ударить его по руке, Павел Афанасьевич опустил клинок, и в ту же секунду раздался выстрел. Пуля сорвала с плеча сыщика погонный шнур, пороховые газы обожгли лицо. Лезвие сабли ударило в курок «Смит-Вессона», соскочило и по инерции пролетело вниз. Самый кончик клинка чиркнул преступника по горлу и рассек его так, что кровь фонтаном брызнула во все стороны.

Рубочкин, схватившись обеими руками за разрубленную гортань, повалился на бок и принялся лихорадочно сучить ногами. Он хрипел, пускал кровавые пузыри; бордовое пятно быстро расползлось под ним по мостовой. «Убил! – ошарашенно подумал Благово. – Как же я теперь в Чуварлей приеду? А Титус?» Он задрал венгерку, отхватил от рубахи большой лоскут и принялся неумело перевязывать раненого. Тут с черного хода выбежал на двор еще один мастеровой, расхристаный, без фуражки, но с гармоникой в руках. Невзирая на ранний час, он был уже в стельку пьян.

– Ты это чиво? – наклонился он над раненым обывателем. Потом заметил кровь, осмотрелся, увидел сцену с перевязыванием и сразу озверел.

– Падлы! Мишку убили?! Ща я до вас доберуся...

Отбросив инструмент, он кинулся на Благово с кулаками. Сыщик увернулся, отбежал в сторону и задул в полицейский свисток. Однако вместо городского на шум прибежало еще четверо столь же пьяных артельщиков.

– Полиция! – крикнул им коллежский ассессор. – Бегите скорей за

доктором – здесь раненые!

– Да уж, дохтур тебе спонадобится, – буднично сказал самый рослый из вновь прибывших и стал неспешно засучивать рукава.

Тут Павел Афанасьевич понял, что крепко влип. Рубочкин истекает кровью, подмоги не видать, а эти дураки сейчас примутся за него всерьез. Он нагнулся, подобрал саблю и грозно пообещал обступившим его личностям:

– Зарублю.

Сказано это было негромко и без аффектации, и потому прозвучало убедительно. Мастеровые отступили на шаг, зашпорили:

– Ну его! Вишь – офицер, нас же потом и засудят. Пушай полиция разбирается!

– Чево «офицер»! Мишку убил, дворник без глаза валяется, и вон тот еще хрипит! Обходи его с боков и бросайся все сразу!

Благово, не опуская сабли, продолжал наяривать в свисток, но в колодце двора звуки гасли. Двое пьяниц отстали, но трое других сговорились и начали окружать сыщика. Он прижался спиной к стене. Болело обожженное лицо, ныла контуженная ключица, а более всего удручал идиотизм происходящего... Выпад налево – точнее, имитация выпада (Благово очень опасался поранить кого-нибудь из этих пьяниц); мазурик отскочил. Правый было метнулся в атаку, но клинок уже глядел на него.

– Васька, брось, ведь взаправду зарубит.

Троица принялась опять вполголоса совещаться.

– Я полицейский офицер, – воспользовался передышкой Павел Афанасьевич. – И дворника, и вашего товарища стрельнул вон тот, который хрипит. Я гнал его и достал саблей. Но он нужен мне живой! Ему и вашему Мишке – обоим срочно требуется доктор. А вы только время транжирите, рвань питерская! Ну-ка, быстро: один за доктором, другой за городовым!

Артельщики слушали его с видимым напряжением, но мало что понимали. И тут наконец раздался топот, и во двор вбежал солдат с винтовкой – подчасок от Военного министерства. Увидев происходящее, он немедленно закрыл собой офицера, взял винтовку «на руку» и навел ее на мазуриков.

– Значитца, тот убил. Не энтот, – задумчиво сказал обладатель гармошки, после чего не спеша вынул из сапога нож и пошел к Рубочкину. Тот, замотав шею обрывком рубахи, держался из последних сил. Увидев приближающегося к нему диопсода^[22] со зверской физиономией, Рубочкин только зажмурился.

– Назад! – рявкнул Благово так, что у самого в ушах зазвенело, и ударил гармониста саблей плашмя по затылку. Одновременно с этим солдат выстрелил на воздух. Тесный двор заволокло дымом, замелькали какие-то тени. Когда дым рассеялся, способные передвигаться убежали; остались лишь сыщик с подчаском, убитый дворник и трое раненых. Вскоре примчались долгожданные городовые, появилась карета с доктором, собралась толпа зевак. Коллежский ассессор показал старшему свой билет с фотопортретом и отправился с ним к градоначальнику – давать объяснения по поводу происшедшего. От Трепова сыщик вернулся в Военное министерство и рассказал Кунцевичу, что пришло. Скрипнув зубами, тот пошел докладывать Милютину.

Через час в кабинете последнего стоял навытяжку генерал-майор Кострубо-Карицкий. Лицо его было покрыто красными пятнами, холеные усы подрагивали. Благово, переодетый в партикулярное платье, сидел в кресле; разгневанный Милютин мерил шагами кабинет.

– Полковник Кунцевич передал вам от моего имени не соваться в историю с сумским гусаром князем Порюсом?

– Точно так, ваше высокопревосходительство!

– Почему же вы не выполнили точно обозначенного моего распоряжения?

– Виноват, ваше высокопревосходительство! Понятие о чести офицера... побудили меня, так сказать... высказать свое отношение. Я человек чести!

– Вы отказываете в понимании чести коллежскому ассессору Благово? Который ведет свой род, если не ошибаюсь, с четырнадцатого века...

– Этот господин обозвал меня идиотом!

– Он как нельзя более прав, генерал. Честь офицера... Вы знаете, что наделали вашим длинным языком? Поставлена под угрозу операция по защите наших конно-мобилизационных планов. Господин Благово чудом не погиб – он контужен произведенным в упор выстрелом. Имеются жертвы среди обывателей. И все это потому, что вам захотелось посудачить на тему офицерской чести?

Кострубо-Карицкий молчал. Министр повернулся к Благово:

– Имеете что сказать, Павел Афанасьевич?

– Да, Дмитрий Алексеевич.

Сыщик устало поднялся, потер не заживающее плечо, подошел к генералу. Поглядел ему в глаза, как огнем прожег.

– Глупость и дешевый апломб, проявленный вами, в обычное время являлись бы вашим частным делом. Жаль только ваших подчиненных... Но

сейчас не то. Из-за вашей фанаберии, генерал, погиб человек. Так, обычный дворник. Но ведь тоже Божья душа. Честно исполнял свой долг и был застрелен преступником наповал. Остались двое детей – теперь они сироты. Из-за вас. Другой случайный прохожий сделался навсегда калекой. Тоже из-за вас. И еще мой подчиненный, губернский секретарь Титус. Он теперь в заложниках у преступников, которых я ловлю. Его жизнь под угрозой. И я не знаю, как его спасти... И это тоже из-за вас. Будьте вы прокляты! Если с Титусом что-нибудь случится, я сделаю все, чтобы вас отдали под суд.

– Я тоже, – добавил Милютин. – За невыполнение указания министра, что повлекло за собой тяжкие последствия. Пока же я отстраняю вас от командования бригадой и перевожу в распоряжение начальника Главного штаба. Без должности. Молите Бога, чтобы господин Благово успешно завершил операцию. Идите!

Когда Кострубо удалился, министр спросил у Павла Афанасьевича:

– Вы не забыли взять перевязочное свидетельство?

– Помилуйте, Дмитрий Алексеевич – зачем? Пустяковый ушиб.

– А вы возьмите. Передадите его пока мне, я потом верну. Возьмите, возьмите – поверьте старому бюрократу.

Вечером, когда Благово сидел у Косаговского, за ним неожиданно прислали из Михайловской больницы барона Виллие. Туда был помещен под охраной раненый Рубочкин, и теперь он просил «человека, называющего себя князем Порюсом», приехать. Говорить извозопромышленник не мог и потому прислал записку.

Павел Афанасьевич немедленно поехал в больницу. Обмотанный бинтами, Рубочкин выглядел измученным, писал с трудом, но настойчиво хотел объясниться.

«Вы спасли мне жизнь, а ведь я в вас стрелял. Спасибо».

Благово молча кивнул.

«Довольно вохры (зачеркнул, написал: «крови»). Надо спасать Титуса».

– Как?

«Пошлите князю Мамину телеграмму от моего имени. Я-де уехал в Варшаву, а вас отсылаю пока в Чуварлей. Вернусь будто бы вскорости. За это время сделайте облаву. В телеграмме обязательно должно быть слово «благородно». Иначе вас обоих зарежут».

Павел Афанасьевич наклонился, пристально заглянул уголовному в глаза.

– А может, нас зарежут именно потому, что в телеграмме будет слово «благородно»?

Извозопромышленник не отвел взора, а перекрестился и дописал:

«Спасайте Титуса. На суде я дам признательные показания».

Благово вернулся в Департамент полиции в сильной задумчивости. Показал директору записки от Рубочкина и попросил совета – вставить слово-пароль в телеграмму или нет.

– Я полагаю, что это ловушка, – сказал, подумав, Косаговский. – Ему и так уже светит двадцать лет каторги – за убийство и тяжелое увечье, за конокрадство скопом по предварительному сговору и за сопротивление при аресте. Если вас с Титусом в Чуварлее зарежут, наказание Рубочкину повысят до бессрочной каторги. Но вы же знаете, что всем бессрочнокаторжным по прибытии на рудники переписывают приговор на двадцатилетний. Следовательно, отомстив вам, этот бандит останется безнаказанным. Вы верите в благородные мотивы подобных людей?

– Не верю, Павел Павлович, но деваться некуда. Если Рубочкин солгал – нас определенно убьют, если нет – у Титуса появляются шансы.

– А не ехать вы не можете?

Благово посмотрел на Косаговского, тот смутился:

– Извините, Павел Афанасьевич... Как собираетесь штурмовать этот притон?

– Чуварлей – большое село. Крестьянских дворов около трехсот, они стоят в четыре порядка. От старого Сибирского тракта до села примерно две версты. Дальше – усадьба, в ней около десяти строений. И, наконец, конезавод с казармами для рабочих. Собственно село нас не интересует. Нужно будет блокировать усадьбу и отсечь ее от казарм, где живут верные Мамину люди. Слабые сразу побегут; для их поимки поставим наружное оцепление. Дороги перекроем патрулями. Бой я ожидаю только в самой усадьбе – туда войдут двадцать человек самых решительных. Главное – не упустить князя!

– Удастся ли полицейскому отряду подобраться незамеченным? Наверняка там есть предупредительная служба.

– Имеется, причем на тридцать верст вокруг, а также в уездном городе. Но если применить солдатскую смекалку...

В Нижнем Новгороде почти сутки Благово, Каргер и Всеволожский разрабатывали план захвата главной станции. Решено было, что Павел Афанасьевич приедет в Чуварлей с денщиком, роль которого исполнит старший городской Тимофеев. Этот человек обладал огромной физической

силой; однажды он в одиночку задержал четырех опасных дезертиров. В местном цейхгаузе с трудом нашли солдатский мундир подходящего размера. Также Благово прихватил с собой маленький, но мощный «трэнтон» двадцать пятого калибра^[23], который спрятал во внутреннем кармане доломана.

Телеграмму от имени Рубочкина коллежский ассессор послал еще из Петербурга, в ней была фраза, что «интенданты ведут себя благородно». Второе донесение сфабриковали так, будто бы оно пришло из Варшавы. Из Нижнего Благово телеграфировал Мамину уже от имени подполковника Порюса, прося встретить его в Теплом Стане завтра в одиннадцать часов до полудни.

За час до приезда лжегусара в Чуварлей должен был войти под видом Курмышской конвойной команды полицейский отряд. Конвой несколько раз в году останавливался в селе на дневку, поэтому в его появлении не было ничего необычного. Для большего правдоподобия поручик и старший унтер-офицер команды были настоящими, хорошо знакомыми местным жителям.

Хуже обстояло дело с кавалерией, из которой надлежало составить оцепление и патрули на дорогах. Как известно, во внутренних губерниях она полностью отсутствует, дислоцируясь на западной границе и в областях казачьих войск. По счастью, Всеволожский только что закончил формирование конно-полицейской стражи. Ночью пятьдесят верховых должны секретно выйти из Нижнего Новгорода, к двум часам дня достигнуть деревни Сарбаево, там свернуть с тракта и окружить Чуварлей. К половине третьего заставы перекроют дороги на Скрыпино, Старую Назаровку и Малое Игнатово; в это же время пешая полиция из села пойдет на штурм усадьбы. Успех операции, а также жизни Благово, Тимофеева и Титуса зависели от слаженности действий всех сил.

С тяжелым сердцем въезжал Павел Афанасьевич на маминском экипаже в Чуварлей. Жив ли еще Яан? Вот сейчас и узнаем. Заодно выяснится, сколько жить тебе, господин коллежский ассессор...

Седобородый управляющий встретил гостей на крыльце усадьбы и сразу заселил их во флигель. Три опрятных комнаты с хорошей обстановкой, еще одна заперта на ключ... Окна выходят на пруд и на яблоневый сад, слегка запущенный. Молчаливый лакей разложил вещи и уселся у двери в ожидании приказаний. Управляющий предложил баню с дороги, но Благово уклонился и попросил обычного умывания. Его «индусская» смуглость могла после парной сойти на нет. Вдруг в сенях

раздались торопливые шаги и в комнату ворвался – Титус! Живой и здоровый.

– Здравствуйте, ваше сиятельство! Как жизнь, Тимофеев? – затараторил он. – Я уж тут заждался, все занятия по десятку раз перепробовал. Васька! Бегом за пивом, да смотри, чтоб холодное было.

Лакей вышел. Благово хотел кинуться Яану на шею, но тот демонстративно прикусил язык и скосил глаза в сторону запертой комнаты.

– Договорились ли с Солово, ваше сиятельство? Уж больно жаден...

– Ха! Выпил полведра водки и на все подписался. Савва Прович тоже мастак убеждать. Поехал с Перельмутером в Варшаву, в военно-окружное управление; через два дня вернется сюда. А я пока с князем здешним познакомлюсь да чуток отдохну. Два года в отпуску не был! Где он, кстати?

– Вот я вас сейчас к нему и проведу.

Как только они вышли из флигеля, Благово быстро произнес:

– Штурм ровно через полтора часа. Держись ближе к Тимофееву.

Первая беседа двух князей оказалась на удивление короткой. Мамин дружески пожал Порюсу руку:

– Наслышан, наслышан! Рад наконец познакомиться. Рубочкин прислал мне телеграмму из ста трех слов, описывая ваши переговоры. Сегодня уже из Варшавы телеграфировал: все хорошо, выезжает сюда. Чего это его в Варшаву потянуло?

– Это самая свежая и интересная новость. Хорошо начинаем сотрудничать, князь! Нашему округу поручено собрать отряд из двух тысяч лошадей для нужд Черняева^[24]. Триста рублей за штуку безо всяких торгов! Берутся только строевые и выучные четырехлетки. Официально мы с Турцией не воюем, потому наша поставка – большая государственная тайна; деньги Военное министерство выделяет из секретного фонда. Каково, а?

– Весьма интересно.

– Сколько можете поставить в две недели?

– Двести – двести пятьдесят, но среди них есть гужевые и упряжные.

– Немножко упряжных допускается.

Беседу прервало появление сконфуженного управляющего.

– Князь Сергей Сергеич – беда! Повар, свинья, жаркое пережег! Прикажете хоть ухи по-быстрому для дорогих гостей сготовить...

Раздосадованный Мамин вышел в приемную и очень скоро вернулся обратно в кабинет.

– Вот шельма! Опозорил меня перед вами, а вы с дороги. Принужден просить вас обождать еще не более трех четвертей часа. Сейчас уже

готовят сурских стерлядей. Вы ели когда-нибудь сурских стерлядей, князь? Они особенные, лучше волжских.

– Раз только в «Палкине» довелось. В Петербурге их почти не бывает, а уж в Варшаве тем более.

– Подождите покамест во флигеле, я приказал принести туда наливки и закуски. Самое позднее через час... Ох, подвел, подлец! Выгоню я его, ракалью, и поделом!

Титус с Благово вернулись обратно во флигель встревоженные. Похоже, у князя что-то случилось не по плану. Павел Афанасьевич жестами велел Яну и Тимофееву забаррикадировать выход из запертой комнаты диваном, причем по возможности бесшумно. Усевшись затем за стол, сыщики завели пустую беседу, то и дело поглядывая на стрелки брегета. До штурма оставался еще целый час.

Тем временем в кабинете Мамина происходил бурный разговор. Управляющий привел одного из рабочих с конезавода по прозвищу Васька Чугунная Шишка.

– Точно он? Не обознался? – спросил его князь.

– Как есть срисовал! Фамилие евойное – Благово, служит в Нижнем помощником начальника сысского отделения. Всем там заправляет, начальник у них спрятать его пустое место. Умища необыкновенного: нашего брата наскрозь зрит. Самый разопасный во всей полиции человек. Я споначалу-то его не признал – волос черный, в гусарском мундере; но как цыкнул он на свово денщика, так сразу и открылось мне...

– Так. Теперь понятно, в какую «Варшаву» Рубочкин уехал. А продал ведь, подлец! Слово «благородно» указал, мы и купились. Ступай за ребятами. Приведи Гаврилу, Сашку-Капрала и еще человек пять, кто поопытней; ножи с собой возьмите.

Чугунная Шишка ушел, а Мамин посмотрел на управляющего:

– Что мне делать, дядя Евсей?

– Бежать, Сережа. Я слышал про Благово – с ним шутки плохи. Это хвост от убийства Быткина; мы должны были догадаться.

– Их всего трое...

– Не глупи, Сереженька. Конвойная команда в село на постой пришла. Я поглядел – поручик знакомый, да и успокоился. Теперь уж ясно, что это за конвойцы. Беги! Шкатулки обе возьми, мы давно их собрали, и беги. Тысяч с триста в них есть. Ребятюшки за сыщиков примутся, начнется заварушка. Пока разберутся, ты уж далеко будешь. Я запрягу тебе Абрека.

– Бежим вместе, дядя Евсей! Куда я без тебя?

– Обоим сразу нельзя. Ребятюшки поймут и разбегутся наперед – тогда

и тебе не уйти. Себя спасай – я уже старик! Покомандую сколь получится, глаза им отведу, а ты поспешай!

– Кого мне с собой взять? Одному с такими деньгами опасно.

– Эх, Сереженька, какой ты еще неопытный... С такими деньгами только одному и можно. Любой соблазнится, в первом же лесочке и закопают. Помни мой завет: никому не верь!

– Хорошо, дядя Евсей. Я тебя вытащу! Адвоката найму такого, что даже в подозрении не останешься. А сейчас, когда я стану команду давать сыщиков резать, ты уходи. Без тебя дело было! Ты – управляющий, твое дело хозяйство, знать ничего не знаешь.

Тут вошла сразу целая толпа молодцов самого варначьего вида, и управляющий удалился распорядиться насчет брички. Мамин проводил его взглядом, потом глянул сурово на свою гвардию.

– Ну, что, орлы, достукались? Наследили! Сыщик к нам приехал. Ремонтера играет и думает, что обдурил нас. Как ремонтер, он везет с собой пятьдесят семь тысяч будто бы для закупки лошадей. Только что тряс тут ими... Пустите ему вохру – деньги ваши, только, чур, меня не выдавать. Я при этом присутствовать не должен. Скатаюсь в волость, вернусь через три часа – чтоб к этому времени были уже холодными! Зароем в навоз – черт не сыщет. Там их трое, один на вид крепок; но и вы ребята теплые – чай, справитесь?

– За пятьдесят семь тыщ, князь, мы тебе гвардейский батальон вырежем, не то что троих фараонов, – успокоил Мамина коротко остриженный верзила, беглый с каторги по прозвищу Сашка-Капрал.

– Там, во флигеле, в запертой комнате спрятан Петруха. Как начнется, он ударит им в спину. Хитростью зайдите, без шума. Я им закуски обещал, вот вы их будто бы и несете. Только не все семеро, а двое; остальные крадучись подбирайтесь, чтобы в окна не увидели!

– Разберемся, не впервой...

В дверь просунулся управляющий:

– Готово, Сергей Сергеич.

Мамин отпустил варнаков, прошел в свой кабинет. Рассовал по карманам сюртука револьвер, дворянский паспорт на чужое имя, пачки купюр. Подхватил две увесистые шкатулки – одну с золотом, другую с процентными бумагами крупных номиналов, вынес их на двор, положил в бричку под ковер. Красавец конь, предчувствуя гоньбу, прядал ушами.

– Прощай, дядя Евсей. Вытащу!

– Прощай, Сереженька! Не забывай старика. А помнишь, как я тебя маленького по грибы водил?

Они обнялись, поцеловались. Мамин сел, не мешкая хлестнул скакуна по ребрам. Тот сорвался с места как вихрь, легко и быстро вынес бричку на дорогу и полетел к старому Сибирскому тракту. Через пять минут князь уже въезжал в Скрипино. Глянул на запад – оттуда, вздымая пыль, неслась колонна всадников; до них было не более версты. Основные силы колонны рассыпались влево и начали по полям окружать Чуварлей со всех сторон, несколько верховых бросились по тракту к бричке. Мамин усмехнулся, повернул на восток и огрел плетью Абрека что было силы.

– Что-то долго нет князя, – беспокоился Титус, глядя внимательно в окно. – Вон бричка какая-то отъезжает.

– За мной! – мгновенно скомандовал Благово, подбежал к двери и распахнул ее. И тут же захлопнул обратно.

– Тимофеев, держать!!

Старший городской перехватил ручку, уперся плечом в косяк и вовремя – с той стороны дверь принялись отчаянно тянуть на себя. Засов изнутри не без умысла отсутствовал.

– Яан, в ташке ^[25] револьверы. Один взведи и сунь Тимофееву сзади за пояс, второй твой! Надо продержаться четверть часа.

Вдруг за спиной Благово повернулся в замке ключ, и кто-то попытался выскочить из загадочной комнаты наружу. Не тут-то было: помешал предусмотрительно поставленный диван. В щели мелькнуло лезвие топора, раздалось площадное ругательство. Павел Афанасьевич выхватил «трэнтор» и дважды выстрелил; человек за дверью со стоном рухнул на пол.

– Нехорошо подслушивать, – назидательно сказал Благово и подбежал к окну слева. Красный от натуги, Тимофеев с трудом удерживал дверное полотно.

– Ручка... отрывается...

– Сейчас, Иван Фомич, – хладнокровно успокоил его коллежский асессор и разрядил остатки барабана в толпу на крыльце; с другой стороны его поддержал Титус. Крыльцо вмиг опустело, кто-то, бранясь, скатился по ступеням.

– На вылазку, пробиваемся к селу, где наш отряд.

И Благово первым выскочил наружу. Коротко стриженный верзила бросился на него с ножом. Тимофеев из-за спины сыщика вылетел ногой вперед, снес бандита, как рюху в городках, и побежал дальше. Огромный и страшный, он разбросал еще несколько человек и вдруг остановился – повсюду вокруг них уже оказались переодетые в форму конвойных войск

чины нижегородской полиции.

– Продержались! – радостно хлопнул Благово Титуса по плечу.

– Да, как в романе, – подхватил невесть откуда взявшийся Всеволожский. – Слава богу! Вы все живы...

Действительно, сыщики были целы и невредимы, только у Тимофеева оказались сильно порезаны ладони – пришлось отбивать нож голыми руками.

– Где Мамин? – спохватился наконец Павел Афанасьевич и бросился в главный дом. Тихий и спокойный, там сидел управляющий и хладнокровно наблюдал за разгромом усадьбы.

– Говори, каналья, где твой хозяин?

– Уехал в Теплый Стан, ваше сиятельство. Точнее, господин Благово.

– Титус! Беги в конную команду, пусть немедленно организуют погоню по тракту в сторону Казани.

– Бесполезно, – охладил его пыл вице-губернатор. – Наши лошади скакали всю ночь и все утро, нам его не догнать. Кажется, я лицезрел бричку князя, когда мы сворачивали с тракта на Чуварлей. Он как раз въехал в Скрыпино и, завидев нас, действительно ушел на Казань. Там такой рысак!

– Десять минут. Нам не хватило десяти минут... Что-то нас выдало. Эй, старик! Как вы догадались?

– Васька Чугунная Шишка вас опознал, господин Благово.

– А, Василий Анцыферов, налетчик. Он здесь?

– Здесь, здесь. Лежит у крыльца и, кажется, убит – я вижу его в окно.

– А где Гаврила с рваным ухом?

– Убег, если только ваши конники не перехватили его в поле.

– Ишь, какой разговорчивый. На следствии такой же будешь?

– Я старый человек, ваше благородие. О душе пора уже думать. Что знаю – расскажу.

– Тьфу! – плюнул в пол коллежский асессор. – Я уже вижу, что ты расскажешь, старый прохвост. На князя Мамина надеешься? Это зря... Он теперь далеко, и с деньгами; некогда ему будет тобой заниматься. Сдохнешь на каторге как собака – там и молодые долго не живут, а уж ты... Ну?

Но управляющий отвернулся и говорить дальше не пожелал. Полицейские продолжали обыск, Благово же утратил к происходящему всякий интерес. Безучастный, он сидел на веранде, пил пиво и смотрел на пруд. Павел Афанасьевич понимал, что сорвал растение, но упустил корень: князь Мамин на свободе. Это значит, что через год где-нибудь в

России затеется новое большое и хитроумное преступное предприятие. Сибирь или Лифляндия, фальшивые деньги или махинации на поставках – князя выдаст масштаб. Не любит он мелочиться... А поскольку Мамин более не появится в Нижегородской губернии, значит, Благово его уже никогда не поймать. Вот так!

В Чуварлейском конном заводе было обнаружено и арестовано более двухсот лошадей. Следователи полгода разбирались, которые из них ворованные, а которые выращены законно; последних оказалось немного. Главная станция была разгромлена, имение отписано в казну. После уничтожения этого притона покражи лошадей во внутренних губерниях уменьшились в десятки раз.

Гаврила с рваным ухом был схвачен оцеплением и доставлен в Нижний Новгород. Свидетели опознали в нем убийцу извозчика Быткина, и офеня отправился на рудники. Помимо него, в Чуварлее было задержано еще несколько опасных, находящихся в розыске преступников.

Рубочкин тоже предстал перед судом и получил строгое наказание. Благово выступил с речью, в которой описал, как раскаявшийся извозопромышленник помогал следствию и спасал жизнь агента полиции. Скостили три года...

Старый управляющий никого не выдал и умер в тюрьме, не дождавшись приговора. Видимо, он очень любил своего хозяина. Говорили, что старик был дядькой Мамина с детских лет, и князь во всем доверял и слушался своего наставника.

Три недели спустя, ранним субботним утром Благово шел по Большой Покровской из дома на службу. Навстречу ему попался мужик с ведром и кистью, по виду маляр. Что-то в нем Павлу Афанасьевичу не понравилось... Оглянувшись, коллежский асессор обнаружил, что сзади его поджигает крепкий молодец в чуйке, с оловянными глазами. Недолго думая, Благово заскочил в ворота дома Кемарского, велел оторопевшему дворнику запереть их изнутри и послать служителя с запиской в управление полиции. Когда через четверть часа прибежал встревоженный Тимофеев и освободил начальника, ни маляра, ни чуйки поблизости уже не было.

Благово решил было, что ему померещилось, но на следующий день лошади дежурной пролетки, на которой он ехал в арестантские роты, неожиданно понесли. Обычно смирные и далеко не молодые, они вдруг ни с того ни с сего озверели и помчались по Благовещенской площади и той же Покровке, наводя ужас на пешеходов и встречные экипажи. Первым

вылетел на мостовую возница и сильно расшибся. Павел Афанасьевич дотянул до Никольской церкви, где не удержался и тоже вывалился. Он сломал два ребра, ободрал руку и ногу, но в целом отделался легко. А лошади домчались до Лютеранской кирхи и стали, все в мыле, вновь сделавшись доживающими век клячами... Всеволожский, навестив Благово на его квартире, сказал:

– Я слышал о таких проделках. Именно скрипинские коновалы умеют взбесить ненадолго самых кротких кобылок – знают такие способы. Значит, князь Мамин жив и мстит за разрушенное вами его доходное дело.

Месяц после этого Благово ходил везде пешком и только под охраной могучего Тимофеева, но потом дела закрутили его, и об опасности забылось.

В один из тех дней, что Павел Афанасьевич отлеживался дома после падения, курьер принес ему свежий приказ по Министерству внутренних дел. В нем были награждения за раскрытие гигантской преступной организации конокрадов в центральных губерниях. Орденов удостоились Косаговский, а также Путилин со всеми тремя своими агентами. Лукашевич «за примерную службу» был произведен не в очередь в следующий чин статского советника. Наибольшее отличие выгадал почему-то Каргер – его сделали генерал-майором; наименьшее – Всеволожский, тому объявили лишь особенную благодарность министра. Замыкал список Титус – он повышался в коллежские секретари. Не остался забыт даже подчасок, помогавший Благово отбиться от мазуриков в колодце двора по Вознесенскому проспекту: с разрешения военного министра он получил три рубля наградных. Ни слова не было только о самом Благово. Видимо, Тимашев с Маковым действительно запомнили эту фамилию...

В той же пачке документов обнаружился еще один приказ – по сыскному отделению. В нем Васенька объявлял выговор своему помощнику за излишне долгое раскрытие кражи в квартире ротмистра Галахова. Вторым пунктом Лукашевич приказывал удержать из жалования Благово перерасход прогонных в размере 4 рубля 12 копеек. Мелкая душонка поняла, что сейчас можно...

Вечером по очереди зашли проведать раненого Каргер и Всеволожский. Полицмейстер виновато прятал глаза, по-немецки заскорузло шутил и обходил неприятную тему молчанием. Вице-губернатор, наоборот, метал громы и молнии и, уходя, пообещал «предъявить им кузькину мать». Благово одинаково равнодушно слушал и того, и другого. Он осознавал свою вину за то, что упустил князя Мамина – какая же может быть тогда награда? Ну, а с Лукашевичем Бог разберется...

Последним в тот вечер появился Титус. Ушлый лифляндец раздобыл где-то мороженой хурмы – любимой закуски Павла Афанасьевича под коньяк. Они изрядно выпили и закусили, обмыв новый чин Яана; кухарка Матрена еле выставила гостя уже за полночь.

Как вскоре выяснилось, Андрей Никитич Всеволожский слов на ветер не бросал. Воспользовавшись служебным вызовом в Петербург, он зашел там к Милютину и показал ему оба приказа. Генерал хмыкнул, извлек из стола перевязочное свидетельство о контузии, которое он ранее клещами вытянул из Благово, и сунул в папку с августейшим докладом. Туда же ушли и указы. И через день грянул гром...

Именным повелением императора Павлу Благово была пожалована Анна 2-й степени.

Тимашев получил через флигель-адъютанта записку: «Неприятно удивлен отсутствием в приказе о награждении за поимку конокрадов коллежского асессора (зачеркнуто; сверху надписано «надворного советника») Благово. А ведь тебе известна его центральная роль в этом деле. Так-то ты отличаешь моих верных слуг? Немедля исправить. Александр». В тот же день злополучный приказ был дополнен – Благово не в очередь, «за особенное отличие», был произведен в надворные советники.

И наконец, военный министр обратился к министру внутренних дел с ходатайством разрешить ему наградить нижегородского сыщика за большие заслуги в деле поддержания конно-мобилизационной повинности. Тимашев не решился в третий раз нарываться на августейший разнос. Павел Афанасьевич получил 1200 рублей наградных (свое десятимесячное жалование!) и смог купить давно желаемую старинную трубку потемкинских времен, с вишневым чубуком.

Последним отличие нашло Тимофеева. Когда в декабре 1876 года была утверждена медаль «За беспорочную службу в полиции», он стал одним из первых ее кавалеров.

Одно было плохо: всякий раз, когда Павел Афанасьевич раскуривал свою трубку, он вспоминал князя Мамина, гусарский ментик на своих плечах, фонтан крови из разрубленного горла Рубочкина. Начинили ныть контуженное плечо и поломанные ребра, и Благово тихо бранился себе под нос узкоспециальными терминами из неприличной части морского лексикона.

Злые люди

Вице-губернатор Всеволожский в воскресенье вызвал Благово запиской к себе на дом. Андрей Никитич занимал квартиру во втором этаже корпуса губернского правления. Говорили, что в 1799 году в ней останавливался Павел Первый. Шесть больших комнат окнами во двор вице-губернатору, как холостяку, показалось много, и он отдал две из них для размещения кремлевских служителей.

Выяснилось, что именно по их просьбе Всеволожский и побеспокоил начальника сыскной полиции в неприсутственный день. Андрей Никитич привел седого, но еще крепкого старика, сорок лет трудившегося истопником в канцелярии губернатора, и сказал:

– Вот, дедушка, лучший в России сыщик после Путилина. Только Путилин в Петербурге, а Павел Афанасьевич здесь. Все ему и расскажи. Называй его «ваше высокоблагородие». Садись.

Истопник нерешительно присел на краешек стула, с надеждой посмотрел на коллежского советника.

– Так что, ваше высокоблагородие, сестра у меня живет в Сергачском уезде. Варварой кличут. А село называется Сосновка. Четыре-на-сто дворов, большое село... В трех верстах от них другое есть село – Вершинино...

– Это то самое, где люди пропадают?

Истопник оглянулся удивленно на Всеволожского, тот довольно кивнул:

– Видишь? Я же тебе говорил – ему все известно.

Тут только до вице-губернатора дошел смысл сказанного, и он опешил:

– Павел Афанасьевич! В нашей местности такое творится, и, судя по вашей реплике, не один год; вы это знаете и ничего не делаете? Как же так?

– Андрей Никитич, я же отвечаю за уголовный сыск исключительно в губернском городе! В уездах своя полиция, мне неподведомственная, а вам и Кутайсову подчиненная. Несмотря на то, что формально меня эти дела не касаются, я трижды обращался к губернатору. Последний раз это было в прошлом, семьдесят восьмом, году. И к вам я тоже с этим подходил. Помните, в марте? Предлагал покончить с разбойничьими делами и выказывал готовность помочь в том местной полиции. Кутайсова не заинтересовали мои предложения. А вы что мне тогда ответили?

– Да... припоминаю... Там началась посевная, не хватало, как всегда,

семян; потом я заболел, потом открылась ярмарка... потом я забыл о вашем рапорте. Каюсь, грешен. Но сейчас обещаю вам полное содействие!

– Давайте дослушаем старика; кажется, я догадываюсь о его истории.

И дед продолжил:

– Ага. Так вот, село это, Вершинино, взаправду очень нехорошее и было такое всегда. Знающий человек, когда проходит его благополучно, бежит потом в наш сосновский храм и ставит там благодарственную свечку. Средь бела дня путника раздеть могут. И ладно бы только раздевали! Жизни лишают! Вечером же или в ночь чужому идтить через Вершинино не приведи господь – верная погибель.

– Куда же смотрят становой и исправник?

– В селе том раньше стан помещался. Так двум приставам избы спалили, квартиру-то в Мигино и перевели. Исправник тоже за версту объезжает... Теперя там власти совсем никакой нет, одна разбойничья. И то сказать: как же бороться с целым селом?

– Сильно вас донимают?

– Спасу нет, ваше высокоблагородие. Парни их шибко драчливые, приходят на чужие праздники большими шайками, и завсегда с ножами да кистенями. На покосах безобразничают, запашку на наших землях делают, и слова им поперек не скажи! Бабам и девкам проходу не дают. В лес за грибами сосновские давно уже не ходят – боятся. Но самое страшное – это душегубство. Люди там пропадают, купцы, гуртовщики и просто прохожие. И об том моя история.

У сестры Варвары внучка, Тайка. Мне, стало быть, внучатая племянница... Подружилась она с одноклассницей из Вершинина, на свою беду. Происходит та из семейства Ярмонкиных – есть там такая фамилия, почитай, треть села ее носит. Ну, сошлись девки неразлейвода: Тайка ходит к ней, она к Тайке...

– Сколько годов твоей Таисье?

– Тринадцатый пошел. Так вот. Варвара ее отговаривала: страшное село, не водись ты с ними... Но кубыть ничего плохого не происходило, и махнула она рукой: гуляй с кем хочешь. Ну, и... Две недели назад как раз был Ильин день, наш сосновский храмовый праздник. И Анютка, Тайкина подруга, у нас заночевала. Праздник же – пироги, хороводы... На другую ночь Тайка осталась у Анютки. Легли они на печи, уснули... А посреди ночи просыпается моя Таисья от какой-то возни. Всмотрелась эдак-то в темноте – а они мужика душат!

– Кто? Ярмонкины?

– Да. Их там три брата: один не годится, другой хоть брось, третий

маленько похуже обоих... Старший-то уж больно здоров, настоящий богатырь, но и остальные ничего себе. И ихний отец, Сысой Егорыч; он всеми такими делами и заправляет. Тот у двери стоял, караулил...

– Задушили?

– Как есть. С четверыми-то кто совладеет?

– Если только Лыков, – сказал как бы в сторону Благово, и Всеволожский понимающе кивнул. – Дальше что было?

– Ну... Тайка моя молчит ни жива ни мертва, крик кулаком зажимает. И, видать, шевельнулась там на печке... Младший сын, Анисим, самый поганый из них, и говорит: «Дуроплясы! Забыли, что у нас чужой человек в доме? Девка, что Нюрка привела. Надо и ее сей же час удавить, чтобы свидетелев не было». Тайка моя совсем от страху обмерла. Все, думает, вот и смерть пришла... Однако лежит, не двигается, будто спит. И отец Анисиму отвечает: «Погоди давить-то; люди видели, что она к нам пошла. Проверь вначале – може, дрыхнет; детский сон крепок». Ну, Анисим влез на приступок и долго-долго смотрел и слушал, а внучка сопела, будто спала. И они поверили и не убили ее... А утром чуть свет, когда Ярмонкины задремали, Тайка тихохонько встала – и бежать! А от Вершинина до Сосновки три версты. Вот бежит девка, нету еще никого, она и думает: а ну как хватятся? Догонят да задавят. Дайкось я спрячусь!

– Молодец!

– Еще не молодец – она себе жизнь этим спасла! Только в стог забралась, смотрит – братья скачут за ней на лошадях! Двое. Ищут, а найти не могут. Аккурат мимо нее проехали, ругаются. Анисим второму-то говорит: «Жалко, тятя не дал ее ночью кончить, теперь она нас выдаст». Да... Просидела Тайка так часа два, люди вышли в поле работать, она и вылезла. Прибежала домой чуть живая со страху. Рассказала все бабушке с матерью, те в ужаси впали. Что делать? Мужика в доме нет – он в Москве, на заработках. Пошли к батюшке. Отец Матфей выслушал и говорит: «По совести, надо бы властям сообщить, а по уму – не надо. Власти приедут и уедут, а вам тут жить. Вершинино-те под боком. В любую ночь явятся, двери подопрут да и спалят!» Изба у наших опять же в Завернихе – это конец, что к мельнице идет, там народу мало... Ну и побоялись, конечно. Варвара сказала своим: мы ничего не видали, не слышали, держим рот на замке. Дружба с Нюркой, понятное дело, прекратилась; никто ни к кому не ходит, тишина...

Вот. Прошла неделя. А в субботу приехал к ним старший Ярмонкин. Зашел в горницу, шапки не снял, на образа не перекрестился. Состроил звероподобную харю и говорит Варваре:

- Где твоя внучка, Тайкой кличут?
- На Панинской стороне гуляет.
- Зови ее сюда!
- Это зачем?
- Разговор имею.

Вот. А Варвара моя шибко умная. Она тому Ярмонкину и говорит:

– Ты нас, Сысой Егорыч, не трогай. Мы люди тихие, осторожные, никогда ничего не болтаем излишнего. Нету у нас такой привычки. Я за этим слежу строго. Оставь ты нас, а мы и что знали, все забыли.

Покойно так говорит, без невров. И Ярмонкин ушел. Сказал: «Ладно, но штоб могила», и все вроде бы как обошлось. Еще неделя минула, бабы мои уж и забывать стали. А позавчера подалась моя Варвара по воду, а мимо идет сосед пьяный, Васька Кауркин, лодырь и озорник. Из кабака-те идет. У нас в Сосновке только питейная лавка, а в Вершинине кабак... И говорит он сестре:

– А Тайку твою того... приговорили...

Варвара так ведра и бросила:

– Кто приговорил, за что? Бай, пьяный черт!

– А братья Ярмонкины сказывали давеча. Водку мы вместех потребляли... Они и бают. Видала она, што ли, што не положено... Вобщем, конец ей таперь; братья сказали – удавят!

Варвара, как услышала эти Васькины слова, спохватала дочь со внучкой и к батюшке. Даже избу не заперла. Переночевали они, а утром отец Матфей сам их на подводе в Сергач увез, спасибо ему за это и Божья благодарность. Из Сергача на дилижансе они вчера ко мне приехали и все это рассказали. А теперь дайте совет, ваше высокоблагородие: как им дальше жить?

– Дедушка, назовись-ка сперва.

– Лоллий Иванов Смыслов, ваше высокоблагородие.

– Так вот, Лоллий Иванович. Вопрос твой не простой. О том, что в Вершинине неладно, я знаю давно. Больше скажу: в нашей губернии таких еще три села. Сделать с ними что-то очень трудно, потому как там все заодно. Выселять бы надо такие общества в Сибирь, поголовно, до последнего человека. Но закона на это нет... Поэтому вычистить это поганое место насовсем, чтобы вам стало спокойнее, не получится. Но наказать и дать острастку – можно. Мы туда нагрянем. Пусть пока твои женщины у тебя поживут, неделю-другую. Когда им спокойно станет вернуться, я скажу.

Истопник долго молча смотрел на Благово, потом решил:

– Ваше высокоблагородие, а может, не надо? Лучше никак, чем так. Вы нагрянете, схватите кого-нито, пошумите, пострашаете, да и уедете. Никто ведь в Сосновке полицейский пост не оставит. А их там три-на-сто человек, они сами кого хошь застращают. И каково будет Варваре туда вернуться? Зарежут их всех. Выждут какое время и зарежут.

– Лоллий Иваныч, я это понимаю. Просто приехать и сказать: да я вас в порошок сотру! – это делу не поможет. Надо так сказать, чтобы до печенок проняло, чтобы не вы боялись, а они. Это трудно и может не получиться, но средства такие у нас есть. Вот, здесь его превосходительство господин вице-губернатор. Власть. Он даст мне команду; считай, уже дал (Всеволожский при этих словах энергично кивнул). И мы займемся этим змеюшником. Дело ведь не только в твоей Варваре; давно там пора подмести... Сколько можно людей убивать?

Смыслов поблагодарил и ушел. Видно было, что речь Благово его не убедила и он сам теперь не рад, что затеял этот разговор. Как только дверь за ним закрылась, Всеволожский присел на освободившийся стул.

– Так как же это, Павел Афанасьич?

– Вы насчет Вершинина?

– Да. Неужели у нас годами существуют места, где безнаказанно душат людей? И как мы, власть, это допустили?

– Эх, Андрей Никитич. Кутайсов здесь высшая власть. Вот и ответ на ваш вопрос. А места, о которых вы говорите, существуют не годами, а столетиями. И не только в России. Понимаете, есть злые люди. Дьяволово отродье, чертово семя. Иногда, необъяснимым образом, они оказываются поселенными в одном месте, как будто нечистый их там нарочно собрал. В Италии, в Римской провинции, есть деревня Артена. Убийств в ней происходит в шесть раз больше, чем в среднем по стране, а разбоев – в тридцать! Почему – никто понять не может. Просто вся деревня сплошь состоит из негодяев, и тянется это аж с четырнадцатого века. А взять Ливорно! Город как город, но – главная итальянская клоака, и опять без видимых причин. Цивилизованная Франция ничуть не лучше: по границе Арденнского леса десятки деревень, в которых проезжего незнакомца зарежут средь бела дня и никто не выдаст убийц полиции. Множество людей пропало там бесследно и пропадает до сих пор, и власти ничего не могут с этим поделать.

У нас злые люди, увы, представлены в том же изобилии. Если одна такая фамилия на деревне, то общество, как вы знаете, может от нее отказаться. Тогда их в Сибирь, на поселение, по приговору сельского схода. Но иногда такие люди объединяются, чаще всего – исторически – из-за

характера их прежних помещиков. Это самое страшное... Представьте себе целое село, состоящее из такого сброда. Более ста дворов, почти семьсот человек населения, и из них половина – такие, как Ярмонкины. Вторая половина, понятно, молчит. Попробуй скажи им хоть слово поперек! И так – с прошлого столетия.

Вершинино действительно особенное поселение. Начало всему, как я уже говорил, положили помещики. При Елизавете Петровне Вершинином владел отставной поручик Балкашин. До сих пор им в тех местах детей пугают... Выйдя в отставку, поручик собрал из своих крепостных целую банду числом более пятидесяти человек, вооружил их и вступил в настоящую войну со своими соседями. Вел себя при этом как средневековый германский барон: сжигал помещичьи усадьбы, угонял пленных и скот, уничтожал посевы, грабил и убивал проезжих. Одних дворян перебито было семнадцать человек, а крестьянские души никто и не считал. Длилось это почти десять лет, и для Балкашина совершенно безнаказанно. Петербург далеко, в губернии такие же кутайсовы, как наш, да и нравы были другие. И воспитал он таким образом целую плеяду душегубов... Наконец в 1767 году через Нижний проплывала Екатерина Великая, и ей пожаловались на этого выродка. Он как раз в этом году схватил, посадил на цепь и заморил голодом помещика Салтыкова, дальнего родственника первого фаворита Екатерины. Это была ошибка Балкашина. Его наконец схватили, посадили в острог, и он умер там под следствием. Ну, и... дело спустили на тормозах, когда не стало главного злодея. Но душегубы-то его остались! Выросло целое поколение людей, которые не умели ни пахать, ни сеять, зато ловко орудовали кистенем.

Вершинино отошло в казну, но ненадолго; при Павле Первом его выкупили братья Быдреевы. Тоже лихие оказались ребята! Быстро столковались со старой балкашинской гвардией и начали разбойничать на дорогах. Помещиков соседских уже не жгли – время другое настало, но пограбили изрядно. Через соседний Лукояновский уезд проходил старый Сибирский тракт, так они на нем царили шесть лет. Кончилось тем, что против братьев выслали военный отряд; состоялся форменный бой, в котором Быдреевы были убиты. После чего выяснилось, что они успели за год до этого законным образом отпустить всех своих крепостных на волю...

И получилось то, что получилось. Ничейное село, в котором сложились целые династии профессиональных разбойников. Народ там действительно злой и до чужих денег жадный. Помещика нет, священника нет, станового пристава нет – полное бандитское самоуправление. Как

говорится, дружно перековали лемех на свайку. Все решают сход и староста – и сами понимаете как.

Расцвет душегубства пришелся в Вершинине на 1812 год. Тогда из Москвы на восток бежали толпы богатых людей, они везли с собой ценности и деньги. Нижний Новгород оказался переполнен беженцами и ранеными, и эвакуанты двинулись на Казань и Симбирск. Много их тогда пропало на тракте, а вершининские убийцы обогатились сказочно. Некоторые рода и по сей день живут теми запасами, отдавая деньги в рост скопцам в обеих столицах. Лет двадцать затем прошли тихо, а потом опять начали о них поговаривать, но вполголоса; прежних массовитых злодейств власть уже бы не потерпела. После 1862 года, когда выстроили железную дорогу Москва – Нижний, старый тракт потерял свое значение. Разбойничать стало труднее. На период ярмарки в губернию присылались – и присылаются, как вы знаете, и сейчас – казаки, на опасных местах устраивались заставы. И лиходелье у вершининцев стало как бы малозаметным, бытовым. Пропадают люди – ну и бог с ними...

– Понятно. Думаю, пора это прекратить навсегда. Если я правильно понял вашу реплику, вы хотите подослать им Лыкова в качестве наживки?

– Да. Лыков человек сильный, бывалый и решительный. И окажется там не с пустыми руками. Главное же – Алексей будет готов к нападению, а кто предупрежден, тот вооружен. Но все равно это опасно даже для него. Неподалеку мы, конечно, разместим полицейский отряд.

– Старик Смыслов прав – мало схватить одних только Ярмонкиных на месте преступления. Как вернуть в рамки закона целое сельское общество, которое развращалось сто лет?

– Ну, здесь все очень понятно. Нужны лишь настойчивость и последовательность властей.

– Это обещаю.

– Самое главное – перевести станковую квартиру обратно в Вершинино и назначить на это опасное место подходящего человека.

– Таковой у вас имеется?

– Да. В Макарьевской части служит околоточным надзирателем Максим Палагута. Развитой, находчивый. Очень решительный! Не хуже Лыкова. Два Георгия за турецкую войну. Палагута любит принимать решения самостоятельно и, главное, все доводит до конца. В городе ему скучно и тесно, в сельском же стане, где он – хозяин, Максим развернется в достойную фигуру. Следует только назначить ему усиленный оклад приварочных денег. Согласитесь: служить в эдаком месте...

– Сделаем.

– Далее. Сельские стражники. Они должны быть родом из Вершинина. Не все же там убивцы и негодяи на семьсот человек! Есть и приличные, только им ходу не дают. Особое внимание следует обратить на недавно вышедших в запас солдат из гвардейских и хороших армейских полков. Ежели, например, человек честно отслужил в Нижегородском драгунском полку, его можно смело назначать в сельскую полицию. Имеющим боевой опыт отдавать предпочтение. И наконец, самый кадр сельской стражи должен быть расширен относительно норматива.

– Сделаем.

– Вот и все. У Палагуты не забалуешь! Этот чертяка никого не боится, он им задаст жару. Перешлет в каторгу десятков самых отъявленных, остальным остратка. Старосту, конечно, заменить, кабак закрыть. Я бы и волостное правление туда перевел, но это уже, кажется, лишнее.

– Что ж, Павел Афанасьевич. Пришлите ко мне в понедельник Палагуту, я посмотрю на него. И жду вас не позже среды с Каргером и Лыковым для обсуждения плана операции. Кутайсова я беру на себя.

Операция, как и положено, началась с разведки. Титус и Лыков, загримированные армянами, проехали через Вершинино днем. Возница (городовой Ничепоруков) попросился в кабак; седоки дозволили и сами зашли из любопытства.

Большое помещение питейного дома было в этот час полупустым. Довольно чисто, но накурено. На стойке – деревянный бочонок с водкой, на нем висят на длинных ручках четыре ковшика с мерами^[26]. Рядом бесплатная закуска: огурцы и черный хлеб. За спиной целовальника на полках запечатанные штофы с наливками и настойками. Тихо и покойно, только в углу у окна два мужика с красными лицами разогреваются стаканчиком да у стойки вполголоса беседуют трое крепких молодцов.

«Армяне» сели у входа и спросили белого квасу-суровца и каленых яиц. Возница же прямо за стойкой вылил в себя четушку «вдовьей слезы» и заел галантиром^[27]. Пока он это проделывал, парни поинтересовались:

– Кого везешь, дядя? Никак бусурман?

– Не, то армянские люди, они тоже в Христа верят.

– Богатые?

– Да не шибко. С торга возвращаются. Так, мелкая сошка...

Лыков, с завитыми и перекрашенными волосами, с восточными усиками и осмугленной кожей, был не похож сам на себя. Он незаметно осматривался и молчал. Титус же громко нес тарабарщину на придуманном

им языке, то и дело вплетая в нее русские матерные слова. Выпили квасу, и он крикнул:

– Вай, дарагой, ехат пора, да?

И они укатили. Проехали через все Вершинино, нашли дом Ярмонкиных (четвертый с краю по правой стороне), осмотрели на ходу подступы. Большой, с покоеобразной связью^[28], с высоким глухим забором, дом производил угрюмое впечатление. Далеко за ним, на задах, стоял ямный овин – туда и решили спрятать отряд. Собак у Сыся Егоровича, по словам Тайки, не водилось, и вообще на селе их почти не было.

Отмыв в управлении лицо и волосы, Лыков стал готовиться к рискованной командировке. Панцирь – подарок приятеля Буффало – решил не надевать. Вдруг в кабаке кто вздумает похлопать его по спине... По легенде, Алексей должен появиться в Вершинине под видом недалекого болтливого приказчика, доставляющего в Нижний крупную сумму хозяйских денег. Он пришел в костюмно-гримерное депо сысского отделения и оделся соответственно. Пустил по жилетке толстую цепь из польского серебра и приделал на нее недорогие часы. Обул сапоги бутылками, по моде. Кубовая рубаха и мешковатая поддевка скрывали атлетичную фигуру Лыкова и делали его на вид безобидным.

В левый карман штанов титулярный советник засунул «Смит-Вессон» с укороченным стволом (специальная модель для сысжных агентов), в правый – полицейский свисток. Взял в канцелярии под расписку полторы тысячи рублей крупными билетами. Сходил в Военный собор и поставил сам себе свечку за здравие. Все, можно ехать...

Приказчик появился в вершининском кабаке около семи вечера и был уже сильно выпимши. Он ехал из Ардатова в Сергач со знакомыми гуртовщиками, по пути с ними повздорил, и те высадили его из тарантаса прямо посреди деревенской улицы. Очень обиженный, парень кинул вслед гуртовщикам камень, выругался и пошел в кружало^[29]. Эту сцену наблюдал стоящий у входа худощавый субъект в сером армяке, с узким неприятным лицом. Выждав минуту, он сунулся следом. Приказчик, взъерошенный и сердитый, стукнул кулаком по стойке и приказал:

– Выпить! Немедля! Во-он туда. И закуски... самой наилучшей. Что есть из наилучшего, все неси. Запомни, хозяин – Алексей Николаевич Лыков чем попало не закусывает! Мы привыкли к самому наилучшему. А они... Они просто сволочь, скажу я так. Сволочь. Одно слово: скотогоны,

черная кость. Без них доберусь; тьфу на эту ракалью!

Сухощавый послушал, кивнул из-за спины гостя кабатчику – тот понимающе сощурился – и тронул горлопана за рукав.

– Вы правы, это было очень неуважительно.

– Пошел к черту!

– Такого, сразу видать, сурьезного человека и ссадить. Рази с эдакими-то людьми неуважительно так поступают?

Приказчик вытаращил на сухощавого хмельные глаза:

– О! Слышу умные речи! И в вас сразу видать порядочного человека. Чего мы тогда стоим? Дозволяете вас угостить? Денег – как грязи...

И красноречиво похлопал себя по карману. При этих словах рыжий кудрявый мужик, игравший у окна с напарником в тавлею^[30], оглянулся на хвастуна и неодобрительно покачал головой.

– За честь почту с вами выпить, – охотно отозвался прилипчивый субъект и крикнул кабатчику: – Мирон, оглох, что ли? Господин приказал: самого наилучшего.

Приказчик сделал капризное лицо:

– Мирон! Штоб тебя... Дежурный обед есть? «Депрэ» нумер сто тринадцать есть? Подавай скорее, видишь – мы пришли!

Подкатил прыщавый кабатчик, вытер грязной тряпкой грязный стол.

– Извольте ли знать, уважаемый господин, что дежурные обеды бывают только в городских трактирах, а здесь село. Портвейну у нас тоже нет-с, его в деревнях не пьют-с.

– Т-э-экс, – нахмурился гость. – Ну и дыра... А что есть?

– Требуха с огурцами, каленые яйца и гороховый кисель. Особливо для вашей чести могу подать жареные мозги с черной кашей^[31], холодную осетрину и телячий галантир. Попить есть водка и еще наливки: полыновка, померанцевая и кабацкий ром. Вам, как важному гостю, позвольте порекомендовать рябину на коньяке. Производство фирмы «Спиридон Ногин с сыновьями», вышний сорт-с!

– Ша! Отменяю «депрэ» – неси рябиновую. С сыновьями. И эти... как их? Мозги. Осетровые. Каши не надо.

Кабатчик удалился и очень скоро вернулся с водкой и закуской. Собутыльники выпили по первой и дружно, не сговариваясь, встали.

– Лыков Алексей Николаевич, приказчик купца Редозубова.

– Ярмонкин Анисим Сысоевич, здешний крестьянин. Коим ветром, Алексей Николаич, в наши края?

– А вот! – Лыков вытащил из кармана поддевки толстый бумажник и

громко шлепнул им об стол. – Полторы тыщи целковых! Хозяину выручку везу, продал его лес железной дороге. Таким вот доверием пользуюсь, да... А эти!

– Их бог накажет, – примиряюще сказал Ярмонкин. – Привыкли со скотами дело иметь, да и сами оскотинились. Давайте лучше еще по полчижика выпьем.

– Достойная мысль! – выкрикнул гость и пьяно рыгнул. – У вас, Анисим... э-э..

– Сысоевич.

– ...Сысоич, я смотрю, очень правильный ход в мыслях имеется. Выпьем!

Опрокинули по второй, потом по третьей. Кудрявый мужик сдвинул шашки и смотрел на приказчика с нарастающим беспокойством. Тут как раз Анисим вышел на минуту по надобности на улицу, и Лыков остался один. Кудрявый быстро подбежал к нему и сказал вполголоса:

– Уходите отсюда немедленно, не то останетесь и без денег, и без жизни. Новый товарищ ваш – главный здесь разбойник. Бегите быстрее, до ближайшей деревни три версты, там люди порядочные, приютят, а здесь не надоть оставаться!

Тут с улицы вернулся Анисим, и не один. С ним вошел еще крестьянин: огромного роста и богатырского сложения, с маленькой головой и тяжелыми кулаками. Увидев, что рыжий о чем-то говорит с его «клиентом», Анисим заорал с порога:

– Сашка, зажмурь кадык! Черт черемной!^[32] За худые слова слетит и голова.

А гигант просто взял кудрявого за ворот и молча вышвырнул его за дверь, как котенка.

– Чего он тебе баял? – налетел Анисим на Лыкова.

– Хрен поймешь, я не разобрал. Водки, верно, просил. Это кто с тобой? Здоровый дядя...

– Знакомься: мой братан Фома. А это Алексей Николаевич Лыков, правая рука купца Редозубова.

– Да, – самодовольно подтвердил Алексей, – без меня они никуда. Никаких решений не принимают, пока со мной не посоветуются. А уж как я скажу, так и делают. Вот, смотри!

И он снова вытащил бумажник и хлопнул им об стол.

– Полторы тыщи серсов. Ты, дядя, поди, и денег таких никогда в руках не держал, а Алексей Николаевич каждый день мощной крутит. А часы какие, ты глянь! Семьдесят пять целковых отдал, серебро восемьдесят

четвертой пробы. Эй, Мирон! Или он не Мирон? Водки!

Целовальник подскочил со штофом и квашеной капустой, но Анисим отослал его с закуской обратно, оставив только водку; еще и показал при этом незаметно кулак. Через два часа, когда совсем стемнело, Лыков был уже в стельку пьян. Он пытался петь «Среди долины ровныя», но не мог вспомнить слова. Затем порывался побороться с Фомой («я на Нижнем базаре первый борец!»). Нахамил соседней компании, но это сошло ему с рук: мужики с пониманием наблюдали, как братья Ярмонкины готовят дурака к потрошению.

Наконец, появился третий брат, Асаф, и увел всю компанию из кабака домой. Приказчик согласился переночевать у новых друзей. Он шел, окруженный тремя головорезами, как под конвоем, и редкие прохожие молча провожали его взглядами.

Пришли в большой пятистенник, где гостя приветливо встретил глава семейства. Сысой Егорович налил приказчику вонючей картофельной водки, презрительно именуемой в народе «брандахлыст»; шустрые снохи подали ботвиньи. Лыков выпил, деликатно рыгнул в кулак и попросился спать. Его без уговоров положили на долгую лавку^[33] и пожелали хороших снов; это прозвучало как издевка.

Укладываясь, Алексей незаметно подмечал начавшиеся приготовления к убийству. Совершенно уже не опасаясь своей жертвы, Ярмонкины мало стеснялись в словах. Отсылая снох в бабий кут, старик прямо сказал им:

– Выходить, только коли позову. Негоже вам смотреть на это...

Обмануть опытного человека притворным сном невозможно. У спящего другое дыхание – редкое и ровное, подделать его обычно не удается. Другое дело – пьяный сон. Поэтому Алексей, как лег, сразу принялся храпеть, бормотать и ругаться. При этом он лежал на спине лицом к печке и не шевелился, как и положено выпившему. Анисим подошел и долго стоял над сыщиком, внимательно всматриваясь и вслушиваясь.

– Готов, – сказал он наконец. – Можно начинать.

Сквозь полуприкрытые веки титулярный советник следил за убийцами. Те вели себя буднично, словно собирались пить чай, а не душить человека. Асаф завесил окна и прибавил огня в лампе. Сысой Егорович вышел на крыльцо, бросив через плечо:

– Кончите – позовете. И чтоб тихо!

Три брата обступили лежащего Алексея, и он понял, что пора «просыпаться». Быстро вскочив, сыщик сунул правую руку в карман и спросил бодрым и трезвым голосом:

– Мужики, вы чего?

Асаф, средний из братьев, от неожиданности отскочил к порогу. Фома, напротив, сжал пудовые кулаки и с тупым и зверским лицом шагнул к Лыкову. Анисим стоял сбоку с увесистым латунным безменом для взвешивания шерсти – излюбленным оружием пьяных деревенских драк. Увидав взгляд гостя, он насторожился и остановил гиганта:

– А ну, братка, погодь. Чевой-то здесь не так.

– Анисим, – спросил его Лыков, – зачем тебе ночью безмен?

– Ты пошто вскочил? До ветру захотелось?

– Сон плохой привиделся. Будто вы меня убивать собрались.

– Значит, в руку сон-то. На кой ляд ты в кабаке мощной хвастался, дурья башка? Сидел бы молча, был бы живой. Купил лиха на свои деньги... Но, вижу, ты все время притворялся... Вынь-ка руку-то из кармана; чего ты там прячешь?

Лыков выхватил револьвер, но Анисим проворно и ловко ударил его с маху безменом по плечу. Рука сразу обвисла, как плеть, оружие вывалилось на пол.

– Та-та-та! – насмешливо сказал бандит. – И энтой хреновиной ты думал нас уделать? Как есть, дурак: гнилым носом, да кипарис нюхать...

– Можя, тятеньку позвать? – спросил Асаф. – Неладно как-то все идет, не как всегда.

– Щас я сделаю ладно, – прорычал Фома и бросился на сыщика. Тот со всей силы врезал здоровой рукой. Получив крепкий удар, верзила отшатнулся и озадаченно потряс головой.

– Черт, да он дюжий!

– Это сыщик, – догадался вдруг Асаф. – Он по наши головы пришел! Я кликну тятю, а вы не зевайте.

– А хошь и сыщик, все равно дело надо до конца доводить, – рассудительно сказал Анисим. – Одну руку я ему уже перебил. Главное, напасть теперь скопом и повалить. Давайте: раз, два...

Тут Лыков, как всегда в таких случаях, вместо того чтобы испугаться, разозлился. Сколько же людей эти стервецы здесь задушили, подумал он; пора их приструнить!

– ...Три! – скомандовал Анисим и бросился Алексею в ноги, одновременно Фома накинудся на сыщика с кулаками. Однако вышло не по-ихнему. Лыков перехватил Анисима за ворот, пригнул еще ниже и резко столкнул с братом. Тот замешкался на секунду, и Алексей двинул ему головой в челюсть так мощно, что детина шлепнулся с грохотом на задницу. В ту же секунду Лыков прижал голову Анисима к лавке – тот

пыхтел и безуспешно пытался вырваться – и обрушил сверху страшный удар здоровой левой рукой по темени. Словно забил гвоздь... Под кулаком хрустнуло, и бандит без звука прилег на край доски. Не останавливаясь, сыщик крутанулся на одном каблуке, а вторым с разворота заехал сидящему на полу с глупым выражением лица Фоме в переносицу. Тот всхлипнул и, как сидел, повалился на спину.

Асаф, словно замороженный, наблюдал от двери расправу непонятного гостя с братьями. Лыков перешагнул через огромную тушу Фомы, взял парня левой рукой за грудки и приподнял на пару вершков.

– Скажи-ка мне, щенок, где вы покойников скрываете?

– Дык ведь когда где, – пролепетал Асаф, болтаясь на воздухе. – За конюшней, бывает, а бывает, и в выгребе...

– Сколько их там?

– Примером ежели сказать, с десяток. Пустите меня, господин хороший, сам-от я никого не убивал!

Тут из сеней донесся голос Ярмонкина-старшего:

– Баял же я, штоб тихо, а вы? Экой грохот учинили... Ничего не можно вам доверить!

И Сысой Егорович вошел в избу. Удивиться он не успел. Алексей больной правой рукой приставил его к стене, а левой, держа в ней Асафа, приложился со всей силы. Казалось, по горнице разлетелись искры... С криками отец и сын Ярмонкины повалились на пол. Тут сзади послышался шорох. Лыков, не оглядываясь, уперся ногой в стену и оттолкнулся. Влетел во что-то большое и мягкое – это оказался поднявшийся было Фома. Богатырь снова не устоял на ногах и повалился навзничь, увлекая за собой и сыщика. Алексей извернулся, оседлал убийцу, сложил руки в замок и наотмашь ударил в уже разбитую переносицу. Фома всхлипнул во второй раз и застыл без движения. Лыков и сам чуть не потерял сознание от боли в ключице, однако разлеживаться было некогда. Титулярный советник быстро поднялся, осмотрелся. Драться оказалось уже не с кем. Четыре тела лежали по углам, не шевелясь, да за печкой выли вполголоса ярмонковские снохи.

Пошатываясь и осторожно ощупывая плечо, Алексей вышел из страшной избы-западни на улицу. Было темно и тихо, неподалеку сонно мычала корова, на небе ярко горели крупные августовские звезды. «Хорошо, – подумал он, – в городе таких нет. И что живой, тоже хорошо. Значит, не сегодня, не в этот раз...» И полез за свистком.

Резкие визгливые трели вызвали переполох сразу в двух концах села. От кабака бросилось на звук до десятка мужиков, судя по крикам – крепко

пьяных. Лыков запоздало вспомнил, что его револьвер остался в избе, драться же с этой ордой сил уже не было. Полицейский отряд ломился в темноте от овина по картофельным грядкам и запаздывал. Бежать в дом? Вдруг на дороге появилась ладная, крепкая фигура Палагуты. Намного обогнав остальных, он встал перед вершининцами в спокойной и начальственной позе.

– Чего вылупились, мужики? Али давно полиции не видели?

– Ах ты, фараон поганый! – заорал в ответ рослый детина с колом в руке. – Кто тя сюды звал? Порву!

И бросился на Палагуту. Лыков не успел даже испугаться за товарища. Тот взялся за рукоять сабли, в свете луны вспыхнула тусклая и короткая молния и описала восьмерку. В-жик! В одну сторону полетел отрубленный конец дреколья, в другую – ухо. Детина бросил палку, схватился за то место, где это ухо только что было, и заорал дурным голосом. Мигом протрезвевшие вершининцы развернулись прочь, но были остановлены короткой репликой:

– Я что, кого-то отпускал?

Озадаченные мужики переминались с ноги на ногу, не зная, на что решиться. Голос полицейского, властный и жесткий, словно загипнотизировал их.

– Ша, звери! укротитель пришел. Я ваш новый становой пристав. Звать Максим Петрович Палагута. Человек я строгий, шуток не люблю, по два раза не повторяю. Быстро построились и айда к старосте для удостоверения ваших личностей. А ты, шибенник, подбери свое ухо и следуй возле меня; шесть лет каторги тебе уже причитаются.

Наконец подоспели остальные полицейские. Подбежал и Благово. Увидев безжизненное лицо Лыкова, осторожно ощупал его, обнаружил сломанную или ушибленную ключицу.

– Это все?

– Все.

– Где они?

– Там.

Вошли в избу. Сысой Егорович сидел на корточках, безуспешно пытаясь встать. Снохи промывали ему голову. Старик что-то бормотал и размазывал по лицу кровавую юшку, вид у него был жалкий. Асаф, зажав череп руками, раскачивался из стороны в сторону и тихо скулил. Посреди горницы вытянулся во весь богатырский рост Фома и вяло шевелил пальцами; вместо носа у него была кровавая вмятина. А в углу под иконами притулился на лавке Анисим. Он не стонал, не шевелился и

вообще не подавал признаков жизни.

– Вот его, – Лыков ткнул в Асафа, – следует допросить первым, и не в присутствии отца. Баб опять же отделить и до суда не позволять им общаться со свекором.

– Я все понял. Езжай, Алексей. Пусть Милотворский тебя осмотрит. Ты молодец! Свое дело сделал, остальное доверь нам.

Лыков не стал упираться, сел в коляску и покатил в Нижний. На душе у него застыло странное опустошение, какое и раньше случалось после тяжелого боя. Но ехать в ночи под крупными, как бутоны цветов, звездами домой, к матери и сестре, было приятно. Главное же, он знал, что в Вершинине больше не будут убивать прохожих. Благодаря ему, Лыкову. И это делало дорогу домой еще приятнее.

Между тем в селе продолжалась полицейская операция. Асафа вывели на двор, и после недолгих препирательств он показал, где спрятаны тела задушенных и их вещи. Сергачский исправник со своими людьми сразу же приступили к раскопкам, а Благово пошел к старосте.

Его огромный шестистенок находился в середине порядка, напротив питейного дома. В окнах горел свет, у ворот стоял полицейский урядник с саблей наголо. Павел Афанасьевич проследовал в горницу. Навстречу ему нехотя поднялся коренастый мужик лет сорока пяти, с отечным злым лицом. Несмотря на то что в углу висела икона, хозяин был в шапке и снимать ее не собирался.

– Палагута! – скомандовал Благово.

Под потолком блеснула молния и описала сразу две восьмерки. Шапка слетела с головы старосты и упала на пол, уже разрубленная пополам. Тот и ухом не повел.

– Ништо, новую купим. Знаем мы, кака собака набрехала.

– Палагута, нас спутали с институтками.

Еще блеснула молния, и староста, получив увесистый удар шашкой плашмя по затылку, со стоном упал на колени.

– Кланяться надо, когда разговариваешь с начальником сыскной полиции, – назидательно пояснил становой пристав. – Как звать?

– Кузьма Кузьмич Торчалов, – с достоинством ответил староста, поднимаясь с колен. – А за такие беззакония ответите перед судом. Меня сам предводитель дворянства знает!

– Сначала ты, пес, ответишь, а уж там будем поглядеть, – рассмеялся Палагута.

– Это за что же?

– А за бандитские свои проделки, – пояснил Благово. – Кончилась

малина. Сейчас все село на уши поставим, что-нибудь да и у тебя найдем.

– Вот сначала същите, тогда и стращайте.

– Ты, Кузьма, видать, так и не понял. В селе, где ты десять лет старостой, убивали все эти годы людей. Нам это надоело. Ярмонкины, кто из них живой остался, пойдут в пожизненную каторгу. Меру твоего участия будем выяснять, но лет восемь я тебе уже сейчас обещаю. Так что собирай вещи, пока мы ведем обыск.

– Знаем мы, знаем, кака собака набрехала, – опять повторил Торчалов с лютой злобой. – Задавим, как есть.

– Это ты из острога собираешься командовать?

– И там люди имеются; за деньги черта купишь.

Благово нахмурился. Он понимал, что угрозы старосты вполне осуществимы. Не посадит же коллежский советник в тюрьму все село! Торчалов передаст через подкупленного надзирателя приказ, и Тайку Смыслову со всем ее семейством в одну из ночей сожгут заживо...

– А что, пожары у вас тут часто случаются? – поинтересовался вдруг, не к месту, Павел Афанасьевич.

– Давно уж не было, – ответил староста и насторожился. – А что у вас за интерес?

– Человек один сидит у меня в остроге. Ему бы, по совести, в душевной больнице место, а не в застенке... Больной он. Пироман. Есть такая болезнь – страсть к поджигательству. Вот Матюха, бедолага, ею страдает. Подпалит что – его в тюрьму. Отсидит, выйдет, опять палит и сызнова в тюрьму, и так всю жизнь. Выпустить его, что ли? Адресок подсказать...

– Какой адресок?

– Ну, известно какой. Сергачского уезда Мигинской волости село Вершинино, шестистенок подле кабака. Дом наилучший во всем селе, не ошибется. Матюха у меня смышленный, понимает, что при его болезни с сыскной полицией лучше дружить. Сожжет тебя и опять в острог, а я уж ему там послабление сделаю, деньжат подброшу. Договоримся!

Торчалов застыл, как каменный, лицо его вмиг сделалось блее мела. Благово шагнул к нему, посмотрел в упор с холодным высокомерным презрением.

– Ты что, смерд? С кем шутить вздумал? Против ветра нужду справляешь. Я, начальник нижегородской сыскной полиции коллежский советник Павел Афанасьевич Благово, объявляю тебе приговор. Сейчас мы тут все разроем. Ежели не найдем трупы, станем искать краденые вещи. Ежели не найдем и вещей – я их тебе подброшу. Так что каторги с

последующим поселением в Сибири навечно тебе не миновать уже никак. И речь не об этом, тут вопрос решенный. Но если вдруг с некоторыми жителями Сосновки что-то случится – ты знаешь, о ком я говорю – то... ты до каторги не доедешь. Для этого есть достаточно способов. И хозяйство твое сгорит. И дети сядут в тюрьму – Палагута придумает, за что именно законопатить их подольше. И бабы их сядут. И братья твои, ежели имеются. И племянники, и дядья. Я вырву весь твой поганный род под корень. Вот, при свидетеле клянусь!

И Благово подошел к образу и перекрестился. Потом кликнул с улицы урядника и приказал:

– Этого в наручниках в секретное отделение при управлении полиции, в одиночную камеру. Передать мое приказание: глаз не спускать, ни свиданий, ни передач не позволять. Здесь перерыть дом и двор на две сажени в глубину. Палагута подскажет, где искать и что именно найти... Обо всем докладывать мне лично; я буду в кабаке пить чай. Да, кабак тоже потом закрыть. На общество наложить штраф.

Через четыре месяца состоялся суд. Ярмонкин-старший и его сын Фома получили пожизненную каторгу, Асафа приговорили к двенадцати годам. Анисима после медицинского освидетельствования от наказания освободили: отдавав лыковского кулака, он сделался идиотом. Недоверчивый Благово поручил Палагуте вести за ним строгое и неотрывное наблюдение.

Повальный обыск в Вершинине продолжался почти неделю. В трех дворах было раскопано в общей сложности более двадцати неопознанных трупов различной степени разложения. Во многих домах нашлись подозрительные вещи, часто со следами замытой крови, а также документы пропавших без вести людей. Выявилась страшная картина: несколько семейств много лет (если не десятилетий) занимались разбоями и убийствами, все село знало об этом, но молчало либо соучаствовало. Каждый пятый взрослый мужчина или сидел в тюрьме, или уже отбыл наказание, или оставлялся судом в сильном подозрении. Четверо беглых открыто проживали у себя дома и даже катались в волость, и никто их не тронул! Центральной фигурой в преступном селе оказался староста Кузьма Торчалов. Не убивая сам, он занимался скупкой краденого и продажей вещей и ценностей с погибших людей. Связи лихого старосты простирались до обеих столиц, а сыновья оказались состоящими в главных московских бандах: Анчутки Беспятого и Ивана Мячева. Под следствием очутилось более семидесяти вершининских крестьян, из которых полтора

десятка, в том числе и бывший староста, пошли в Сибирь.

Палагута железной рукой навел в разбойничьем селе порядок. После осуждения в каторгу основных злодеев осталось еще много мелкой сволочи. Эти люди пытались жить по-старому, но им не дали такой возможности. В итоге те, кто не убежал, попали в арестный дом или на рудники. Вершинино медленно приучалось жить честным крестьянским трудом. Здоровые элементы нашлись и здесь, и при поддержке властей все в конце концов наладилось.

Семейство Смысловых вернулось в Сосновку и проживало там благополучно. В 1889 году, когда Благово уже не было в живых, а Лыков служил в Департаменте полиции, он получил от Палагуты письмо. Тот писал, что Анисим Ярмонкин покушался на жизнь Таисьи, к этому времени уже замужней женщины и матери троих детей. Осталось непонятным, симулировал ли убийца все эти годы сумасшествие или излечился, но скрывал это. Факт, что спустя почти десять лет он попытался отомстить. По счастливой случайности, становой проезжал в этот момент по деревенской улице и увидел, как Анисим гонится за своей жертвой с ножом. Недолго думая, Палагута застрелил его на месте, закончив тем самым историю о злых людях из села Вершинина.

Дело молитовских отравителей

25 марта 1880 года в Шуваловском лесу был найден труп пожилого мужчины. Он был убит несколькими ударами топора в голову, неумелыми, но сильными; лицо обезображено, бумаг никаких не обнаружено. Судя по одежде и белью, покойный был человеком обеспеченным. Гладкие ладони с бугорком на безымянном пальце левой руки указывали, что он – левша, а род его занятий – кабинетная работа.

Убитого нашел случайно лесной кондуктор^[34], проверявший незаконные порубки. Место для сокрытия трупа было выбрано с умом: небольшой заваленный упавшим сухостоем лесной овраг в стороне от тропинок. Кондуктора насторожила валявшаяся на пригорке перчатка. Снег почти везде уже стоял, оставаясь только в низинах. Разглядеть с седла небольшую вещицу было трудно, но молодой парень, из отставных егерей, мимо не проехал. Когда он спешился, чтобы поднять перчатку, то увидел в сажени от нее двугривенный. Шагнул к нему – нашел далее два полтинника. Заинтересовавшись, кондуктор сделал уже десять шагов вперед, туда, куда указывала цепочка брошенных предметов, и обнаружил в овраге труп.

Благово послал курьера объехать все четыре нижегородские части – нет ли объявления о пропаже схожего по приметам человека. Таковых не оказалось. В Первой Кремлевской исчезла младшая сестра купчихи Рябининой, девица Софья Михайловна, но это история известная. Молодая совсем, а клейма ставить уже негде: каждый год убегает с очередным юнкером высокого росту...

До конца дня никаких сведений об убитом собрать не удалось. Доктор Милотворский сделал вскрытие: вчера за ужином старичок съел жаркое с грибами. Ну и что?

В этот же несчастливый день в городе случилось еще одно убийство. Белодеревец Мушкетов стоял возле трактира «Кот», что в Гордеевке, и дожидался товарища, когда к нему подошел незнакомый субъект. По виду мелкий торговый человек, он был слегка выпимши.

– Как тебя зовут? – спросил неизвестный Мушкетова.

– Иван, – ответил тот, удивленный таким любопытством.

– Ну, а раз Иван, то получи!

И ударом ножа нанес белодеревцу смертельную рану в живот, после чего скрылся во дворах.

Через два часа после этого дикого происшествия сыскной надзиратель Макарьевской части Здобнов донес, что личность убийцы установлена. Некий Дормидонт Широбоков, обыватель с 14-й линии Кунавинской слободы. Совершенно ничем не примечательный экземпляр: пьяница и лодырь, каких половина России. За что он зарезал несчастного столяра, неизвестно; вполне вероятно, что преступник и сам этого не знает...

Теперь поимка негодяя стала лишь делом времени. Отоспится в каком-нибудь притоне, утром вспомнит, что наделал, и ударится в бег. Бежать он может либо в родную деревню (Кременки Макарьевского уезда), либо к брату, сторожу Дворянского института. Там или там, но завтра Широбокова возьмут; здесь все предсказуемо. А вот тело в Шуваловском лесу...

К семи часам вечера Благово вместе с полицмейстером Каргером вызвал к себе новый губернатор Безак. Лишь позавчера он прибыл в Нижний Новгород на смену ушедшему Кутайсову, и сразу такое... Генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, выпускник двух академий и кавалер боевого Владимира за участие в сражении при Филиппополе. Злые языки говорили, правда, что на турецкой войне Николай Александрович был только три дня и ездил туда за орденом и генеральскими эполетами (получил и то и другое). Те же языки намекали, что из Безака готовят министра – как-никак крестный одной из императорских дочерей... Благово встречался с новым начальником губернии во второй раз и успел понять, что тот человек умный и не злой; уже хорошо по нынешним временам. Особенно в сравнении с Кутайсовым...

На этот раз Безак был хмур и шутил через силу:

– Что это у вас, господа полицианты, уже по два человека за день убивают? Эдак скоро в Нижнем населения не останется – кем я стану руководить?

– А вот погодите, ваше превосходительство, когда снег весь сойдет, – пообещал губернатору Каргер. – Человек десять покойничков сразу обнаружится; мы называем их «подснежниками».

– Да ну! – ахнул Безак. – И вы мне так спокойно об этом говорите?

– Что ж поделать, ваше превосходительство...

– Зовите меня Николай Александрович. Давайте без чинов, нам вместе служить. Это и к вам относится, Павел Афанасьевич.

– Слушаюсь. Так я говорю – что ж поделать, ежели так неизбежно повторяется каждую весну?

– Это еще мелочи, Николай Александрович, – попробовал утешить начальника губернии Благово. – В Петербурге об эту пору собирают ежегодно до восьмидесяти мертвяков.

– Святой боже... И что?

– Списывают на несчастные случаи и самоубийства. Хотя все понимают, что две трети из них – жертвы умышленных преступлений.

– А ведь по отчетности – я читал – в столице в год числят не свыше двух десятков убийств, – пробормотал Безак. – Втирают очки государю и не стыдятся...

– На самом деле убийств бывает до сотни, и это без пригородных местностей; с последними еще более, – продолжил Благово. – Но бог с ней, со столицей, у нас свои приключения. Прикажете доложить?

И начальник сыскного отделения сжато рассказал об обоих случившихся за день злодействах. В заключение высказал твердую уверенность, что Широбоков послезавтра утром непременно будет схвачен и, скорее всего, в Кременках. Туда пошлют Лыкова – от него еще никто не уходил. А вот с шуваловской находкой сложнее: покуда не установим личность покойного, следственные действия вести невозможно.

Имя убитого было выяснено через сутки после этого разговора. Широбоков уже сидел в остроге – его взяли на квартире у брата (Лыков скатался в деревню без пользы). Кстати, поганец действительно не смог вспомнить, за что зарезал несчастного столяра. «Чевой-то, вашебродие, нашло... прямо за душу-то и взяло! Эх, думаю, жисть! Простору нету! ну, и тово...» Беседа в подобном ключе подходила к концу, когда пристав Рождественской части прислал к Павлу Афанасьевичу помощника нотариуса, некоего Подгаецкого. Тот подал явочное прошение^[35]: его хозяин, нотариус Анто́в, бесследно исчез и не появляется ни дома, ни в конторе уже более сорока часов. Что на него не похоже... Возраст пропавшего – шестьдесят один год, телосложения среднего, и он левша.

Лыков и Титус – помощник начальника сыскной полиции и заведующий столом розыска – выехали для осмотра конторы и жилища погибшего. Анто́в занимал для своего дела три комнаты во втором этаже дома Обрядчиковых на Рождественской улице. По наведенным справкам, он был человеком уравновешенным и порядочным, но очень замкнутым. Имел серьезную клиентуру среди нижегородского купечества, особенно между старообрядцами основных толков. Являлся многолетним причетчиком домово́й церкви беспоповцев. Вдовец, жил одиноко в собственном небольшом домике в Панской слободе. Пребывал в достатке, но жизнь вел скромную, без мотовства. Его помощник Андрей Александрович Подгаецкий, бесцветный, сублильный человек лет 28, был, видимо, встревожен происшедшим. Теперь ведение всех дел конторы свалилось на него одного. Подгаецкий немного растерялся, но не робел –

он уже четыре года служил у старика и знал всю кухню наизусть, справится. С другой стороны, теперь помощник сделался хозяином отлаженного дела, с готовой клиентурой... Алексей поэтому сразу записал его в подозреваемые.

– Когда вы видели вашего хозяина в последний раз?

– Он мне не хозяин, а работодатель. Был.

– Ответьте, пожалуйста, на заданный вопрос.

– В четыре часа пополудни 24 марта он ушел из конторы домой. Обычно мы сидим до шести, но Парфен Семеныч сказал, что у него болит голова. Такое иногда случалось, когда менялась погода. А в тот день как раз пошла резкая оттепель, так что я и не удивился. Но на следующий день Антонов всегда появлялся; а тут десять часов, одиннадцать, половина двенадцатого... Ни его самого, ни записки. В обеденный час я отправился к Парфен Семенычу домой, а прислуга мне заявляет, что он и ночевать не приходил! Признаться, тут я даже успокоился.

– Почему? Такое уже бывало?

– Один-два раза в год шеф загуливает. Загуливал... Мужчина он был еще очень живой и совсем не бедный, но строгих правил. И очень скрытный! Никаких там девок – только честные вдовы, притом не из простого звания. Город у нас купеческий – в честных вдовах недостатку нет-с! Все было весьма пристойно, без огласки; только я один и знал, что есть у Парфен Семеныча такая слабость. Раз в полгода он менял себе пассив и тогда пропускал присутственный день. Вот я и подумал: опять оскоромился, старый хрен... Но когда и на завтра Антонов не появился, я обеспокоился и побежал в полицию.

– У вас были в последнее время какие-нибудь скандальные дела? Ну, вы понимаете: подозрительное завещание, сомнительная купчая...

– Понимаю, но сразу отвечаю: нет! Вы не знаете Парфен Семеныча. Очень щепетильный, очень осторожный! У нас имеются в городе два таких нотариуса, о каких вы говорите. И они еще зададут вам, сыщикам, работы. Но мы не из них-с. Нет, по роду занятий своего работодателя я не предполагаю никаких угроз его жизни. Думаю-с, вам надобно искать вдову. Очередную вдову, которая на этот раз – увы! – не оказалась честной. Где-то же ведь он заночевал! И там его убили...

Лыков отпустил помощника, ставшего вдруг невзначай целым нотариусом, и поехал беседовать с кухаркой погибшего. Та оказалась бестолковой старухой, к тому же растерявшейся: вся ее размеренная понятная жизнь рухнула в одночасье. Однако на вопрос о похождениях Антонова по вдовам решительно ответила, что за хозяином подобного никогда

не числилось. Дворник, он же кухонный мужик, рассказал и того меньше; в доме покойного подсазок не обнаружилось.

Попытки собрать какие-либо сведения об Антове в других местах оказались столь же бесплодны. Выяснилось, что покойный вообще мало чем интересовался. Он даже в карты не играл! Родственников у Парфена Семеновича не оказалось, ни в клуб, ни в компанию сверстников он не хаживал. Только работа, дом и заботы по обязанностям причетчика – но и там он был замкнут и закрыт для единомышленников. Очень удобный объект для преступлений! Убили человека – и не у кого даже спросить о нем... Показание Подгаецкого, таким образом, проверить не удалось, но оно оставалось единственным дающим хоть какое-то направление для поисков.

В восемь часов пополудни состоялось совещание у Благово. Первым доложил Лыков. Следом Титус рассказал о результатах опроса немногочисленных обитателей Савеловской Гривы, как еще называли Шуваловский лес. Вроде бы какая-то пролетка появлялась со стороны Молитовки... Ни примет возницы, ни описания экипажа, ни даже точного времени. Татарин-старьевщик слышал храп лошади, когда «уж давно, как стемнело». Стало быть, в четыре часа Антовы вышел из своей конторы на Рождественской и где-то употребил жаркое с грибами. А примерно в девять вечера его, уже мертвого, сбрасывали в овраг на другом берегу Оки, в шести верстах от кунавинских окраин.

Совещание было прервано внезапным появлением пристава Второй Кремлевской части ротмистра Фабрициуса. Он вбежал встревоженный, стукнул об пол саблей и выдохнул:

– Ивана Бурмистрова отравили! Насмерть.

– Мор напал на наш бедный город... – пробормотал Благово, хватаясь за фуражку. – Третий покойник за три дня. Поехали!

Иван Михайлович Бурмистров, член известной в городе промышленно-купеческой фамилии, проживал с молодой женой в собственном доме на Большой Печерской, возле Троицкой Верхнепосадской церкви. Когда полицейские прибыли в особняк, они застали там супругу Анастасию Павловну, только что ставшую вдовой, и гостя дома – некоего Василия Георгиевича Гаранжи, отставного поручика. В зале на столе красовались остатки торжественного ужина – с вином, дичью и фруктами. Хозяйка дома лежала в спальне в полуобморочном состоянии, растрепанная и вся какая-то зеленая. Она была еще молода, но толста и некрасива. В противоположность ей Гаранжи являлся писанным красавцем. Высокий, атлетично сложенный кудрявый брюнет с ухоженными офицерскими усами и ярко-голубыми глазами, он был

просто великолепен даже в состоянии шока. А он был именно в таком состоянии: тоже зеленый, со следами рвоты на сюртуке, с испуганным взглядом... Поручик шлялся по дому, всем мешал дурацкими вопросами и то и дело бегал в ретирадное.

В кабинете же, прямо на полу, лежал Иван Бурмистров. Руки и ноги сведены судорогой, на бороде черная пена, зрачки расширены, зубы стиснуты намертво. Над телом склонился полицейский врач Милотворский.

– Что скажете, Иван Александрович? – тронул его за рукав Благово.

– Симптомы отравления растительными алкалоидами. Борец или жабрей; возможно, болиголов. Более точный ответ даст только анализ, Павел Афанасьевич.

– По методу Стаса?^[36]

– Вы и здесь специалист? Не голова у вас, а Правительствующий Сенат.

– Как быстро сможете дать заключение? Метод очень трудоемкий.

– Если пошлете курьера в Москву за реактивами – в Нижнем таких нет – то через три дня.

– Вдову уже осмотрели?

– Да, и господина Гаранжи за компанию. Такое же отравление, но в меньшей дозе. Им очень повезло – ели ту же пищу, что и покойный, но уцелели.

– Выясните это поподробнее: ту или все-таки немного другую? Нет ли здесь имитации?

– Вы полагаете? – вскинул брови доктор.

– Полагаю, Иван Александрович, еще как полагаю. Молодая жена, старый богатый муж и красавец «гость дома». Ничего не навевает?

– Понял вас, – пробормотал Милотворский и немедленно отправился в гостиную.

Тут в кабинет ворвался Гаранжи, театрально ударился головой об косяк и всхлипнул:

– Это я его убил! Все мои перепела! А я еще смеялся... Проверьте дичь, господа, – она всему виною!

– Какие еще перепела, господин Гаранжи? – насторожился Благово. – Кого вы убили?

– Там, на столе, в тарелках. Мои перепела. Я их захватил с собой угостить Ивана Михайловича, он большой любитель вкусно покушать. Птицы кавказские, я привез их еще в начале зимы, когда приехал сюда после отставки искать места. На Кавказе иногда травятся перепелами –

очень редко и не до смерти, но случается... Я еще рассказал об этом, мы посоветовались и решили жарить их долее обычного. И вот! Первой почувствовала себя плохо Анастасия Павловна, а потом... а потом...

И Гаранжи снова стукнулся красивой головой об стену и взревел белугой.

– Только без истерик, Василий Георгиевич! Рассказывайте дальше, и в деталях.

– Иван Михайлович побледнел, встал, извинился и выбежал в кабинет. Я пошел за ним следом, встревоженный, но сам еще ничего не чувствовал. Бурмистров сказал, что у него сильная колика в желудке. Потом вдруг как началось! Внезапно и очень быстро... Он упал на спину, где стоял; завязались судороги, у него потекли черные слюни – фу! – а потом и пена пошла изо рта. Тоже черная... Тут из гостиной закричала Анастасия Павловна, и я бросился туда. Минут пять бегал из кабинета в гостиную и обратно, а затем и у меня открылось... Я перепугался. Решил – все, помираю. Потом все же встал и пытался помочь, в первую очередь, конечно, даме. Послал прислугу за врачом, разыскал рвотный камень, горничную заставил делать промывание желудка, сам на какое-то время застрял в отхожем. А когда снова пришел в кабинет, увидел вот это... Его убили мои перепела. О боже!

Благово вызвал Милотворского и велел Гаранжи рассказать ему о своих подозрениях относительно дичи. Иван Александрович задумался.

– Да, в литературе я встречал описание таких случаев. Они редко бывают смертельны, но при слабом сердце возможен и роковой исход. Хотя... Послушайте! А ведь это действительно все объясняет!

– Что именно? – встрепнулся коллежский советник.

– Симптомы. Это симптомы отравления кониином! Как я сам не догадался? Расширенные зрачки, парестезия кожи, судороги, восходящий паралич тела, затем паралич дыхания и, как следствие, смерть. Полагаю, что это болиголов!

– Болиголов?

– Да. Страшное растение, но перепела действительно могут есть его безо всякого для себя вреда. Необъяснимый факт. В болиголове, кроме кониина, содержится еще и коницетин. Эти два яда убьют лошадь, не то что человека. Но таких случаев – один на миллион! Действительно, ужасное невезение... Господин Гаранжи, мне понадобятся ваши рвотные остатки. И госпожи Бурмистровой тоже.

– Мои все в ретирадном. Обещаю, когда меня опять начнет выворачивать, немного сберечь для вас в какой-нибудь посуде. А

относительно Анастасии Павловны, так это к ее горничной; там этого добра целый таз. Ой! кажется, опять началось! Извините, господа...

И отставной поручик умчался прочь.

Благово тут же повернулся к Лыкову, который, как он заметил, очень внимательно и недоверчиво слушал рассказ Гаранжи.

– Что скажешь, Алексей? Ты ведь тоже служил на Кавказе. Такое там действительно случается?

Тот ответил очень серьезно:

– Именно потому, что я бывал на Кавказе, у меня есть своя версия. Возможно, Гаранжи просто не ожидал встретить здесь человека, знающего, как и он, эту историю...

– Что за история?

– Это туземная история, среди русских она известна единицам. Если мы найдем мотив...

– Ну, хорошо. Закончим здесь свои дела – их еще много, и по пути в управление расскажешь.

Два часа продолжался тщательный осмотр всего особняка. Сыщики обыскали жилые комнаты, включая помещения прислуги, кухню, ледник, служебные постройки. В отдельный мешок сложили лекарства, что обнаружились в доме, все пузырьки, бутылки с жидкостями, сосуды со святой водой, вина и наливки из буфета. Забрали на анализ также посуду, в которой готовили и из которой ели несчастных перепелов, и графин с настойкой, что стоял на столе в гостиной. За это время барыне стало легче, и она удалилась в свою спальню, а Гаранжи уехал на извозчике к себе. На завтра ему, если позволит здоровье, предстояло явиться в сыскное отделение на допрос.

– Так что за историю ты имел в виду? – спросил Благово Лыкова, как только они уселись в служебную пролетку.

– Это очень старая история, которую даже в горах знают не все. Я услышал ее случайно. В 1878 году, после окончания войны, я еще четыре месяца ловил в Дагестане и Чечне абреков. Они помогали туркам, и, заключив мир, мы принялись за этих ребят всерьез... В нашем отряде были туземные милиционеры: аджарцы и осетины. И вот один из них как-то у костра, за ужином, рассказал эту полулегенду-полубыль. Тогда на ужин тоже оказались перепела – настреляли для своих нужд. И Мамед-Гасан сказал: «Не отравиться бы, как тот владетель». Его, конечно, спросили, о ком он говорит, и он поведал... В самом начале века младший брат владетеля Ахалцихского пашалыка отравил своего старшего брата, чтобы занять его место. С помощью перепелов. Эти необычные птицы

действительно могут есть семена самых опасных растений безо всякого для себя вреда, но мясо их делается при этом ядовито. Отрава накапливается в дичи, которая совершенно здорова на вид и неотличима от прочих, не опасных, птиц. Осенью перепела особенно жирны. В это время содержание яда в них становится уже смертельным; даже картофель, поджаренный на их жире, убивает. Зная это, коварный братец за лето выкормил одну заранее пойманную птицу ягодами и семенами цикуты и – болиголова! А затем устроил пир для любимого родственника. Перепела, совершенно одинаковые по наружности, были приготовлены в разной посуде. Убийца потом сложил их вместе, на одно блюдо. Посвященный в заговор слуга спокойно положил хозяину на тарелку здоровую птицу, а владельцу – ядовитую. У всех на глазах... И получилось, как у нас сегодня: все вроде бы ели одно и то же, но один умер, а остальных лишь вырвало. Видимость такая, что под Богом вместе ходили, и человеку просто не повезло. А на самом деле – обдуманное преднамеренное убийство.

– Оч-чень любопытно, – лаконично прокомментировал Благово и на минуту замолчал. Потом приказал вознице: – В полицейский морг!

Повернулся к Алексею и спросил:

– Значит, главное – готовить в разной посуде?

– Да, а потом съесть несколько ложек отравленного бульона. Нам надо срочно найти и допросить кухарку. Бурмистрова сказала, что отпустила ее на три дня в деревню сразу после того, как та приготовила ужин. Подозрительно!

– Кухарку мы, конечно, найдем, но, если твоя версия верна, ее подкупили и на время от нас спрятали. Деньги там большие, дать могли столько, что мы ничего от этой бабы не узнаем. Я с подобным сталкивался. Маклер хлебной биржи Иван Лельков убил свою супругу, чтобы жениться на ее сестре. Все знаю: как, когда, кто помогал. Доказать ничего не могу... Пусть Титус завтра из-под земли достанет эту кухарку, а ты займись поручиком. Служил на Кавказе, значит, имел возможность слышать твою историю. Птиц привез оттуда в начале зимы. Мог он купить у какого-нибудь недоброго человека ядовитую перепелку? По особому заказу...

– Мог. И головой об косяк Гаранжи бился ненатурально. Надо покопаться в его прошлом. Как он оказался в Нижнем Новгороде, на какие средства живет, что о нем думают в полку. И особенно: какова его роль в доме Бурмистровых? Красавец, а муж стар и занят делами. Совместные ужины, он «друг семьи»... Дурно пахнет.

– Чтобы навести справки, надо посылать агента к месту его службы. На письменный запрос мы получим отписку. Сам знаешь. Готовь

Фороскова в командировку.

– Слушаюсь. Завтра изучим формуляр поручика, выясним, где служил. Кавказ большой!

Подъехали к моргу. Милотворский в кожаном забрызганном кровью фартуке раскладывал в стеклянные банки фрагменты внутренних органов несчастного купца, отдельно упаковывал содержимое его желудка и кишечника.

– Иван Александрович, – сказал ему Благово с привычным равнодушием опытного полицейского, – не забудьте про птиц. Постарайтесь «привязать» каждую и к кастрюле, и к тарелке. У Алексея Николаевича есть удивительная, но очень правдоподобная версия. Для ее проверки нам очень важно понять: перепелов готовили в одной посуде или в разных?

– Это лучше спрашивать у повара, а не у патологоанатома.

– Спросим в свое время. Когда найдем... Лакей и посудомойка на месте, а кухарку отпустили в деревню. Совсем за дураков нас держат, что ли? Ну, не будем мешать; помните мою просьбу насчет посуды. Вы давеча говорили про реактивы, что их надо заказывать в Москве. Напишите прямо сейчас, что и в каких количествах вам необходимо, и утром мой человек отправится в Москву.

– А я, батенька, все уже написал. Вот: три реактива. Рене, Фреде и Манделена, по двадцать золотников каждого. Проверим все возможные варианты. Я погорячился тогда насчет кониина. У стрихнина – алкалоида рвотного ореха и дигиталина – алкалоида красной наперстянки схожие с ним симптомы.

– Послезавтра утром все будет у вас на столе. Засим – откланиваемся!

Алексей оказался дома в половине третьего ночи, а в девять утра, не выспавшийся и хмурый, уже изучал указ об отставке^[37] поручика Василия Гаранжи. Сам поручик в это время в приемной ожидал вызова на допрос.

Лыков внимательно читал строки указа, изучал почерки, чернила, характерные служебные обороты. Потом занялся печатью, которая заверяла в самом конце документа подпись командира полка и скрепу адъютанта. Лизнул палец, приложил к оттиску, и на его коже остался едва заметный черный след.

– Есть, Павел Афанасьевич! Это не мастика, а сажа. Переводили с копченого стекла.

– А в записях как?

– Указ пишется на основе послужного списка, форма которого строго определена. В списке ставятся жалованье и два вида дополнительного

довольствия: столовые и квартирные деньги. А здесь записаны также и порционные. Это нарушение. И еще: по окончании Елисаветградского юнкерского училища Гаранжи был выпущен в 16-й Мингрельский гренадерский полк. Хороший, кстати сказать, полк... В 13-ю роту!

– Ну и что?

– Правильное название – не 13-я, а 1-я стрелковая. В пехотных полках по случаю войны ввели четвертые батальоны, но сделали их четырехротными. А раньше было три батальона по пять рот в каждом. Из них четыре роты линейные, а одна – стрелковая, с тем же номером, что и батальон. То есть линейные роты имели номера с 1 по 12, а стрелковые – с 1 по 3. Когда Гаранжи вышел в полк, война уже закончилась, и снова вернулись к прежним наименованиям. Тот, кто подделывал формуляр, этого не знал. И вообще, указ писал не офицер. Человек, имеющий некоторое представление о воинском документообороте, но не офицер.

– Юнкер?

– Может быть. Тогда этот юнкер, скорее всего, наш Гаранжи, выдающий себя за отставного поручика. Но подделка мастерская: четыре разных почерка. У Василия талант!

– Не будем сейчас тыкать его в ошибки формуляра, сделаем вид, что мы этого не заметили. Пошлем формальный запрос в полк, а Форосков произведет настоящую проверку на месте. Зови нашего красавца.

Гаранжи сегодня действительно оказался еще великолепнее, чем вчера. Зелень со щек исчезла, так же как и суетливость. В модном переходном костюме^[38], безукоризненно вежливый, но преисполненный достоинства, Василий Георгиевич охотно ответил на все заданные сыщиками вопросы. Рассказал он при этом следующее.

В конце ноября прошлого, 1879 года, когда Гаранжи служил подпоручиком в Мингрельском полку, у него вышло столкновение с батальонным командиром майором Риппсом. Тот стал навязчиво ухаживать за его единственной и любимой сестрой Еленой. А когда получил отпор, принялся распускать в отношении барышни грязные, оскорбительные слухи. Подпоручик потребовал от майора объяснений, Риппс ответил грубостью и угрозой военного суда. Ну и получил по морде...

– Понимаете, господа, – объяснял Гаранжи, – он старше меня на три чина. Стало быть, дуэль между нами невозможна, вот майор и счел себя в безопасности. Общество это создавало и было на моей стороне. Поэтому удалиться из полка предложили нам обоим. Когда мы оказались на положении статских, я тут же прислал Риппсу форменный вызов. Так он сбежал из Тифлиса менее чем за сутки! Чем доказал свою трусость. А мне,

в знак косвенного признания моей правоты, даже присвоили при отставке следующий чин поручика.

Оказавшись без службы, Василий Георгиевич приехал в Нижний Новгород к полковому другу Ивану Турусову, служащему лесничим Шуваловской дачи. Четвертый месяц он живет на служебной квартире лесничего в селе Молитовка и ищет места. Ведет весьма скромный образ жизни на те средства, что достались от умерших родителей – они с Еленой сироты. Денег хватит еще примерно на год. Но ему уже обещана хорошая должность на железной дороге, которая освободится к осени!

– Где мы можем получить подтверждение вашей истории?

– В полку. Но там, скорее всего, ответят отпиской: вышел в отставку по семейным обстоятельствам. Не станут же они рассказывать про драку между офицерами... Лучше запросить мужа моей сестры, статского советника де Рошефора. Елена недавно вышла замуж... Де Рошефор – серьезный человек, занимающий ответственную должность в канцелярии кавказского наместника. Он врать не станет! Проживают супруги в Тифлисе, на Головинском проспекте, в собственном доме.

– Как и когда вы познакомились с Бурмистровыми?

– В декабре прошлого года, вскоре после приезда, в той же Молитовке. У них там хорошая дача, на которой можно жить даже зимой. Стоит она через дорогу от квартиры Турусова. Как раз случилось Рождество, нас соседски позвали в гости, завязалось знакомство. Иван Михайлович сразу проявил ко мне участие; именно он, царствие ему небесное, и приискал мне место на дороге. Как теперь будет с этим местом? Обманут ведь...

– Отношения стали близкими?

– А что вы имеете в виду? – вскинулся Гаранжи.

– Положение друга семейства – это отношения достаточно интимного свойства. Вы – молодой интересный мужчина – оказались вхожи в дом, где муж старше своей жены на тридцать пять лет. Согласитесь, это вызывает вопросы.

– Наверное, вы правы – подобные вопросы неизбежны. Но это были чисто дружеские отношения, честное слово! Иван Михайлович любил давать советы, а я любил их слушать и принимал с благодарностью. Поэтому, думаю, он мне и помогал столь охотно. Некоторым он, я знаю, своими советами надоедал, а мне нет.

– Анастасия Павловна тоже советы давала?

Гаранжи замялся, потом, смущаясь, сказал:

– Анастасия Павловна очень добрая и порядочная женщина. Я, конечно, общался много и с ней тоже, и... у меня сложилось впечатление,

что Иван Михалыч не против этих наших бесед. Он же неглупый был человек и понимал... У него возраст, и дела времени много отнимали... А тут молодая женщина, живая, ей развлечения необходимы! И уж лучше это буду я, человек воспитанный, не испорченный, и – назовем вещи своими именами – зависимый, ожидающий по его милости места. Я это чувствовал и ничего плохого в том не видел! Бурмистров и деньгами меня иногда выручал. Немного и не часто; часто я не позволял, но случалось. Я остался должен ему сто семьдесят рублей. Вообще же, поймите: трудно в чужом городе одному, без знакомств, без уголка, где тебе рады. И дом Бурмистровых стал для меня таким уголком! Понимаю, что злые языки все могут перевернуть, и даже неизбежно перевернут. Возможно, уже и перевернули. Но вы разберитесь, господа, разберитесь!

– Мы разберемся. Что за «злые языки» вы имели в виду?

– У Ивана Михайловича есть брат, Дмитрий Михайлович. Эдакий патриций купецкого разлива: властный, себялюбивый, почитающий свою персону выше других. А у него имеется жена, столь же эгоцентричная особа, да еще и из рода Рукавишниковых. Вот им я точно не нравился!

– Почему же?

– Да в рот патрицию не смотрел. А главное, к Ивану Михайловичу с уважением относился, а они его за дурачка считают. Считали... А он был порядочный и серьезный человек, отнюдь не расположенный позволять кому бы то ни было резвиться за его спиной и дурачить.

– Хорошо. Перейдем к перепелам. Откуда они взялись?

– Я привез, из Тифлиса. Купил их дюжину перед отъездом, уже забитых и замороженных, кое-как доставил в Нижний, положил Ивану на ледник. Турусов большой их любитель. Мы с ним штук шесть за зиму истребили, и ничего с нами не случилось; перепела как перепела. Я поэтому и не опасался... Вчера днем привез три тушки из Молитовки в дом к Бурмистровым, еще несколько осталось. Возьмите их, кстати, для анализа!

– Возьмем. У кого именно вы купили птиц?

– Бог его знает, не помню. На базаре, у какого-то аджарца, там их много и все с перепелами.

– Последний вопрос на сегодня, Василий Георгиевич. Вы не знаете, как было составлено завещание Бурмистрова?

– Хгм... Об этом лучше спрашивать Анастасию Павловну. Я не посвящен в детали, но знаю, что до последнего времени завещания не было вообще. И ее это беспокоило. Упоминаемый мною Дмитрий Михайлович Бурмистров хоть и младший брат, но семейное дело держит в кулаке; Иван

Михайлович был у него на подхвате. Отношения между деверем и снохой не заладились с самого начала, он считал ее выскочкой и не ровней их фамилии. Жена его, Варвара, урожденная Рукавишникова, и вовсе ее ненавидела. Случись что, они раздели бы вдову как липку – все концы у них! Я дважды был свидетелем того, как Анастасия Павловна говорила об этом с Иваном Михайловичем. В первый раз муж осерчал, даже запретил жене заикаться на эту тему, сказал, что помирать не собирается. Но, как говорится, ночная кукушка дневную перекукует, и вторая при мне беседа была уже другой. Из нее я догадался, что завещание господин Бурмистров составил и права супруги там должным образом защищены. Анастасия Павловна при мне лобызала Ивана Михайловича, благодарила, и он также был, видимо, доволен восстановлением семейного мира. Но все равно лучше прочих об этом расскажет сама вдова. Какое ужасное слово, бр-р...

– А кто их нотариус?

– Не имею ни малейшего понятия.

– Довольно для первого раза, Василий Георгиевич. Я попрошу вас сообщать в полицию о всех предполагаемых вами отлучках. Это не домашний арест, отнюдь, но мы ведем расследование смерти человека и еще не раз будем встречаться с вами по этому печальному поводу.

– Слушаю-с.

– Сейчас подождите в приемной господина Лыкова, он через минуту освободится, и вы поедете с ним в Молитовку за оставшимися птицами.

Гаранжи откланялся и вышел.

– Как он тебе сегодня? – спросил Благово Алексея.

– Гораздо лучше, чем вчера. Держится естественно и с достоинством, которое трудно сохранить в его теперешнем положении. Он же понимает, что является главным подозреваемым. Я начинаю думать, что действительно произошла трагическая случайность. Гаранжи вызывает даже сочувствие: один, в чужом городе, без средств, без места, теперь еще и с пятном на репутации...

– Да, Василий Георгиевич умеет нравиться и делает это как профессионалист. Ты замечал, что есть люди, сознательно пытающиеся нравиться? Он как раз из таких. Я убежден, что Гаранжи убийца. Ты давеча хотел мотив; теперь он у нас имеется.

– Завещание?

– Разумеется. Ты знаешь, как поступает наше законодательство в случаях, когда супруг умирает, не оставив волеизъявления?

– Нет.

– В этом вся суть! Вдове гарантирована только четвертая часть

движимого имущества, и ничего более. А если у покойного не было денег в шкатулке или на банковском счете и он не конезаводчик? Если его капитал – в паях обществ, в фабриках и доходных домах, в земельных участках, наконец, то все это достается прямым родственникам за вычетом жены.

– То есть тому же Дмитрию Михайловичу Бурмистрову.

– Да. Их двое братьев, родители давно умерли, а детей Анастасия Павловна родить не успела. Богатства же семейства Бурмистровых заключаются в их торговом доме – они крупнейшие мануфактуристы Нижнего Новгорода. Кроме того, им принадлежит большая доля в железоделательном заводе Рукавишниковых, что в Канавине. А еще три магазина на ярмарке и в Гостином дворе и два доходных дома. Из всего этого, при отсутствии волеизъявления, вдове не досталось бы ни копейки. Нам необходимо срочно найти завещание и допросить нотариуса, его скрепившего, как все было на самом деле.

– Вы полагаете, Анастасия сдонила мужа составить духовную в свою пользу, а потом вскорости отравила его с помощью Гаранжи, чтобы жить затем с этим красавцем на положении богатой вдовы?

– Да.

– Не вяжется, Павел Афанасьевич. Наш поручик что, заранее предполагал, что ему в Нижнем понадобится кого-нибудь прикончить? И потому прихватил с собой с Кавказа ядовитых перепелов?

– Ну, это он тебе сказал, что привез их с собой с Кавказа в самый приезд сюда. А не получил пару недель назад с оказией... Допроси лесничего, проверь почту поручика. Поговори с соседями по Молитовке – люди наверняка судачили по поводу визитов бывшего офицера к молодой жене старого мануфактуриста. Пока ясно одно: указ об отставке поддельный и наш лихой поручик Гаранжи может оказаться беглым каторжником Ивановым.

– Возражаю, Павел Афанасьевич. Затеять такое дело, как убийство под видом случайного отравления с целью получения наследства... Он не мог не предполагать, что мы вывернем наизнанку все его прошлое. Может быть, наш адонис и не поручик в отставке, а портупей-юнкер, выгнанный за развратное поведение, но он точно Гаранжи.

– Это нам выяснит Форосков. Завтра утром пусть выезжает в Тифлис. У меня там есть старый должник: сейчас он помощник обер-полицмейстера Тифлиса. То, что надо. В 1876 году Вано Мачутадзе приезжал к нам на ярмарку и здесь у него украли жену.

– Жену? У нас в Нижнем?

– Да. Это здесь людоевство, слава богу, не развито, а на Кавказе,

сам знаешь, обычное дело. Вано служил тогда частным приставом и расследовал убийство князем Кипиани своего камердинера. И, чтобы помешать делу, князь похитил его супругу. Мачутадзе с ума сходил оба дня, что я искал людоедств. А когда нашел, муж отправился со мной на приступ (женщину укрывали на расшиве, за Песками) и зарубил своей «гурдой» двоих бандитов. Представляешь? Вбежал на палубу – и, безо всяких разговоров, в капусту... У нас за такое – сразу бы под суд, а на Кавказе Вано повысили в чине! Так что я дам Фороскову письмо к Мачутадзе, и тот окажет всю необходимую помощь. А сейчас иди. Скатайся с Гаранжи в Молитовку, допроси всех кого надо и завези оставшихся на леднике перепелов Милотворскому. А я поговорю с молодой вдовой и ее нотариусом. Ежели успею, то и с «патрицием», то бишь младшим Бурмистровым. Все, до вечера!

Беседа со вдовой заняла у Благово около часа. Пришедшая уже в себя, та оказалась все такой же некрасивой, какой была и вчера. Молодая – двадцати лет от роду – она не обладала даже тем, что есть у всех в этом возрасте, – обаянием юности. Тучная, пресная и не очень умная, Бурмистрова подтвердила рассказ Гаранжи и о перепелах, и о завещании. Причем слово в слово. Сделалось очевидным, что она играет роль в пьесе, умело написанной отставным поручиком. Вдова долго обдумывала каждое слово (видимо, вспоминала инструкции «друга дома»), отвечала путано и косноязычно. Однажды, проговорившись, она назвала Гаранжи Базилем; упоминая о нем, Анастасия Павловна сбивалась с дыхания и краснела.

Окончательно все прояснилось для Благово, когда вдова назвала фамилию их семейного нотариуса – им оказался убитый Антонов! Как только это прозвучало, коллежский советник остановил ее и вышел на подъезд. Подозвал городского от экипажа и приказал:

– Лети сей же час в Молитовку, там мой помощник опрашивает обывателей. Разущи его и передай приказ: немедленно сделать внезапный обыск на квартире лесничего Турусова в поисках улик убийства стряпчего. Понял? Пулей!

После чего вернулся в гостиную, уселся напротив вдовы, пристально посмотрел ей в глаза и спросил:

- Значит, завещание существует?
- Да, я же вам говорила...
- И где оно сейчас?
- У Парфена Семеновича в конторе.
- А где сам Парфен Семенович?

– Где ж ему быть? В конторе, полагаю, сидит, на Рождественской улице.

– Вы будто бы и не знаете, что с Антовым случилось несчастье?

– Какое несчастье? – неумело разыграла удивление Бурмистрова. – Что-то вы недоговариваете, господин коллежский советник. На нехорошее намеки делаете... Я теперь беззащитная вдова, меня каждый обидеть может. И не стыдно вам пользоваться чужим горем?

– Стыдно, сударыня, должно быть вам. Зарубили бедного стряпчего топором, мужа отравили под видом несчастного случая, подделали завещание – и думаете, это все сойдет вам с рук?

И тут вдова сильно удивила сыщика. Он ожидал истерик, ложного возмущения или угроз нажаловаться государю, но ничего этого не было. Анастасия Павловна откинулась на спинку дивана, посмотрела на коллежского советника вызывающе спокойно и сказала:

– А вы сумеете доказать хоть что-нибудь из того, что сейчас наговорили?

– Обещаю вам, сударыня, что докажу все.

– То-то вы с Лельковым обмишурились – весь город до сих пор смеется... И со мною так же обмишуритесь! Вот что я вам скажу, господин Благово: когда поймаете нас с Базилем за руку, тогда я буду принуждена слушать ваши дерзости. А до той поры – попридержите язык. Не то я в суд подам за клевету!

– Стало быть, завещание у Подгаецкого?

– Ну, если вы говорите, что с Парфен Семенычем случилось какое-то несчастье, значит, тогда бумаги у Андрея Александровича.

– А свидетели небось Гаранжи и Турусов?

– Нет, только Турусов. Это допускается по закону, ежели есть нотариус с помощником.

– И Парфен Семеныч за несколько дней до своей смерти заверил духовную вашего супруга?

– Насчет смерти, повторяю, я не знаю ничего, а духовную Антоу заверил. Честь по чести. А Подгаецкий занес в журнал и взял с моего мужа гербовый сбор. Спросите у него, он подтвердит.

Благово молча встал и вышел вон. Мрачный, он вернулся в управление и обнаружил у себя на столе визитную карту младшего Бурмистрова, Дмитрия Михайловича.

– Не захотел задержаться ни на минуту, – пояснил секретарь. – Велел передать, что ждет вас на дому с двух до трех для важной беседы, а адрес, мол, они знают.

Место жительства богача и впрямь было широко известно. Эти Бурмистровы жили неподалеку от тех, в новом роскошном особняке на Жуковской. Во весь квартал до Волжской набережной тянулся еще более роскошный сад с оранжереями, фонтаном, пальмами в кадках и двумя живыми павлинами, гулявшими по дорожкам. Видимо, Дмитрий Михайлович решил сразу обозначить скромному начальнику отделения кто сколько стоит.

– Так... Немедленно вызвать ко мне этого третьего павлина на допрос, завтра к половине седьмого утра. Повесткой, врученной городовым под расписку. В повестке указать, что, буде не придет, его доставят сюда силой. Совсем третье сословие распоясалось... Что с нами будет, когда они дорвутся до власти?

До обеда Благово занимался Подгаецким и завещанием. Текст последнего, привезенный помощником нотариуса по требованию полиции, гласил:

«Составлено 10 мая 1880 года в конторе стряпчего Антова П.С., что по улице Рождественской, в доме Обрядчикова, во втором этаже, в присутствии одного свидетеля.

Мною, Иваном Михайловичем Бурмистровым, составлено и подписано сие духовное завещание о ниже следующем.

Все мое движимое и недвижимое имущество без изъятий остается моей любимой супруге Анастасии Павловне в полное безраздельное владение.

В течение года после моей кончины вложить ей в кредитные учреждения двадцать пять тысяч рублей на поминование в пользу священноцерковнослужителей, монастырей и в богоугодные заведения по ея, Анастасии Павловны, выбору. С тем, однако, чтобы упомянутые двадцать пять тысяч рублей оставались в бумагах, а пользоваться только процентами с них.

Пятьсот рублей подарить приюту графини Кутайсовой, коего я являюсь одним из попечителей.

Особо внести в кредитные учреждения капитал в десять тысяч рублей, с перечислением процентов от них в пользу города Нижнего Новгорода на устройство казарм.

Иван Бурмистров.

Свидетелем был государственный лесничий губернский секретарь Иван Петрович Турусов.

Писал завещание нотариус потомственный почетный гражданин Парфен Семенович Анто́в, заверил помощник его личный почетный гражданин Андрей Александрович Подгаецкий».

– Ну-с, господин Подгаецкий, расскажите теперь, как все было на самом деле.

– Да так вот и было, как всегда такие дела случаются. Где-то в начале февраля Бурмистров приехал к Парфену Семеновичу и попросил дать разъяснения, что станет с его капиталом, ежели вдруг он умрет без завещания. Анто́в, конечно, ответил: четверть движимого имущества вдове, а все остальное – его брату, Дмитрию Михайловичу. На это Иван Михайлович сказал, как будто про себя: «Значит, меня не обманули».

– Что, по-вашему, это означало?

– Видите ли, Анастасия Павловна не пользовалась симпатией тех Бурмистровых, а между тем именно Дмитрий Михайлович держал в руках семейное дело. Для нее была явная опасность остаться после смерти мужа нищей, и кто-то из знакомых об этом сказал.

– Гаранжи?

– Что «гаранжи»?

– Вы не знакомы с отставным поручиком Василием Гаранжи?

– Не имею чести.

– Ладно, пойдем дальше. Эта беседа состоялась в первых числах февраля. А десятого марта Иван Михайлович приехал со свидетелем и надиктовал завещание?

– Да. Он приехал перед обедом. С ним был некий Турусов, лесничий Шуваловской дачи. Бурмистров потребовал немедленно сделать его духовное завещание и законным образом зарегистрировать его. Парфен Семеныч быстро составил текст на основе устных указаний завещателя и переписал его своей рукой. Так положено, ежели это в конторе делается, а не у себя дома на смертном одре, например.

– Я знаю, продолжайте.

– Да все уже. Я внес необходимую запись в реестр, взял пошлину...

– Господин Подгаецкий, вы настаиваете на своих показаниях? Вам известна уголовная ответственность за ложные сведения следствию? А за соучастие в убийстве?

– Потрудитесь пояснить, господин коллежский советник, что вы имеете в виду? – агрессивно, без тени смущения парировал помощник нотариуса.

– Вы понимаете, чем рискуете? Гаранжи уже убил двух человек. Вы следующий – он не оставит в живых такого свидетеля.

Щеки у Подгаецкого порозовели, в глазах мелькнуло на миг сомнение, но тут же ушло.

– Я готов повторить свое показание под присягой. Сверьте почерки!

– Наука еще не умеет безошибочно отличать подделку почерка, и вам это известно. Есть другие доказательства?

– Доказательство – это мои слова. А у вас есть чем их опровергнуть?

– Пока нет.

– В таком случае, господин коллежский советник, позвольте откланяться.

Так Благово потерпел второе поражение подряд. Неужели будет, как тогда с Лельковым? Бурмистрова говорит – весь город смеется... А что поделаешь? Не отправишь же человека на каторгу, не имея доказательств. Может быть, Лыков нарочет что-нибудь в Молитовке? Но Павел Афанасьевич уже почувствовал руку хорошего организатора всего этого преступления. Гаранжи – больше некому. Вон как этих двоих срепетировал: не подкопаешься!

Начальник сыскной полиции взял лист бумаги и записал основные направления следствия. Обыск на даче, встреча с Бурмистровым-младшим, разыскания на Кавказе. И самое главное – допрос кухарки. Если будет доказано, что перепелов готовили в разной посуде – Гаранжи конец!

Размышления его прервало появление подполковника Курилло-Сементовского, помощника полицмейстера, красавца и первого в городе бабника.

– Паша, – спросил он, располагаясь на диване (Благово спал на нем, когда ночевал в управлении), – что у тебя случилось с Дмитрием Бурмистровым?

– Вызвал его на завтра на допрос. А что?

– Он только что ушел от меня. Донельзя возмущенный! Якобы ты грозил привести его в управление полиции силой.

– И приведу, если не явится сам. Представляешь, этот нахал передал через секретаря, что ожидает меня для беседы у себя дома. И время назначил: с двух до трех. Каково?

– Недурно пущено. К нему домой и я бы не поехал. У Бурмистрова садовник получает столько же, сколько мы с тобой, вместе взятые.

– Не может быть! – ахнул Благово. – Садовник – как два подполковника? Это ты загнул, мон шер.

– Зуб даю! Вот у тебя какое содержание?

– Полторы тысячи жалованье, затем квартирные, и еще на дрова и на свечи. На круг выходит около двух тысяч рублей.

– Ну, и у меня примерно столько же. То есть собственно жалованья мы с тобой имеем на двоих три тысячи. Именно столько получает бурмистровский садовник-немец, и это – на всем готовом!

– Вот и лови им после этого убийцев, – пригорюнился Благово. – А помрешь нищим... Ладно, Митрофанчик, – царю-батюшке виднее. Давай выпьем чаю. С горя.

После чаепития Курилло-Сементовский ушел к себе наверх, а вместо него появился ротмистр Фабрициус. И тоже передал стенания Дмитрия Бурмистрова на невежливость начальника сыскной полиции! Похоже, мануфактурщик объезжал весь город с рассказами о нанесенной ему обиде. Благово посмеялся, но и порадовался про себя, что Кутайсов уже не губернатор. К новому начальнику губернии «патриций» втереться еще не успел. Ну, получит он завтра щелчка по носу...

Уже в темноте вернулся Лыков и привез с собой Турусова. Три оставшихся перепелиных тушки он вручил Милотворскому. Как и ожидалось, обыск квартиры лесничего ничего не дал: окровавленных топоров не обнаружили. Обитатели Молитовки полиции избегают, на вопросы отвечают через силу и весьма ненаблюдательны. Да, приехал долговязый, хорош собою и поселился у лесного человека. Да, ходили они вместе к Бурмистровым. А куда им еще в деревне ходить? К бабке-знахарке или к Архипу-пьянице? Единственное общество здесь – это дача мануфактурщика. А уж что там делалось, на даче-то, мы того не ведаем...

Павел Афанасьевич допросил Турусова, но без вдохновения. Он знал, что и здесь удачи не поймать. Действительно, «лесной человек» очень спокойно и немного заученно подтвердил все, что уже было известно сыщикам, с несколькими лишь мелкими подробностями. На вопрос, во что был одет Иван Бурмистров, ответил без запинки. Чувствовалась та же знакомая рука организатора. Гаранжи придумал систему взаимоподтверждающих показаний, когда свидетели, сговорившись, подкрепляют друг друга. Конечно, полиция могла бы за несколько недель непрерывных допросов и очных ставок расколоть этот фронт – и Турусов, и особенно Бурмистрова не выглядели людьми с сильной волей. Но сделать это можно, лишь разъединив и изолировав всех четверых участников дела, то есть арестовав их. А кто же даст ордер на арест? Никаких формальных для этого оснований сыскная полиция не имела.

Отпустив лесничего, Благово с Лыковым еще долго изучали завещание покойного Бурмистрова. Они отобрали образцы деловых бумаг и сличали руку Ивана Михайловича, стремясь обнаружить подделку. Очень похоже! Присяжные даже и не усомнятся. Тот, кто это сделал, замечательный

копиист. Известно: русская земля полна талантами. Такими, что у себя на кухне двадцатипятирублевый билет нарисуют не хуже, чем в Экспедиции заготовления государственных бумаг...

Посланный на поиски кухарки Титус так до конца дня и не появился. Видать, уж очень глубоко зарылась проклятая баба...

В половине седьмого утра, когда Павел Афанасьевич допивал свой чай, секретарь ввел в его кабинет «патриция». Коренастый, с лысиной и животом, с хитрыми и умными глазами, мануфактурщик начал с извинений за свое вчерашнее поведение. Бес, мол, попутал: сильно переживаю потерю брата... Благово кивнул и без долгих экивоков спросил:

– Ваш брат не обладал ведь сколь-нибудь значительным движимым имуществом?

Бурмистров несколько секунд молчал, словно не веря своим ушам, потом вскочил:

– Значит, вы все поняли?

– Садитесь. Понял-то я все, доказать ничего пока не могу.

– Хорошо уже то, что вы столь умны, господин Благово. Признаться, я был худшего мнения о нашей полиции. Завещание она вам уже предъявила?

– Да, но не она, а помощник убитого ими Антова – он тоже в деле. Как и ожидалось, все вдове. И есть свидетели, что Иван Михайлович лично подписал духовную. Почерк, естественно, подделан, но мастерски.

– Как же теперь быть? Вы же видите: убийцы, душегубы пируют на могиле... И мы ничего не можем им предъявить?

– Нужны улики.

– Там сговор? Они свидетельствуют друг за друга?

– Несомненный сговор, но очень умный – придаться не к чему.

– Посадить их на хлеб и воду! Допрашивать без сна и отдыха!

– Для ареста нет формальных оснований. Такое бывает в нашем деле, господин Бурмистров. Мы же не опричники – для нас существует закон.

– Да, это им все можно... Значит, как с Лельковым?

– Ну, это лишь пока. Гаранжи хитер, но все предусмотреть трудно. Мною послан агент на Кавказ, для собирания сведений о его прошлом. Мы ищем кухарку, что готовила то смертельное варево – она самый важный свидетель. Вы тоже могли бы нам помочь.

– Каким же образом?

– Подгаецкий явно подкуплен. Но с вашими капиталами...

– Понял! Вы предлагаете мне его перекупить?

– Да. Сколько вдова с поручиком могли ему дать? Предложите вдвое, втрое больше и все равно останетесь в выгоде. Там корысть, жадность и ничего другого. Интересы помощника нотариуса узки и материальны, сыграйте на этом. Анастасии Павловне есть что терять, а этому хлюсту – только репутацию.

– Я, кажется, даже знаю, за какую сумму проданся Подгаецкий. У брата из стола пропали непрерывно-доходные четырехпроцентные билеты Государственной комиссии по погашению долгов. Общая стоимость бумаг – пятьдесят тысяч рублей. Я был там вчера, говорил с этой стервой и обыскал весь дом, невзирая на ее визг. И билетов не нашел!

– Полагаю, доля Ивана Михайловича в семейном деле стоит существенно дороже.

– Она оценивается в полтора миллиона. И вы правы: сколько бы ни запросил этот гаденыш, лишь бы сообщил правду – я все равно окажусь в выигрыше.

– Займитесь этим немедленно, а я продолжу свои поиски. О чем я вам рассказал – никому ни слова!

– Понимаю, господин Благово, и ценю ваши усилия. Будьте уверены, они не останутся без вознаграждения.

– То есть? – насторожился коллежский советник.

– Что ж тут непонятного? Барашка в бумажке^[39] поднесу, из руки в руку; никто и не узнает.

– Господин мануфактурщик! – рявкнул Благово. – Если еще хотя бы раз вы скажете мне такое, обещаю: пойдете под суд за оскорбление представителя власти. Два месяца арестного дома! С метлой в руках...

Бурмистров выскочил из кабинета, как пробка из шампанской бутылки.

Утром 2 апреля, после трехдневного отсутствия, в управлении появился Титус. Он зарос щетиной и имел усталый вид. Яан нашел и привез с собой бурмистровскую кухарку, ту самую, что готовила злосчастных перепелов.

Кухарка оказалась бесцветной, самого мещанского вида, женщиной лет тридцати пяти, с круглым лицом и упрямыми глазами. Звали ее Евдокия Киенкова. Оставив свой трофей в приемной, Титус сначала зашел к Благово один и доложил:

– В Лыскове обнаружилась. Легкой беседы не будет: ее хорошо подговорили, как надо отвечать. И подкупили притом. Позавчера Евдокия приобрела мясную лавку на главной улице и выложила за нее пять тысяч

рублей.

– Ого! И как она объясняет, откуда у нее такие деньги?

– Дозвольте ее завести, пусть сама расскажет. Но мы с ней намучаемся!

Благово вздохнул и приказал впустить.

Титус не ошибся в дурных предчувствиях. Целый час Киенкова выдерживала допрос начальника сыскной полиции и ни разу не сбилась. В самом главном пункте своих показаний она стояла особенно твердо. Дичь, сказала Евдокия, была приготовлена в одной большой утятнице, все три тушки вместе.

– Как же они туда поместились? – пытался смутить кухарку Благово.

– Да мы в них зайцев жарим, ваше высокоблагородие, и ничего, убираются.

– А откуда у тебя деньги на покупку мясной лавки? Пять тысяч – очень порядочная сумма.

– Хозяйка дала, Анастасия Павловна.

– За какие такие заслуги? Нешто кухаркам такие деньжищи кто дарит за просто так?

– Она сказала – никто мне не поверит, что это не я отравила Ивана Михайловича, и много мне придется вынести теперь мук и наветов. И видать, что не ошиблась! Вот и вы, ваше высокоблагородие, меня в том обвинить хотите. Анастасия Павловна, добрая душа, дай ей Бог здоровья, все предвидела. Тебе, Евдокия, сказала она, лучше будет уехать в свое Лысково. И жить там тихохонько; здесь, в Нижнем, ты никакой службы уж больше не найдешь. Потому – пятно на тебе. И дала мне денег на обзаведение – их у нее теперь много...

– И ты думаешь, суд в это поверит? Разве не понятно всем, что такие деньги платят только за молчание, за сокрытие преступления?

– А придется поверить, барин. Вы спросите у хозяйки – она подтвердит!

– Она-то, конечно, подтвердит. Евдокия, послушай меня внимательно. Ты затеяла худое дело, противохристианское. Анастасия Павловна Бурмистрова вместе с Гаранжи – убийцы. На них кровь двоих человек. А ты, православная, их покрываешь. Врешь мне прямо в глаза – мы оба это знаем. Готова ты присягнуть на Священном Писании, что дичь готовили в одной посуде?

Киенкова смутилась и надолго замолчала. Видимо, разные чувства боролись в ней в тот момент. Павел Афанасьевич внимательно наблюдал это, но тоже молчал. Все решится здесь и сейчас – или-или... Никакие

дополнительные слова не помогут, только навредят. Человек решает, гореть ли ему в аду...

Через минуту кухарка подняла голову и посмотрела сыщику прямо в глаза. Щеки ее стали пунцовыми, но взгляд не был смущенным, скорее, наоборот.

— А вы знаете, ваше высокоблагородие, каково это нам, девушкам, в кухарках-то быть у чужих господ? И такие разные бывают господа... Что я вытерпела от них, и говорить стыдно. Тяжелая у нас, у прислуги, жизнь, просвету не видать, и нищей помирать. Горе свое, а веселье краденое... А тут я сама себе хозяйка! Лавочка дает достаточный доход. И еще: человек ко мне сватается. Солидный, непьющий. Вдовец, и тоже свое дело в Лыскове имеет. А вернусь я назад в кухарки, думаете, станет он на мне жениться? Возраст опять у меня, скоро совсем старая стану, никому не нужная. Детишек понынчить хочется. Нет! Ничего я вам не скажу.

— Значит, за золото душу свою продаешь, Евдокия? Бессмертную душу. Где же тогда правда, ежели убийцы без наказания останутся?

— А правды, барин, на этом свете никогда и не было. Разве только для вас, господ, но не для нас. Нет! Коли судьба решила, так тому и быть. Сама-то ведь я никого не убила! Геенны вашей, может, еще и нет, а лавочка мясная есть. Главное же — детишек хочу. А вы меня последнего счастья лишить желаете. Каждый человек обязан допрежь всего об себе думать. Такие карты нам, нищете, единый раз в жизни выпадают. Ничего я вам не скажу...

С тем Киенкова и ушла. Сейчас сбегает к своей бывшей хозяйке, отчитается — и опять в Лысково, торговать мясом. Благово понимал, что отпускает главного свидетеля. Как же заставить проклятую бабу сказать правду?

— Смотри, Евдокия, — предупредил ее сыщик уже на пороге, — будь теперь осторожна. Ты им живая не нужна, и убийцы так это не оставят. А вдруг тебя совесть заест? Всякий раз, как станешь отныне на улицу выходить, оглядывайся внимательно по сторонам; такая тебе плата за вранье.

— Ништо; убьют, так хоть богатую!

— Насчет денег зря боишься — их тебе даст Дмитрий Михайлович Бурмистров. Ежели скажешь на суде правду. Он желает наказать убийц своего брата и готов за это хорошо платить. Встреться с ним, поговори. То будут честные деньги, и лавка при тебе останется, и жених. Подумай!

Киенкова молча кивнула и вышла. Вечером Благово доложили, что она действительно заходила к молодой вдове и пробыла там около часа. От

встречи с Бурмистровым-младшим кухарка отказалась наотрез и уехала обратно в Лысково.

До конца дня коллежскому советнику сделались известны некоторые новые обстоятельства.

Во-первых, пришел доктор Милотворский с результатами анализов. Ивана Бурмистрова убили кониин и коницетин, в больших количествах содержащиеся в мясе одной из съеденных перепелок. Это значит, что она питалась плодами болиголова или ее выкармливали этой отравой сознательно. Такой же яд Милотворский обнаружил еще в одной птице из числа тех, что сняли с ледника в Молитовке. Остальные перепела оказались безвредными.

Затем в кабинете Благово появился возбужденный «патриций». Он обстоятельно поговорил с Подгаецким, но безуспешно. Не помогли ни посулы, ни угрозы – помощник нотариуса отказался менять показания.

– Сто тысяч предлагал! – восклицал Бурмистров, описывая беседу в лицах. – На всю жизнь ему бы, аспиду, хватило. Не понимаю...

– Если бы Подгаецкий взял от вас эти сто тысяч, то сделался бы богатым рантье. Но – с клеймом преступника, предавшего за деньги своих сообщников. Пришлось бы уезжать из Нижнего... А так он – просто богатый нотариус. Не сообщник убийц, поскольку суд этого не доказал, а честный человек. Клиентура по большей части останется – мало кто отшатнется. Более того: у нас на Руси любят ловких людей, еще и новые придут!

– Что же теперь делать? Вы говорили с кухаркой?

– Говорил, и тоже без толку. Ей дали пять тысяч, баба уже купила на них в Лыскове мясную лавку и собирается выйти замуж.

– Она отказалась со мной встречаться. Я передавал ей, что заплачу вдвое больше, чем те, ежели скажет правду. Не захотела.

– По тем же причинам. Лавка уже есть, и жених тоже. А пойдут суды да разговоры, жених и передумает. В Лыскове же второго можно и не найти. Нужен какой-то сильный ход...

Бурмистров ушел, а вскоре секретарь принес первую телеграмму из Тифлиса от посланного туда старшего агента Фороскова. Тот сообщал:

«Василий Гаранжи отчислен год назад из Елизаветградского пехотного юнкерского училища за нанесение подложной передаточной подписи на соло-вексель^[40]. Офицером никогда не был. Продолжаю розыски».

Благово срочно позвал своего помощника и показал ему телеграмму. Однако Лыков никакого энтузиазма не проявил.

– Ну и что? Убийца выдает себя за офицера, будучи отчисленным

юнкером. Мы это предполагали и без телеграммы. Сколько у нас положено за присвоение не принадлежащего звания? Ежели без последствий, то два месяца исправительно-арестантского отделения. Вдова дождется своего Базиля – баба влюблена в него без памяти, – и они продолжают наслаждаться богатой жизнью. Через год обвенчаются, еще через два с ней произойдет несчастный случай. В другом городе, где не будет нас. Полтора миллиона Ваську, думаю, хватит до конца жизни...

– А подделывание векселей?

– Косвенная улика, сама по себе ничего не значащая. Что именно Гаранжи подделал завещание, мы тоже предполагали. Пусть Форосков копает дальше. Где жил этот год лжепоручик? Не было ли с ним ранее чего-нибудь похожего? Если выяснится, что кто-то из его прежних знакомых уже травился перепелами, вот это серьезно!

– Ты прав, – мрачно констатировал Благово. – Телеграфируй свои соображения Фороскову и ступай домой, уже поздно.

– А вы?

– Посижу еще часок, подумаю, как нам разговорить Киенкову. Иди...

Когда утром следующего дня Алексей пришел на службу, Благово с дорожной корзиной в ногах уже сидел в коляске. Рядом с ним примостился агент Девяткин.

– Я – в Лысково, остаешься за старшего. В одиннадцать совещание у вице-губернатора, в два – у полицмейстера, в четыре – допрос подозреваемых по делу Смирнова. Вернусь к вечеру и сразу проеду домой, Девяткин поживет пока там.

И укатил.

К обеду Благово был на месте. Макарьевский исправник штабс-капитан Мрозовский – подтянутый, седовласый, с простреленной при штурме Ходжента рукой – служил начальником уездной полиции четырнадцатый год. В целом справлялся, брал по маленькой и обывателей не раздражал. Квартира исправника помещалась в главном центре уезда – селе Лыскове (которое больше иного города), поэтому он знал здесь всех и вся. Коллежский советник охотно испил в его кабинете горячего чаю, от рома отказался и сразу взял быка за рога.

– К вам вернулась из Нижнего прежняя обительница, Евдокия Киенкова.

– Это та, которую Титус давеча увозил?

– Она самая.

– Вернулась и сразу купила лавку на Никольской улице. Лучшая в селе мясная лавка; а уезжала отсюда нищей. Не тем способом разбогатела?

– В корень зрите, Викентий Осипович. Киенкова покрывает убийц купца Бурмистрова и стряпчего Антова. За это и получила деньги. Сознаться не хочет: я имел с ней беседу. А мне надобны ее правдивые показания, иначе убийцы останутся безнаказанными. Что неправильно... Хочу поговорить со священником того храма, в чьем приходе она состоит. Возможно, ему удастся – проповедью, христианским увещанием – то, что не удалось мне. Познакомьте меня с этим человеком.

– Понятно, Павел Афанасьевич. Вам нужен отец Михаил, предстоятель Вознесенской церкви. Сейчас он должен быть у себя дома. Отец Михаил пользуется в приходе влиянием и уважением, в прошлом году возведен в протоиереи, а в Рождество назначен благочинным^[41]. Полагаю, ваша просьба встретит с его стороны полное понимание – он пастырь из строгих!

Мрозовский не ошибся. Застав протоиерея на дому и подойдя под его благословение, коллежский советник затем подробно описал ему дело об убийстве Бурмистровых. Рассказал о значении признания Киенковой, о своей беседе с ней и о полученных от нее ответах. Священник слушал молча, внимательно, только скорбно покачал головой, когда Благово процитировал слова кухарки: «Геенны вашей, может, еще и нет, а мясная лавочка есть». Закончил Павел Афанасьевич просьбой помочь несчастной женщине спасти свою душу, а ему, сыщику, наказать убийц.

Отец Михаил задумался, теребя седую бороду, потом сказал:

– Грустную вы рассказали мне историю, господин Благово. Пять тысяч рублей заставляют крещеного человека покрывать двойное убийство... Жутко делается: куда катится Русь? Разумеется, я сделаю все, что в моих силах. Послезавтра у меня проповедь, на нее обычно собирается много народа. Там я и скажу свое пастырское слово – не называя, конечно, имени Евдокии. Ну, а уж подействует ли оно на заблудшую душу, знает один Всевышний.

На том они и расстались, и Благово заторопился в обратный путь. В Лыскове остался агент Девяткин, человек опытный и рассудительный. Ему поручалось скрытно следить за Киенковой, изучить обстоятельства ее жизни здесь, привычки, знакомства, а также присутствовать на проповеди и наблюдать поведение бывшей кухарки при словах пастыря.

Последующие четыре дня ничего не продвинули в деле о двойном убийстве. Гаранжи открыто поселился в доме Бурмистровой и появлялся с ней в городе, не отходя ни на шаг. Только когда отмечались девятины смерти Ивана Михайловича, он уехал к себе в Молитовку, но наутро как ни в чем не бывало вернулся в особняк на Большой Печерской.

Анастасия Павловна законным образом подала завещание мужа на утверждение в Окружный суд; через два месяца тот должен будет принять решение. Среди купечества мнения о происшествии разделились. Бурмистровых вообще недолюбливали в Нижнем, и многие даже злорадствовали. Лишь свойственники их, Рукавишниковы, встали на защиту семейного дела Дмитрия Михайловича и требовали отменить духовную. Некоторые верили в подлинность документа и в доказательство этого указывали на его последнюю фразу про казармы. Иван Михайлович был председателем комиссии гласных по казарменному вопросу, болезненному для «кармана России», и много занимался им в городской Думе. Пожертвование им части капитала на разрешение этой заковыки представлялось поэтому вполне логичным. Опять же сходство почерка было удивительным, а все свидетели твердо стояли на своих показаниях. Павел Афанасьевич нервничал и ждал новостей – хоть из Тифлиса, хоть из Лыскова.

На пятый день в кабинет Благово ввалился Девяткин.

– Ну, Степан, порадуй! – вскричал с надеждой коллежский советник.

– Увы, ваше высокоблагородие. Крепкая баба. Вчера отец Михаил сказал свою проповедь, и как сказал – многие и рыдали. Обещание вам он исполнил честно. Когда дошел до нашего случая, то заявил (агент вынул из кармана записную книгу и стал зачитывать из нее): «Есть такие люди, именующие себя православными христианами, что за деньги готовы покрывать самые страшные грехи, даже убийства. Сейчас среди вас стоит такой человек. Он меня слышит и видит. Человек сей продал душу дьяволу за что бы, вы думали? За мясную лавку. Обращаюсь прямо к нему: опомнись! Бог на небе, и мы, кто знает правду здесь, на земле, скорбим за тебя и хотим помочь. Еще не поздно покаяться». Так вот. Более ничего сказать не успел: Киенкова на этих словах вскрикнула и упала на пол без чувств. Ее вынесли и на телеге отвезли домой. Вечером штабс-капитан Мрозовский зашел к ней – она за прилавком как ни в чем не бывало... Только лицом почернела. Стал было господин исправник ее увещевать, а она его по матери! Уходи, говорит, черт однорукий, и Благове своему передай: я от своих слов не откажусь. Раз в жизни карта выпала, и тьфу на вашу правду! Так вот.

– Вот проклятая баба, – пробормотал Павел Афанасьевич. – Ну, держись же у меня! Иди, Степа, отдыхай; скажи там, чтобы чаю мне принесли.

Однако уже через час агента снова вызвали к начальнику. Тот сидел такой же мрачный, но в глазах его играла какая-то лихая мысль.

– А Расскажи-ка мне, брат Девяткин, как наша Евдокия живет? Все, что успел разузнать: дом, лавка, соседи, родня...

– Значится, так, ваше высокоблагородие, – агент почтительно присел на край стула. – Проживает она в купленном ею двухэтажном доме на Никольской улице, прямо подле храма князей Грузинских – той самой, Вознесенской церкви. Место, можно сказать, хорошее. Внизу собственно лавка, а наверху жилое помещение. Открывает торговлю в скоромные дни в семь утра, в семь вечера закрывает; в постные торгует с девяти до трех.

– Чем?

– Прочим товаром: свечами, швейным прикладом, шальями и башлыками, а еще свежей рыбой.

– А кто ей мясо поставляет?

– Окрестные мужики, по старым договорам, еще от прежнего хозяина заключенным.

– Кто еще живет в доме с Киенковой?

– Ейная тетка. Шестидесяти пяти лет, на один глаз слепая и не далекого ума. Но в лавке Евдокию подменяет, прибирается, да и есть с кем поговорить!

– Живут как?

– По всему видать – деньги у бабы имеются. Не все она в покупку вложила.

– В гости ходит? Или к ней кто заглядывает?

– Сама – только в церковь и на базар, по воскресеньям с теткой променады после обедни делает. К себе же принимает торговца скобяным товаром Кузубова, пятидесятилетнего вдовца. Говорят, он ее сватает.

– Чем питается? Кто ей готовит?

– У себя в доме и столуется, а готовит сама – она же бывшая кухарка.

– А не знаешь, случаем, нет ли у Евдокии похвальной привычки выпивать чарку? Может, с гостем-вдовцом или так, за обедом?

– Вы, ваше высокоблагородие, когда меня тама оставляли, велели все, даже мелочи какие, разузнавать и запоминать. Так вот. Был я в ее лавке два раза, когда сама Киенкова на базар уходила. За нее тетка оставалась. Глупая и болтливая старуха; не остановить ее, так до вечера будет языком трепать. Так вот. Я ей слово за слово, о многом поразузнал. И сказала она мне, тетка-то, в числе прочего, что племянница привезла из Нижнего вредный обычай – выпивать рюмку настойки перед обедом. Эдак сейчас многие из прислуги-то делают...

– Так-так-так! Из чего настойка?

– Из пенника на березовых почках. Говорит, для здоровья

пользительно.

– Одну рюмку? Не больше?

– Так точно, одну, но каждый день. Так вот.

Благово молча стукнул себя кулаком по колену, допил остывший чай, сказал:

– Молодец, Степан Михеевич. Что хотел, я узнал. Ступай и позови ко мне Лыкова.

Когда Алексей вошел, его шеф, как гимназист, сидел на подоконнике и глазел на Волгу.

– Хорошее у нас место для управления полиции выбрали... Садись. Смотри, что я придумал. Мы ее отравим.

– Кого?

– Евдокию Киенкову.

– Это за то, что правды не говорит? Славная мысль. А заодно Гаранжи, Подгаецкого да и Ивана Лелькова. У меня и другие есть кандидаты!

– Не зубоскаль, я серьезно. Проповедь отца Михаила не помогла. Тяга к сытой и независимой жизни в Киенковой сильнее, чем страх Божьего суда. К жизни – понимаешь? И если этой самой жизни возникнет угроза, бывшая кухарка должна будет повести себя решительно.

– О какой угрозе вы говорите, Павел Афанасьевич?

– О попытке отравления, но неудачной. Евдокия, разумеется, припишет ее Гаранжи с Бурмистровой.

– Я все еще не понимаю. А кто предпримет эту попытку?

– Мы. Мы подсыпем ей в пищу яд. Не смертельный. Но такой, чтобы здорово напугал: рвота, частое сердцебиение, круги в глазах... Совершенно не опасно, но ощущения жуткие – есть такие вещества. Очухавшись и сведя концы с концами, Киенкова придет к нам и расскажет правду. Ей придется спасти свою начавшую налаживаться жизнь, а сделать это можно лишь одним способом: услать Гаранжи с его сообщницей на каторгу. Ведь, не добившись успеха с первого раза, убийцы будут пробовать дальше и дальше, пока не добьются своего. Так она подумает...

Лыков долго сосредоточенно разглядывал своего начальника, потом подошел и осторожно потрогал его лоб своей ладонью. Тот был совершенно холодным.

– Вы это все серьезно, Павел Афанасьевич?

– Совершенно серьезно.

– А если у Киенковой больное сердце или предрасположенность к эпилепсии? Что, если она умрет от вашего опыта? Тогда на каторгу пойдут не Гаранжи с Бурмистровой, а Благово с Лыковым. И еще: без разрешения

полицмейстера мы не имеем права проводить подобные... хгм... даже не знаю, как это назвать. А Николай Густавович никогда этого не позволит.

– Во-первых, у нас нет другого выхода. Кухарка – ключевой свидетель, но без подобного толчка она будет молчать всю жизнь! Во-вторых, я не могу допустить еще одной, после Лелькова, истории с безнаказанным убийством. Так мы совсем потеряем доверие обывателей! И в-третьих: ты знаешь, что такое капринус?

– Яд?

– Нет, это гриб. Красивый, белый, лохматый. В народе его называют навозником.

– Что-то припоминаю. Он ведь несъедобный?

– Вполне безопасный, если его правильно приготовить. Главное, не пить при этом никаких крепких напитков. Иначе тут-то все и случится...

– Что случится? Отравление?

– Да, но особенное. Слабое по действительной опасности, заведомо не смертельное, но удивительно страшное по внешним признакам. Рвота, понос, жар и временная потеря зрения, и это уже через полчаса. Но самое интересное начинается потом. Сначала лицо у человека делается свекольного цвета. Представляешь? Затем такой становится кожа по всему телу. Через некоторое время оттенок меняется на фиолетовый! Но кончик носа и мочки ушей остаются при этом бледными, почти белыми. Жуткое зрелище! Я видел такое один лишь раз, в 1872 году. Тогда жена дворника с Новой улицы решила отучить мужа от пьянства и наняла знахарку. В городах и вообще в развитых местах – в торговых селах, на трактах – этот способ лечения от запоев совершенно неизвестен. Он древний, и применяется исключительно редко в глухих северных углах деревенскими колдунами и ведьмами. С точки зрения медицины все просто: гриб-навозник содержит вещество под названием коприн, которое, растворяясь в алкоголе, поражает печень. Причем, повторяюсь, не сильно и ненадолго. Сам алкоголь действует на ту же печень намного более разрушительно, и ничего! Продается в кабаках без ограничений и ядом не считается...

– Так уж и нет никакой опасности? И что, кстати, сделалось с тем дворником?

– С перепугу бросил пить. Жена его, одуревшая от свекольной физиономии мужа, тут же ему призналась, и они помчались к доктору. Муж сначала подал на нее жалобу в покушении на убийство, но потом простил. Живут и теперь вместе, вполне мирно и без водки. Что же касается опасности, ты прав: конечно, она существует. Для людей с нездоровым сердцем. Надо найти семейного доктора Бурмистровых – он наверняка

пользовал и кухарку и сможет дать справку о ее здоровье. У меня создалось впечатление, что Киенкова сильна, как лошадь.

– Черт! – взъерошил себе волосы Лыков. – Неужели мы действительно сделаем это? Уму непостижимо...

– Придумай что-нибудь получше.

– Не могу, но и с вашей идеей не согласен. Если женщина умрет или заболеет, вас, в лучшем случае, вытурят со службы. А в худшем...

– Это будет официальная полицейская операция, секретная, но законная. Она состоится лишь в случае разрешения начальства – полицмейстера или, что скорее, вице-губернатора. И только после тщательных консультаций с Милотворским и с эскулапом Бурмистровых. Всю ответственность за возможные последствия я беру на себя и в случае чего отвечу по закону.

– Ну уж нет! Я с вами! Сядем в одну камеру – я стану защищать вас от уголовных.

– Цыц, юнга! – рявкнул начальник сыскной полиции. – Это они сядут, а не мы. Я их всех законопачу! И до Лелькова еще доберусь! Ступай, приведи мне бурмистровского доктора. Представляешь, что будет, если у нас получится?

Началась подготовка этой уникальной операции, не имеющей, видимо, аналогов в истории полицейского дела.

Доктор Ерандаков, личный врач обоих семейств Бурмистровых, хорошо помнил кухарку Евдокию Киенкову. Кроме женских болезней она ничем не страдала, а сердце имела, по словам доктора, «на троих».

Полицейский врач Милотворский, когда услышал от Благово изложение его идеи, заподозрил сыщика в помешательстве. Потом начал смеяться. Потом ругаться. Коллежский советник взял его крепко под локоть и спросил:

– Иван Александрович, вы знаете меня много лет. Я похож на авантюриста? Поверьте: нет другого выхода.

И Милотворский, ворча, ушел рыться в своей библиотеке. Нашел две статьи о токсикологии гриба-навозника, тщательно их проштудировал, задумался. Затем долго беседовал с Ерандаковым на их птичьим языке. Телеграфировал вопросы коллеге – профессору медицины Петербургского университета и получил ответ за казенный счет (более двухсот слов). Наконец, Иван Александрович сказал:

– Думаю, можно попробовать. Даже самому интересно стало! Но, чтобы уберечь вас, Павел Афанасьевич, от тюрьмы, я поселюсь на время

операции у макарьевского исправника. В случае чего прибегу с марганцовкой...

Затем Милотворский лично собрал, по подсказке Благово, целую корзину капринусов на навозной куче в конюшне конно-полицейской команды. Помещение отапливали, поэтому капринусы водились там круглый год. Грибы оказались вовсе не белыми и лохматыми, как описывал коллежский советник, а серыми, с коричневыми пятнами на верхушке шляпки. Сама шляпка была с бурыми чешуйками, сначала яйцевидная, а внизу колокольчатая, с расщепленными краями. Доктор объяснил помогавшему ему Лыкову, что это – серые капринусы, а есть еще белые и мерцающие.

Грибы оказались очень хрупкими, их пришлось переложить из корзины в мягкую кошму. Иван Александрович пожарил их в неглубокой сковороде, постоянно перемешивая, а полученное истолок в фарфоровой ступке в порошок. Препарат был готов.

Сложнее оказалось добиться согласия начальства. Как и ожидалось, полицмейстер Каргер проводить операцию категорически запретил. Тогда Благово, взяв с собой Лыкова, отправился к вице-губернатору Всеволожскому.

Андрей Никитич Всеволожский, один из богатейших людей империи, служил по убеждению, а не за пенсию. Имея золотые рудники, железоделательные заводы и доходные дома в обеих столицах, он мог поэтому позволить себе многое, если считал это полезным для дела. Приехав в Нижний Новгород пять лет назад в скромном чине надворного советника, теперь Всеволожский был уже партикулярным генералом с тремя орденами и только что получил камерегера. Благово Андрей Никитич уважал и ценил еще с 1876 года, когда они вместе раскрыли громадную преступную организацию конокрадов в центральных губерниях. Эта организация похищала в год до пяти тысяч лошадей! Благово, вытаскивший все расследование на своих плечах и неоднократно рисковавший при этом жизнью, впал из-за своего независимого характера в немилость у министра внутренних дел Тимашева. Этим пытался воспользоваться недолюбливавший Павла Афанасьевича губернатор Кутайсов. От серьезных неприятностей Благово тогда спас именно Всеволожский – богач, потомок Рюриковичей и сын гофмейстера двора Его Императорского Величества.

С Лыковым же вице-губернатора связывали совершенно дружеские отношения. В турецкую войну оба они находились на кавказском фронте: Алексей – вольноопределяющимся, а Андрей Никитич – уполномоченным

Общества попечения о раненых и больных воинах. Лыков с пробитым легким умирал в 36-м военно-временном лазарете, когда его увидел приехавший с ревизией Всеволожский. Узнав, что молодой солдат – нижегородец, вице-губернатор (он оставался в этой должности и на войне) взял его в свою коляску и успел счастливо довести до тылового хорошего госпиталя, чем спас Лыкову жизнь. Через два года в Нижнем они познакомились заново: второй человек в губернии и второй человек в сыске. Вспомнили ту военную историю и подружились, невзирая на разницу в возрасте и чинах. С тех пор, если Благово требовалась помощь «наверху», он ходил именно к Всеволожскому, и всегда со своим помощником.

Сейчас вице-губернатор внимательно слушал Благово, все более изумляясь его предложению. Затем молчал с минуту, разглядывая обоих сыщиков так, словно видел их впервые. Наконец произнес:

– Стало быть, вы хотите, чтобы я форменным образом разрешил вам отравить женщину? Желательно не до смерти...

– Так точно, ваше превосходительство! – несколько по-шутовски ответил Лыков, но Всеволожский тона не поддержал.

– Есть вероятность, что Киенкова умрет от вашего опыта?

– Есть. Незначительная, на наш взгляд, но... Она может умереть не от отравления, а от страха, – честно ответил Благово.

– Но иного способа раскрыть это преступление вы не видите?

– Андрей Никитич. Если бы я мог поймать убийц, не подвергая при этом риску жизнь человека, я, безусловно, так бы сделал. Я пытался. Проповедь уважаемого протоиерея, и та не помогла! За ее же душу, в конце концов, боремся.

– Она не хочет спастись сама, а вы за нее боретесь... Нельзя снимать со взрослого человека, христианина, ответственность за собственный выбор.

– Нельзя, – согласился коллежский советник. – Но и подавать обывателям пример безнаказанного преступления тоже опасно. Особенно у нас в России.

– Теперь моя очередь с вами согласиться. Я вообще имею очень дурные предчувствия относительно нашего будущего...

– Я тоже.

– ...И потому приказываю: преступников поймать и примерно наказать. Ваш эксперимент разрешаю. А чтобы вам не одному потом отдуваться, Павел Афанасьевич, если вдруг случится беда, то в день проведения операции я буду находиться на квартире макарьевского

исправника. Ответим вместе.

Так штабс-капитан Мрозовский получил сразу двух гостей: одного полицейского доктора и одного вице-губернатора.

Опыт прошел быстро и без накладок. Агент Девяткин, загримированный мужиком, отпер отмычкой дверь в лавку Киенковой, когда она вместе с теткой была на литургии. Прокрался наверх, отыскал на кухне горшок со щами и высыпал в него пригоршню толченого навозника. Затем подбросил в нужной чулан пузырек с надписью «ядовито» и ушел, никем не замеченный. И через час после возвращения женщин домой началась суматоха...

Милотворский, как и обещал, оказался у кухарки раньше всех, причем со своим чемоданчиком. Якобы случайно он болтался в это время на улице. Увидев бегущую перепуганную женщину, полюбопытствовал, что случилось, сказал: «Как кстати! Я же доктор» – и пошел откачивать несчастную лжесвидетельницу. Он же подтвердил потом, что риска для жизни Киенковой не было – Благово рассчитал все верно.

Всеволожский во время операции, нервничая, тайлся на квартире исправника, а сам Павел Афанасьевич в Лысково не поехал. Он тоже переживал, но крепился и сидел в кабинете, дожидаясь вестей.

К вечеру доктор с вице-губернатором вернулись и сразу поспешили на второй этаж управления полиции. Ворвались с криками: «Жива!» Благово облегченно вздохнул, хлопнул коньяку и снова принялся ждать, но уже саму жертву опыта.

В одиннадцать часов пополудни следующего утра ему доложили: мещанка Киенкова просится на прием.

Евдокия вошла, замотанная в платок по самые глаза. То, что не удалось спрятать, действительно представляло собой жуткое зрелище. Кожа у кухарки была ядовито-свекольного цвета, а кончик носа и мочки ушей – молочно-белые... Б-р-р! Смущенная и испуганная одновременно, Киенкова бросилась начальнику сыскной полиции в ноги:

– Ваше высокоблагородие! Спасите дуру неразумную, что вас не послушалась! У-у-у-у!

– Евдокия! Что это у тебя с лицом? Ну и вид...

– Убить хотел меня, аспид; Бог спас, дохтура послал в смертельный момент!

– Кто аспид?

– Он, господин поручик Гаранжи. Говорили вы мне, ваше высокоблагородие, что не дадут они мне покою, а я не поверила, на деньги

позарилась. А ведь на тех деньгах взаправду кровь! Вот...

Кухарка порылась в сумке и выложила на стол Благово пузырек с надписью «ядовито».

– Что это? Склянка какая-то...

– Это они выбросили, которые поручик Гаранжи. Вчерась, когда мы с теткой были у обедни, пролезли они ко мне в дом и вылили яду во щи. Как я Богу душу не отдала? Видно, сподобил он мне жить, чтобы я правду всю рассказала про тот вечер, когда Иван Михайлович померли.

– Теперь понимаю! Тебя хотели отравить? А помнишь ли, как я тебя предупреждал? Чего же теперь ты хочешь?

– Арестуйте их, ваше высокоблагородие!

– За что? Ты же говорила – они не виноватые...

– Простите жадную дуру! Я все-все расскажу. Вы и так это знаете: сами рассказывали мне, как подстроили Гаранжи с Анастасией Павловной отравление ее супруга. Так оно и происходило. Дичь привез поручик, три тушки, и у одной из них на ноге была привязана красная веревочка. Анастасия Павловна велела мне жарить ее отдельно от двух других перепелов, в особой посуде. И очень боялась, что я перепутаю. Опосля сама выложила дичь на тарелки. Притом велела мне заправить во все три порции подливку из той именно утятницы, в которой жарилась помеченная тушка! И унесла в столовую... Что там было, я не видела, но понятно, что неспроста они птицу помечали; от нее, видать, Иван-то Михалыч и померли...

– Говоришь, хозяйка очень боялась, что ты перепутаешь?

– Очень, ваше высокоблагородие! Пять разов на кухню приходила, все глядела, так ли я делаю. Тогда уж я недоброе почуяла, но не понимала, а Анастасия Павловна зубы мне заговаривала. Эта-де перепелка самая жирная и вкусная, ее мы хозяину и подадим.

– А куда веревочка делась?

– Сняли и выкинули перед тем, как на стол ставить. А другую утятницу, в которой остатние две птицы жарились, господин поручик велел немедля вымыть, как только дичь на блюда выложили.

– Он что, тоже на кухню приходил?

– И не один раз. Будто бы проверял, так ли все готовится, как положено.

– А как они тарелки не перепутали? Когда подавали.

– У блюда, на которое особую перепелку выложили – ту, что с веревочкой жарилась, отбит немного краешек. Она одна только такая, не перепутаешь. Любимая была тарелка Иван Михалыча, упокой, Господи, его

душу...

– Что было потом, после того, как отравления начались?

– Суматоха была, ваше высокоблагородие, и беготня по комнатам. А когда Иван Михайлович преставились, то Анастасия Павловна вызвали меня к себе в спальню, и поручик там был, при ней. И дали мне денег, пять тысяч. Отроду я такого капитала в руках не держала... Поручик, он мужчина такой... умеет внушить... Сурьезный человек, ваше высокоблагородие! Он мне и сказал: «Возьми деньги и езжай к себе, в Лысково. Жди – за тобой явится полиция, станет расспрашивать, как ты дичь готовила». И научил, как надо отвечать. Еще господин поручик сказали: «Смотри, Евдокия, не ошибись! Расскажешь не так, как я велел – мы с Анастасией Павловной тебя оговорим. Она теперь богатая вдова; сама знаешь поговорку – «с богатым не судись». Ты, как отравительница, в Сибирь пойдешь, на каторгу, а барыня все одно откупится! А так следствие решит, что был несчастный случай; потаскают тебя в полицию, да и отстанут. А пять тысяч останутся! Своим домом заживешь, лавку купишь и замуж выйдешь...» Так по-ихнему все и получилось. С деньгами, говорит, легко замуж выходить, не то что без денег. Такой человек поручик Гаранжи, что кого хошь убедит; а уж как он барыней крутит! Скажет ей: прыгни за меня в окно – ей-богу, прыгнет!

– Ладно, Евдокия. Плохо, что ты сначала меня не послушала, лгуньей заделалась; но лучше поздно покаяться, чем никогда. А не захотели бы они тебя убить – ты бы всю жизнь этих душегубов покрывала?

Киенкова молча опустила голову.

– Садись и рассказывай все под диктовку секретарю. Это называется протокол допроса; потом, на суде, потребуется подтвердить свои слова с клятвой на Священном Писании. Как подпишешь бумагу, я сей же час еду к прокурору за разрешением на арест убийц, и тогда они тебе уже не смогут угрожать. А деньги придется отдать.

Гаранжи с Анастасией Бурмистровой сидели в обнимку на оттоманке, когда в дверь осторожно постучалась прислуга. Базиль выглянул. Молодая горничная, потупив глаза, пробормотала:

– Вас их благородие частный пристав.

Встревоженный Гаранжи вышел в переднюю. Там, замотанный в башлык, стоял ротмистр Фабрициус и любовался паркетом.

– Хороший паркет. Больших денег стоит?

– Не знаю, не я покупал. Что случилось?

– А каких денег стоит ваша свобода, господин выгнанный юнкер? Ах,

простите – поручик.

Гаранжи молчал, внимательно разглядывая пристава и, видимо, лихорадочно соображая.

– У нас мало времени, Василий Георгиевич. Я располагаю важными сведениями. И желаю их вам продать. Советую соглашаться, пожалуйста.

– Пятьсот рублей.

– Десять тысяч.

– Вы с ума сошли, ротмистр!

Фабрициус молча развернулся и пошел к выходу. Гаранжи схватил его за рукав.

– Но поймите – в доме сейчас просто нет таких денег! Завтра я пойду в банк...

– Завтра вы уже никуда не пойдете, – бросил через плечо пристав, не останавливаясь.

– Стойте! – решительно сказал Гаранжи. – Дайте мне одну минуту.

Фабрициус встал, опершись воинственно о шашку. Лжепоручик скрылся в покоях и вскоре вышел оттуда с бархатным футляром в руках.

– Вот! Здесь кулон – большой сапфир в золоте, обсыпанный стразами. Отдано за него восемь тысяч.

Пристав порылся в кармане шинели и вынул оттуда сильную лупу! Он принялся внимательно разглядывать камень. Изучив, молча кивнул и убрал камень и лупу уже во внутренний карман мундирного сюртука.

– Ну?

– Абгемахт^[42]. Ваша бывшая кухарка Киенкова сидит сейчас у Благово и диктует признательные показания. Как только она их подпишет, тот едет к прокурору за разрешением на ваш арест. У вас имеется час, пожалуйста. Ну как, стоит эта новость вашего сапфира?

И ушел, звеня шпорами, по-немецки прямой и величественный. А Гаранжи остался стоять, словно пораженный молнией. Три или четыре минуты провел он в передней, ничего не замечая, погруженный в свои мысли. Потом встрепенулся, повеселел, сказал сам себе энергично: «Так!» – и отправился во внутренние комнаты.

Встревоженная Бурмистрова дожидалась его в будуаре. Гаранжи вошел блее мела, решительная складка перерезала его лоб.

– Что случилось, любимый?

– Мы пропали, Анастасия. Всему конец! Фабрициус рассказал: подлая кухарка выдала. Через час здесь будет полиция, чтобы арестовать нас обоих.

– Ой! Что же нам теперь делать? Что делать? Боже мой, боже мой...

– Про себя я уже решил. Ты хоть понимаешь, что нас разлучат на много лет, если не навсегда? А я не могу прожить без тебя, Анастасия, ни дня! Ни часу! Поэтому решено: я покончу с собой, сейчас же, не дожидаясь этих ищеек.

– А я? Как же я? Что станет со мной?

– Ты живи; ты должна жить. Ради меня и вместо меня!

– Ни за что, Базиль! Ни за что я не оставлю тебя одного! Возьми меня с собой в тот, другой мир – надеюсь, он лучше этого... Мы уйдем из жизни только вместе!

– Правда? – просветлел Гаранжи. – И ты действительно готова к этому? Спасибо, любимая! Я тебе верил. Но надобно торопиться... Мы уйдем взявшись за руки и уже никогда более не станем разлучаться. Иначе – ты только представь! – каторга, кандалы, грязная казарма и грубые люди кругом. И совсем нет тебя! О! Я этого не перенесу. Лучше сразу, сейчас, вместе, обнявшись напоследок.

Бурмистрова смотрела на своего любовника восторженно, лицо ее сделалось в этот момент одухотворенным и даже привлекательным.

– Ты прав, мой любимый; впрочем, ты всегда бываешь прав. Давай немедленно, пока чувствуем в себе решительность. Жизнь без тебя и мне ни к чему...

– Но, знаешь, у меня есть идея, – сказал Гаранжи. – О нашей смерти много будут говорить в городе. В вашем скучном городе... Покажем этим людям, как надо любить на самом деле!

– Что ты задумал, любимый?

– Я напишу прощальную записку, в которой всю вину возьму на себя, а тебя полностью оправдаю. И ты сделаешь то же самое, но наоборот.

– Зачем? – озадаченно посмотрела на своего Базиля Бурмистрова.

– Ну, как же! Мы положим их на стол рядом... Пусть знают, что, даже умирая, я думал лишь о тебе, а ты обо мне. И их черствые сердца запоздало, но дрогнут.

– Ой, поняла! – Анастасия от восторга даже захлопала в ладоши. – Мой Базиль! Ты даже смерть умеешь обставить красиво! О, какой ты... Скорее перо и бумагу – покажем этим гадким людям, как мы любили друг друга!

Гаранжи сел и очень быстро, без поправок написал мелким изящным почерком:

«Я, Василий Гаранжи, уходя из жизни, имею сообщить следующее: в смерти Ивана Бурмистрова виновен только я один. Анастасия Павловна ни в чем не повинна ни перед Богом, ни перед людьми. Она была мною

обманута и действовала под влиянием заблуждения. Не судите эту женщину, судите лишь меня. Я же пошел на это ради любви. Прощайте!»

Бурмистрова с любопытством прочитала этот текст и одобрила:

– Ах, как складно! Словно в романе де Вильмонта «Роковые чувства»!

Она села и попыталась написать собственную записку. Долго морщила лоб, но ничего придумать не сумела и переписала слово в слово текст Гаранжи, только от своего имени. Тот в это время разливал по бокалам отраву.

– Все, уф... Наливай! Ах, нет же, не в разные фужеры! Мы выпьем из одного – так романтичнее.

По красивому лицу Базиль пробежала тень, но он быстро оправился:

– Но, дорогая, я хочу выпить с тобой на брудершафт, в последний раз! И потом, посмотри на этот хрусталь. Помнишь? Тот самый... Первый поцелуй... Мы пили тогда из них же.

– Ах, Базиль, какая ты прелесть! Душка Базиль ничего не забыл. И так все обставил в наш последний миг, что и умирать вовсе не страшно. Как бы счастливо мы могли жить долго-долго... Пусть! Пусть эти гадкие мерзкие людишки знают, что бывает на свете настоящая любовь! А они ее растоптали... О нас напишут в газетах!! Но торопись. Ты прав – любовь доказывается делом, и час проверки пробил!

Базиль и Анастасия чокнулись и одновременно решительно опустошили свои бокалы. Потом обнялись и долго целовались, причем она не хотела отпускать его. Наконец Гаранжи вырвался, любовники уселись в кресла визави и пристально всматривались друг в друга. Лицо Бурмистровой было как маска. Все отразилось на нем: и ужас от совершаемого, и восторг. Восторг оттого, что чувство, возникшее между ней и мужчиной, столь велико и подтверждается таким высоким самопожертвованием... Лицо же Гаранжи выражало одну только решительность, но какую-то будничную, словно ему необходимо было доделать пусть важное, но давно уже приевшееся дело.

Прошло немного времени, как вдруг Гаранжи застонал, схватил себя обеими руками за горло, захрипел и рухнул на пол. Анастасия бросилась к нему, положила голову себе на колени и смотрела на искаженное болью лицо своего друга с любовью и состраданием.

– Прощай... люби...мая...

Базиль бился в судорогах с минуту, потом затих и расслабился, вытянувшись во весь богатырский рост. Тут же Анастасия ойкнула и завалилась на бок, теперь судороги колотили ее. Несколько мгновений в страшных корчах, и она тоже застыла. Сделалось тихо-тихо, только два

тела лежали на полу без движения.

Прошло еще пять минут, и Гаранжи осторожно открыл один глаз. Всмотрелся в искаженное гримасой лицо вдовы, потом протянул руку и осторожно потряс ее за плечо. Мертва... Лжепоручик быстро вскочил, отряхнул одежду и кинулся к столу. Первым делом он сжег на свече свою записку, текст же Бурмистровой положил на видное место и рядом приспособил коробочку с мышьяком. Он действовал обдуманно и стремительно. Убрав второй бокал в карман сюртука, Гаранжи бесшумно выскользнул из будуара. На пороге замешкался, постоял, потом не выдержал, оглянулся. Брезгливая гримаса прошла по его смазливой физиономии. Базиль плюнул в пол и вышел.

Благово, раздраженный и постаревший, сидел напротив Гаранжи и сверлил его взглядом.

– Что имела в виду Бурмистрова в своей записке? В том месте, как она обманула вас, и вы действовали под влиянием заблуждения.

– Так оно и было! Анастасия сказала, что хочет подсыпать в перепелов какое-то средство, которое будто бы лишит Ивана Михайловича мужской силы. Тогда она получит повод для развода, отсудит у супруга побольше денег и выйдет за меня замуж. Признаюсь: мне эта мысль понравилась. Можете думать, что хотите, но голодная жизнь уже надоела...

– Что это за средство?

– Не знаю и не интересовался узнать! Купила у какого-то шарлатана; в купечестве случается. Я и предположить не мог, как это все обернется! Пришлось спасать Анастасию: подкупать кухарку, лгать вам... Но нельзя же было бросить женщину в таком положении.

– И денег еще хотелось.

– Да, хотелось!

– Вы присутствовали при ее смерти?

– Нет. Я был у себя, читал книгу. Анастасия с самого утра была странная. Задумчивая какая-то – а ей это вовсе не свойственно.

– Мы нашли пепел на столе в ее спальне.

– Ну и что? Сжигала редакции, что ей не нравились. Писать вдова тоже была не мастерица...

– Зачем вы, изгнанный из училища юнкер, выдавали себя за отставного поручика?

– А неужели так не понятно, господин Благово? Желал выглядеть более солидным в глазах людей.

– Турусов кто?

– Портупей-юнкер, в отличие от меня, просто юнкера. То есть закончивший училище и вышедший в полк в ожидании офицерской вакансии. Пока ожидал – служить расхотелось; денег уж больно мало... Купил, как и я, поддельный указ об отставке – есть в Тифлисе такой промысел – и приехал сюда. Сделался через знакомых лесничим и вызвал меня, своего приятеля.

– Зачем к вам утром приходил ротмистр Фабрициус?

– А он приходил?

– Прислуга определенно это утверждает.

– Право, не помню... С какой-то ерундой, видимо, – даже вылетело из головы.

– Пропал дорогой кулон с сапфиром. Вы взяли, или он?

– Не понимаю вашего вопроса. Воруется обычно прислуга – общитесь ее!

– Опять вы лжете, Гаранжи, только у вас сейчас новая сказочка. Вы либо отравили Бурмистрову, либо довели ее до самоубийства. Очень вовремя для вас взяла она всю вину на себя...

– А вы опять говорите пустые слова, господин Благово; все фантазии. Имеется признательная записка. Кому поверят присяжные – вам или последним словам самоубийцы? Сами знаете ответ на этот вопрос. Как, по-вашему, я мог заставить Анастасию наложить на себя руки?

– Она любила до безумия и пожертвовала собой, выгораживая вас.

– Ха! Расскажите об этом на суде. Дамы в задних рядах будут счастливы...

– Достаточно. Идите прочь с моих глаз, юнкер. Объявляю вас под домашним арестом. Никаких отлучек без моего разрешения! И не радуйтесь раньше времени – ничего еще не закончилось.

С самого утра Благово брюзжал, по выражению Лыкова (слышанному им от отца), «как бабка Сивонька». Все его раздражало. Коллежский советник понимал: Гаранжи потерял деньги, но избежал наказания за убийства. Лишил жизни троих человек – и получит месяц арестного дома за то, что называл себя поручиком...

– Кто-то его предупредил, – сказал Благово Алексею. – Полагаю, что Фабрициус – он заглядывал ко мне, когда я допрашивал кухарку, и вскорости ушел. Но как это доказать?

– А чем ротмистр объясняет свое посещение Гаранжи?

– Немчура проклятая! Знает, что Каргер не выдаст земляка. Говорит, ехал мимо, случилась оказия, срочно потребовалось в «аборт»^[43]. Зашел в первый попавшийся дом и потребовал мужчину, чтобы показал ему

место...

– От дома Бурмистровых до Второй кремлевской части сто сажень. Нескладно врет ротмистр... Но, даже если это он предупредил нашего красавца, что же произошло дальше?

– Можно только догадываться. Каким-то образом Гаранжи убедил вдову взять всю вину на себя и принять яд.

– Это невозможно. У него было не более часа времени, а столь важные решения так быстро не принимаются!

– Не будь так категоричен! Женщина невеликого ума да еще влюбленная по уши...

Вдруг дверь без стука распахнулась, и в кабинет со счастливым лицом ворвался Дмитрий Бурмистров.

– Есть Божий суд, наперсники разврата! – возопил он. – Сдохла, змея, не довелось ей попользоваться моими денежками!

– Он зато жив и остается неуязвимым для закона, – мрачно пробурчал Павел Афанасьевич.

– Кто? – изумился «патриций».

– Гаранжи.

– А, этот... Черт с ним, с подлецом. Главное – капитал вернулся. Приглашаю вас в ресторан, господа, обмыть сие радостное событие.

– Вы предполагаете оставить Киенковой ее лавку?

– Еще чего! Надо было ей брать мои деньги, когда предлагали. Теперь-то этой крысе за что платить? Я ее, стерву, еще и в тюрьму засажу за лжесвидетельство. Она у меня теперь нигде службы не найдет! С голоду подохнет!

Благово скривился.

– Так, понятно... Доставка вам капитала – не повод нам для радости; убийца не наказан. Подите прочь, не мешайте заниматься делом. Лыков! Очисти помещение!

Алексей, не заставляя просить себя дважды, мигом вынес опешившего миллионщика за дверь. Сказал внушительно секретарю:

– Без доклада никого не впускать! Кроме государя императора... И чайную пару с лимоном, побыстрее.

Лыков с Благово молча выпили весь чайник. Говорить не хотелось.

– Форосков еще молчит... – произнес было титулярный советник. Тут в дверь постучали, и секретарь робко просунул голову из приемной:

– Разрешите? Телеграмма из Тифлиса, по двойному тарифу, и даже не зашифрованная.

Алексей вскочил, обежал стол, вырвал из рук секретаря бланк и

зачитал вслух: «Срочно выезжаю домой неопровержимыми уликами. Не упустите Василия. Форосков-батано».

– Какое такое «батано»? – опешил начальник сыскной полиции. – А впрочем, хрен бы с ним. Немедленно удвоить наряды возле дома в Молитовке. Сколько времени ехать до нас из Тифлиса?

– Сутки коляской до Владикавказа, и двое оттуда на поезде. Три дня.

– Чтоб сидел как проклятый! Привозить ему съестные припасы, курево, но из помещения ни ногой! Неужто Вседержитель услышал мои молитвы?

Прошло три дня. Бурмистрову похоронили без отпевания за оградой Крестовоздвиженского кладбища, там, где закапывают бездомных и безымянных бродяг. Ни «патриций», ни набожные родные Анастасии не захотели давать взятку доктору за справку о помешательстве... Василий Гаранжи не выказал желания присутствовать на погребении. Он сидел в Молитовке и ломал голову – что имеется на него у сыскных? Благово же ходил гоголем. Коллежский советник как-то сразу уверовал, что Форосков везет из Тифлиса убойные улики. Повеселевший и помолодевший, Павел Афанасьевич с блеском за сорок восемь часов провел поиски «клюквенника»^[44], ограбившего храм Иоанна Предтечи на Слободе. Вором оказался известный Лешка-Совенок, обчистивший перед Рождеством в Москве Иверскую часовню и разыскиваемый за это всей полицией империи. О задержании доложили самому государю; губернатор Безак был доволен.

Наконец на четвертые сутки поутру Благово услышал в коридоре необычный шум. Высунувшись, он увидел долгожданного Фороскова. Тот стоял посреди приемной с гордой осанкой джигита, одетый в белый бешмет и черную черкеску с газырями! На поясе у старшего агента красовался огромный кинжал в ножнах с серебряными накладками. Костюм дополняли партикулярные суконные брюки и замызганные башмаки с калошами... Весь наличный состав отделения столпился вокруг приезжего, выражая восхищение. Лыков, давась от смеха, сказал начальнику:

– Батано приехал. Дикий абрек спустился с гор!

Благово ухмыльнулся, обнял Фороскова за плечи и увел к себе в кабинет; Алексей прошел следом.

– Ну, Петр Зосимыч, не томи душу. Привез? И что за улики?

– Точно так, Павел Афанасьевич. Это письма Василия Гаранжи к его сестре Елене. Изъяты законным образом, акт подписан тифлисским

полицмейстером. А в письмах – все, черным по белому...

Благово стукнул себя кулаком по колену и вскочил в сильном волнении.

– Точно ли все? Знаешь же наших сердобольных присяжных – рады «оставить в сильном подозрении».

– На всякого мудреца довольно простоты. Ваш приятель Мачутадзе очень помог. Костюм, кстати, от него – подарок вам. Простите, не удержался, надел; желал произвести впечатление.

– Произвел! Но ты о деле давай.

– Мачутадзе доложил о моем задании полицмейстеру, и тот устроил в своем кабинете негласную встречу с мужем Елены Гаранжи, де Рошефором. Действительно, солидный человек, исправляет должность главного землеустроителя Кавказского наместничества и на Пасху сделан генералом. Богат, владеет двумя домами на Вельяминовской улице – она в Тифлисе из числа главнейших. Когда он услышал историю с перепелами с участием своего шурина, то весь побледнел. Отдышавшись, рассказал, что в прошлую субботу в Каджиоре^[45], на даче, он тоже ел перепелов и сильно отравился, едва не умер. Четыре дня пролежал в постели и только вчера вернулся к службе... А птичек тех готовила его супруга! Еще де Рошефор рассказал, что отношения его с женой в последние месяцы сильно охладели. Видимо, она завела себе кого-то на стороне и стала тяготиться браком. Муж стал ощущать, как он выразился, «витавшую в воздухе какую-то для себя опасность». И тут моя история о том, что произошло в Нижнем Новгороде! Кончилась наша беседа тем, что, по распоряжению полицмейстера, была произведена немедленная выемка переписки Елены де Рошефор. И все стало ясно... Сейчас эта поганая баба (кстати, красавица, как и ее братец) сидит в Метехском тюремном замке под следствием. С писем к ней Василия Гаранжи была снята и заверена нотариусом копия, а мне выдали оригиналы. Вот они.

Форосков выложил на стол пачку писем, взял верхнее.

– Я уже разложил их по порядку. Первое упоминание в этом. Конец октября прошлого года; Василий только что приехал сюда. Послушайте, что он пишет сестре:

«...Ты говорила, что не можешь более выносить этого надутного индюка – своего мужа. Я же тебе рассказывал об одном верном средстве – помнишь? Когда весною я проиграл три с лишком тысячи юнкеру Тилло, достаточно оказалось одного ужина с перепелами, и долг стало некому отдавать! Дорогая, решайся скорее. Люди обычные – это только пыль под нашими ногами. Ударь каблуком об каблук и сбей эту пыль, чтобы не

мешала тебе идти дальше. Скучаю по тебе, по твоим плечам...» Далее три страницы всяких непотребств.

– Что, там еще и кровосмешение? – брезгливо скривился Благово.

– Да, Павел Афанасьевич. Брат и сестра Гаранжи состояли друг с другом в любовной связи.

– Фу! Ну и семейка...

– Следующее письмо – от начала января текущего года: «...Рад за тебя, что ты наконец решилась. Иди в Колючую балку^[46] и найди там абхаза по имени Ираклий. Скажешь ему, что тебя прислал один покупатель из Телави – это пароль. Еще скажи, что тебе нужна перепелка, такая же вкусная, как в Ахалцихе. Тушка стоит двести рублей. Не жалея этих денег, отдай не торгуясь. Все будет выглядеть как несчастный случай. Помни: готовить дичь ему и себе надо в разной посуде, но потом свою сковороду помыть! Будто бы все жарилось вместе. Когда выложишь перепелов на тарелки, добавь в свою несколько ложек подливки из ядовитой порции. Не бойся – тебя только стошнит, хотя и сильно. Так надо, чтобы полиция не догадалась. И не забудь сжечь это мое письмо!» Вот. И далее: «Дела мои здесь потихоньку налаживаются. Чую, не зря я привез с собой пару перепелов от Ираклия, про запас – скоро они могут пригодиться. Пока они лежат, помеченные, у Ваньки на погребке, вместе с обычными птицами; обычных мы потихоньку подьедаем. Черт, денег совсем нет! Так вот, здесь отыскалась одна дура, жена местного богача Бурмистрова. Эта толстая корова влюбилась в меня без памяти и готова теперь уже на все. Боже, как противно заниматься с нею любовью... Но можно взять миллион, а то и больше! Сначала его, а на ней женюсь. Потом переедем в Москву, затеряемся там, а по прошествии времени я прикачу к тебе богатым вдовцом. Потерпи, моя радость, два годика...», ну, и так далее. Как? Полагаю, достаточно для любых присяжных.

– Молодец, Петр Зосимович; лучше не бывает. И хвала женской глупости! Если бы она сожгла, как он ее просил, эти письма, мы ничего не смогли бы доказать. Действительно, на всякого мудреца... Алексей! Получи от меня подарок: лично арестуй этого стервеца и доставь сюда.

– Вот спасибо, Павел Афанасьевич! Только я не стану церемониться; чуть что – сразу в зуб.

– Будь осторожен – на нем четыре убийства.

Лыков презрительно сощурился:

– Уж эту птицу я как-нибудь ошпилю. И не таких ошпыливали.

Гаранжи проснулся в три часа утра от ощущения опасности.

Странно... Все шло неплохо, и вдруг... Но он привык доверять своим предчувствиям, стало быть, пора задать лататы.

Седьмой день они с Турусовым жили на его квартире в Молитовке под караулом сыскной полиции. Жили на положении прокаженных: в дом не впускали даже прислугу. Приходилось самим топить печь, убирать за собой. Еду им привозили из кунавинских трактиров втридорога. Гаранжи решил обидеться и потребовал доставить его к прокурору для подачи жалобы на Благово. Не получилось – прокурор приехал к нему сам. Выслушал претензии и мягко объяснил положение. Начальник сыского отделения действует в рамках закона, и до суда придется потерпеть. Коллежский советник торопит следствие, и суд начнется уже в следующий четверг. На нем Гаранжи будет предъявлено обвинение в соучастии в убийстве Ивана Бурмистрова. Благово действительно имеет какой-то зуб на отставного поручика и надеется на обвинительный приговор. Он, прокурор, такой убежденности не разделяет...

Беседа успокоила Гаранжи. Значит, у них на него ничего нет, кроме злого упрямства главного сыщика. Суда присяжных Базиль не боялся. Романтическая роль жертвы необыкновенной любви была для него выигрышной и гарантировала оправдательный вердикт. С такой-то внешностью! Да все губернские дамы будут на стороне юнкера, а уж они умеют давить на присяжных.

Но спокойствие улетучилось в три часа утра, и, значит, что-то изменилось в пасьянсе. Гаранжи, не зажигая света, бесшумно оделся, рассовал по карманам деньги. Еще две недели назад он выпросил у Анастасии полторы тысячи рублей «послать голодающей сестре». Кроме того, с января по март лжепоручик натаскал из дома Бурмистровых много мелких дорогих вещей; сейчас они отправились за подкладку сюртука. Гаранжи со вздохом отставил серебряную солонку – слишком громоздкая. Зато кольца для салфеток надел себе на лодыжки, под исподнее; по сорок рублей штука! Сунул сзади за брючный ремень служебный «Смит-Вессон» Турусова и осторожно прокрался к черному выходу. Из маленького окошка в отхожем юнкер долго и внимательно всматривался в темноту. Кажется, никого... Он выскользнул в хлев, оттуда в дровник. Сейчас махнуть через забор, и в лес что есть мочи!

Вдруг от дерева с той стороны забора отделилась тень.

– Не спится, Василий Георгиевич? – раздался голос старшего наряда, агента Исупова. – Да, морозно нынче...

Агент стоял в шаге от мощной осины. Правая рука в кармане, фигура подобрана. В случае чего мигом укроется за деревом, и тогда мимо него

уже не прорваться... А может, все же попробовать?

– Нет ли папиросы, Исупов? – бывший юнкер шагнул к забору. В ответ щелкнул курок револьвера.

– Еще шаг, и стреляю. Целить стану в ноги, но уж как получится...

– Ты хам! Я пожалуйюсь прокурору!

– А мне плевать, у меня инструкции.

Ругаясь, Гаранжи вернулся в дом. Выглянул в окно на улицу – там светились огоньки папирос сразу двух агентов, третий дремал в пролетке. Обложили, сволочи... Под храп Турусова юнкер разгрузил карманы, снял с лодыжек салфеточные кольца, но деньги и револьвер оставил при себе. Что же делать?

В одиннадцать часов до полудни к квартире лесника подъехал Лыков. Чем-то очень доволен, отметил про себя старший наряда, докладывая об утреннем происшествии.

– Определенно хотел бежать. Пытался приблизиться ко мне; я не допустил. Под угрозой оружия. Когда снимем наряд, Алексей Николаич? Надоело париться...

– А сейчас прямо и снимем. Я ведь за ним приехал.

– Нашли, что искали?

– На пожизненную каторгу!

– Вот это хорошо! – обрадовался Исупов. – Только вместе войдем. У Гаранжи револьвер сзади за поясом.

– Отставить! Наряду приготовиться к приему арестованных. Первым выйдет лесничий, надеть на него наручники и посадить в вашу пролетку. Юнкеришку я увезу сам.

Исупов неодобрительно покачал головой, но подчинился. Демонстративно вынул револьвер и взвел курок, встал возле самого крыльца. Лыков усмехнулся и вошел внутрь.

Гаранжи и Турусов плечо к плечу стояли посреди гостиной и смотрели на титулярного советника с неприязнью и напряженным ожиданием.

– Одеться и на выход, – скомандовал Алексей лесничему. Тот замешкался, взглянул вопросительно на своего сообщника.

– Бегом! – рывкнул Лыков и топнул ногой. Турусов, не попадая в рукава шинели, вылетел на улицу, где был тут же арестован.

Гаранжи в окно проследил, как его приятеля ведут к пролетке, и повернулся к Лыкову. Вид у него был хмурый, но решительный. Рослый, широкоплечий, с крепкими кулаками, он был весьма силен и сдаваться просто так не собирался.

– Ну?

– Собирайся, юнкер, пора отвечать за погубленных. Поедешь со мной в острог.

– По какому праву вы мне тыкаете?

– А ты привыкай. Скоро придется перед каждым пьяным надзирателем шапку снимать за две сажени; а не успеешь, так и выпорют.

Гаранжи грозно сдвинул брови, посмотрел на Лыкова сверху вниз.

– Правду говорят, что сыскные агенты крепкие ребята?

– А то! – самодовольно ухмыльнулся титулярный советник. – Мы лучше всех. Хочешь испытать?

– Угу, – ответил Гаранжи и без замаха ударил Лыкова в висок. Тот мгновенно выбросил ладонь и, как мяч на лету, поймал кулак. Юнкер пытался вырваться, сопел, однако правая рука его словно увязла в бетоне. Тогда он зашарил левой у себя за спиной, но и здесь не преуспел. Сыщик рывком бросил противника на колени, выхватил «Смит-Вессон» из-за его ремня и отбросил в сторону.

– Другому я сломал бы пальцы, но не тебе. Иначе на каторге запишешься в легкие работы, как увечный, а тебе надо тачку катать. Лет двадцать.

Гаранжи оказался в унижительной для себя коленопреклоненной позе, обезоруженный и беспомощный. Обманчиво заурядный на вид, Лыков легко пригнул его к полу и не отпускал. При этом еще и рассуждал, словно про себя:

– Врезать? Не врезать? Пожалуй, стоит. Баю-баюшки-баю, колотушек надаю...

– Нет! – взвизгнул Гаранжи, испуганно закрывая лицо свободной рукой.

– Не надо было людей убивать; не люблю я этого, – серьезно ответил Лыков и приложился от души.

Через минуту, все еще оглушенный, Гаранжи уезжал в пролетке в острог.

Утром следующего дня его привезли к Благово на допрос. С фонарем под глазом и разбитой губой, юнкер уже не был так красив. Коллежский советник молча выложил перед арестованным письма-улики, дал время перечитать, потом сказал:

– Много я видел всякой мрази на своем веку, но такое... Ей-богу, жаль, что у нас нет смертной казни за уголовные преступления. Я бы повесил... Гаранжи! Неохота с вами возиться. Все уже ясно, могу даже сказать, сколько вы получите на суде. Двадцать лет, которые по прибытии на Сахалин уменьшат до пятнадцати. Единственное, что может помочь вам в

глазах присяжных и на пару лет уменьшить тяжесть наказания, это выдача сообщников. Будете молчать или как?

– Спрашивайте. Что же, мне одному на Сахалин двигать?

– Подгаецкий.

– Оприходовал липовое завещание, написанное мною у него на глазах.

В качестве доказательства могу прямо в зале суда накатать такое же, и не отличите! Взял процентные бумаги на сорок пять тысяч и золотые часы Бурмиistroва.

– Ишь, не побрезговал... Дальше. Турусов.

– Держал за руки нотариуса Антова, покуда я бил того по голове топором. Потом заблевал весь дом, тряпка!

– Фабрициус.

– И до этого дознались? Да, именно ротмистр предупредил меня о готовящемся аресте. Обыщите его дом, найдете кулон с большим сапфиром в золоте, со стразами. Пусть получит свое, Иуда...

– Последний вопрос: как вы заставили Анастасию Бурмиistroву принять яд и написать перед этим оправдывающую вас записку?

– Вот этого я вам не скажу. Должно же быть в этом деле хоть что-то, чего вы не знаете!

– Мало вас Лыков угостил, надо было больше.

– Попрошу без оскорблений! – крикнул разъяренный Гаранжи. – Я пока еще дворянин! И подам жалобу прокурору. Нет, государю!

– Как вам будет угодно, – закрыл папку с письмами Благово. – Сыскная полиция закончила свою работу. Дело «молитовских отравителей» передается следователю, который и будет готовить судебный процесс. От себя имею добавить только одно. Совершенное вами столь возмутительно, столь гнусно, что надзор за вами отныне будет по самую вашу смерть. У нас в полиции есть секретное предписание: наносить на статейные списки особо опасных преступников специальные метки. Статейный список – это теперь ваш единственный документ на много лет вперед; он будет следовать за вами по этапу, храниться в канцелярии каторжной тюрьмы, вплоть до выхода на вечное поселение в Сибирь. Метки, о которых я говорю, призваны указывать тюремной администрации на ваш особый негласный статус. Никаких амнистий. Никаких легких работ. Никаких поблажек. Усиленный надзор, дабы невозможно было бежать или поменяться с кем-то именами. К списку, кстати, будет приложен ваш фотографический портрет, во избежание последней уловки. И главное: вас будут направлять на самые тяжелые работы. Цель, полагаю, понятна: чтобы такие, как вы, побыстрее покинули этот мир. Вот, имейте в виду.

Инструкция секретная, если вы станете жаловаться начальству, я всегда откажусь от своих слов, и вы не сумеете ничего доказать. Но она существует, и мне кажется справедливым, что вы отныне о ней знаете. Вам не выйти с каторги, Гаранжи. Прощайте навсегда; идите и медленно подышайте...

Вечером вице-губернатор Всеволожский пригласил Благово к себе.

– Павел Афанасьевич, чего вы там наговорили этому мерзавцу, Гаранжи? Он весь в истерике, твердит о каких-то секретных инструкциях, что власти негласно расправляются с осужденными, что есть особые метки... Какие еще инструкции?

– Андрей Никитич, не обращайтесь внимания. А еще лучше, подыграйте мне. За то, что он сделал, Гаранжи заслуживает самого страшного наказания. Пусть мучается худшей из кар – ожиданием кары. Я ведь понял, как он добился от Бурмистровой той, оправдательной для себя, записки. Есть только один способ для этого: убедить любящую женщину, что надо уйти из жизни вместе. Потом сказать: давай предъявим этим людям, что такое настоящая любовь! Я беру всю вину на себя, а ты – на себя, и положим обе записки рядом. Романтической особе – а Анастасия Бурмистрова была именно такой – это должно было понравиться. Дальше все просто, если сам кладешь яд...

Всеволожский с ужасом посмотрел на Благово:

– У вас ужасная фантазия, Павел Афанасьевич! Человек не способен на такое! Это уж ни в какие ворота...

– Фабрициус предупредил нашего юнкера, и у того оставалось не более часа. Другого варианта нет. И не случайно он отказался ответить на этот вопрос; на все прочие ответил, а на этот – смолчал. Что же касается того, что не способен – Гаранжи способен. Он способен на что угодно. Я уверен, что все было именно так, как я описал. Деморализованный^[47] донельзя, низость этого человека не знает границ. Я по службе давний коллектор^[48] всех форм человеческой подлости, но такого еще не встречал. Поэтому и сочинил про секретные инструкции; жаль, что их нет на самом деле. За то, как он обманул, а затем убил Бурмистрову, Гаранжи заслуживает не знаю даже, какой казни...

– Если вы правы, то да.

– ...и я ему эту казнь придумал. Очень многие из тех, кого я отправил на каторгу, Андрей Никитич, заслуживали жалости. Я был обязан их поймать, и я их поймал. Но жалею, ибо часто они – жертвы нашего не самого справедливого общества. Есть такие, которые вызывают не жалость,

а ужас и ненависть; таких тоже много. Но Гаранжи... Это особенный тип, страшнее громилы, зарезавшего за деньги пяток человек. Так воспользоваться любящей тебя женщиной... Пусть мучается! Заслужил.

Случай в Окском батальоне

Как известно, в русской армии завтраки солдатам не полагаются. Люди встают в шесть часов утра, а обедают в двенадцать. За это время они успевают проголодаться, тем более что после построения и развода в наряды многим приходится выполнять тяжелую работу.

Для исправления этого существуют в солдатских артелях особые деньги, а в батальонах – чайные. В них за две копейки можно приобрести чайную пару и булку. В богатых артелях (в местностях, где для солдат имеется сторонний приработок) такое удовольствие могут позволить все, и чуть ли не через день. Бедные артели не предоставляют своим членам такой возможности, и тогда посетителями батальонных чайных становятся одни только фельдфебели и унтер-офицеры, да изредка ефрейторы.

3 мая 1880 года ефрейтор 239-го Окского батальона резервных войск Иван Мотасов был назначен старшим наружного караула. В этом качестве он развел часовых во все четыре наружных поста: у входа в казарму, на конюшню, к цейхгаузу и к квартире батальонного командира, после чего вернулся в караульное помещение. Чтобы взбодриться, послал свободного подчаска за чаем. Парень первого года службы споро притащил начальству два чайника с оправленными в олово носиками и большую, еще теплую, булку. Но только лишь Мотасов открыл рот, чтобы отхрюпать первый кусок, как под окном раздались крик, шум борьбы и топот убегающих ног. Как раз оттуда, где находился первый наружный пост...

– Караул, за мной! – рявкнул ефрейтор, схватил с пирамиды свою «бердану» и выскочил на улицу. И увидел нечто странное. Часовой, рядовой Вахуров, лежал на мостовой лицом вниз, и под ним быстро расплзалось в пыли кровавое пятно. Винтовки при Вахурове не было. А вдоль по Грузинской улице в сторону Ошары улепетывал некто в пиджаке и картузе. С винтовкой в руках! Расстояние до него уже было в сорок саженей; еще немного, и скроется за поворотом.

Не думая ни секунды, Мотасов опустился на одно колено, быстро прицелился и выстрелил убегающему в спину. Лучший в батальоне стрелок и призер полковых состязаний не промахнулся. Пролетев по инерции еще несколько шагов, неизвестный рухнул как подкошенный, когда до спасительного угла оставалось всего ничего. И лишь тогда из караулки выбежали остальные подчаски.

Через двадцать минут после происшествия о нем сообщили Благово, и

тот сразу же выехал в Грузинские казармы. Там он застал батальонного командира полковника Васильева 4-го, ротного – капитана Падалку и помощника военного прокурора коллежского советника Гренквиста. Раненого часового – он получил удар ножом в живот – уже увезли в Мартыновскую больницу; надежд на то, что он выживет, было мало. Тело убитого занесли в караулку и положили на пол.

Ефрейтор Мотасов четко доложил начальству о том, как все происходило, и полковник тут же произвел его в вице-унтер-офицеры. Дикость случившегося поразила всех присутствующих. Среди бела дня, на одной из главных улиц губернского города напасть на вооруженного часового... Ясно, что целью бандита было разжиться винтовкой – но так дерзко! Благово не смог припомнить ничего подобного из своей длительной практики.

Сыскная полиция забрала тело убитого к себе, и Титус с Форосковым принялись за его обследование. Молодой парень лет двадцати трех, с желтым испитым лицом, сухощавый, без особых примет. Документов при нем не оказалось. Одет в дешевый мещанский костюм из магазина готового платья, на ногах – дрянные сапоги от холодного сапожника^[49]. В карманах обнаружили лишь семьдесят три копейки мелочью и нож-выкидуха с окровавленным лезвием.

Тут в комнату вошел Лыков и присвистнул:

– Ба! Вовка допрыгался!

– Знакомец?

– А то! В прошлом году на Фоминой неделе я его арестовывал за снятие башлыка с гимназиста. Это Вовка Самодуров по кличке Моща, из сормовской шпанки. Он есть в нашей картотеке.

Форосков сгонял в картотеку и действительно принес оттуда учетную карточку на Самодурова, с приложением фотографического портрета. Из нее выяснилось, что убитый проживал, как и утверждал Алексей, в селе Сормово Балахнинского уезда, в 14-й линии. Был учеником слесаря в бандажном цехе, выгнан за дурное поведение. Имел два ареста за мелкие разбои, отсидел сорок пять дней в арестном доме по приговору мирового судьи. Типический мелкий гаденыш, каких в Британии называют «хоолиган», а в России – «шпанка». Что же заставило этого ничтожного, в общем-то, человека напасть среди бела дня на вооруженного часового? Для чего Вовке понадобилась вдруг «бердана»?

Благово выслушал доклад Лыкова и задумался. Формально село Сормово входило в Балахнинский уезд, и нижегородская сыскная полиция не имела права вести там расследование. Однако особенности этого

поселения неизбежно привязывали его к губернскому городу. Действительно, в Балахне нет и четырех тысяч жителей, а в Сормове – более десяти! Расположенное в 12 верстах от Кунавина, огромное село фактически являлось дальним пригородом Нижнего. Оживлял его, конечно, гигантский вагоностроительный завод. Принадлежавший ранее знаменитому Бенардаки и приведенный им к краху, завод был взят после его смерти под опеку государства и спасен казенными заказами. Сейчас в акционерном обществе «Сормово» трудилось более двух тысяч рабочих, они-то и стали головной болью властей.

Бедой промышленного села являлось отсутствие в нем консервативной купеческо-мещанской прослойки. Рабочие – люди, оторванные от деревни. В тесных казармах и многочисленных кабаках они успели позабыть строгую богобоязненную мораль сельского общества. Полицию в Сормове ненавидели, как нигде, и она старалась без нужды не раздражать вечно пьяных пролетариев. Исправник и становой пристав не казали здесь носа, а местный урядник благоразумно поступил на довольствие преступной головки. В итоге в прошлом году в Нижнем Новгороде было совершено шесть преступлений с убийствами (из них раскрыто пять), а в Сормове – четырнадцать! Из которых раскрыли четыре... Вечером обыватели старались не выходить на улицу без сильной надобности. В праздники же раздеть, ограбить, а то и зарезать могли прямо средь бела дня. Огромное село наполнялось толпами нарядно разодетых по фабричной моде людей, которые с гармониками в руках слонялись по гостям. Власть в поселении принадлежала трем бандам: «Казарма», «мышьяковские» и «варинские». Верховодили мышьяковские, как самые отчаянные, и казарменские, как наиболее многочисленные. Простому человеку приходилось или терпеть, или самому браться за нож. Если выпьешь, терпеть становилось легче... В итоге фабричные считались самой развращенной и безнравственной частью населения – а тут их десять тысяч! Все вертелось вокруг завода и кабака. Часто покушались на мастеров и табельщиков, грабили квартиры инженеров, каждый двенадесятый праздник кого-то резали. Преступный элемент царствовал в брошенном властью селе безраздельно.

Как в этой клоаке проводить расследование? Исправник нужными сведениями не располагает: он забился в свою Балахну и там сидит. Урядник знает многое, но не скажет ничего. Вести наружное наблюдение не под силу даже самому Титусу. Деревня есть деревня, даже очень большая, и все новые люди здесь на виду. Выход один: агентурная разработка.

Утром следующего дня в кабак «Нечаянная радость», что на Песках,

пришел широкоплечий молодой человек в фуражке с арматурой^[50] механика. Попросил у ценовальника чарку померанцевой и расстегай «с жирами»^[51] на закуску. Расплачиваясь, положил на стойку вчетверо сложенный рублевый билет. Тщательно пересчитал сдачу, выпил с душой и убежал дальше по делам. Кабатчик вскорости заперся в нужнике, там развернул билет и обнаружил на нем две нарисованные карандашом цифры: 8 и 3. Это означало, что в восемь часов утра следующего дня он, заштатный агент сысского отделения, должен быть на явочной квартире номер три (лавка Архипова в Кунавине, на Пирожковой улице).

Встречался с ценовальником лично Благово, и тому имелись особые причины. Заштатного агента звали Федор Ерусалимский. Из семьи священника, почти закончил семинарию, но был исключен из нее за воровство. Угодил в армию, где снова попался на краже. Получил четыре года военно-арестантских рот, которые отбывал в Бобруйской крепости. В России нет более тяжкого наказания, чем эти роты... Никакая сахалинская каторга с ними не сравнится, поскольку солдат и так существо бесправное, а наказанный солдат – просто великомученик. Не вынеся жутких условий содержания, Ерусалимский отрубил сам себе пальцы правой руки. За это ему добавили еще три года, но обнаружили у арестанта чахотку в последней стадии и отпустили умирать.

Федор на воле очень захотел жить, и случилось чудо. Семнадцать месяцев он провел у приятеля в Калмыкии и пил кумыс ведрами. Это ли помогло, или тяга к жизни была у него необыкновенно сильной, но бывший арестант вернулся в Нижний здоровым человеком. Приехал в Сормово, поступил в подручные к кабатчику Ситнову, женился на его дочери и после смерти тестя унаследовал заведение. Ерусалимский ловко управлялся с новым делом одной рукой: и водку разливал, и сдачу отпускал, и в морду мог при случае задвинуть. После военно-арестантских рот он уже ничего не боялся, и уголовные, чуткие к таким вещам, его уважали.

Пески – это часть Сормова, застроенная преимущественно рабочими казармами. Самый пьяный и опасный угол, здесь же и основные кабаки. Ввиду полного отсутствия полиции, Пески облюбованы преступниками, и местному человеку приходится жить по их правилам. Ерусалимский сам пришел в сысское отделение и предложил свои услуги. Тогда же он объяснил и причины этого поступка. «С волками жить – по-волчьи выть, – сказал тогда Федор Павлу Афанасьевичу, – но неохота!» Ему приходилось скупать краденое – этим занимаются все кабатчики, деваться некуда. Попробуй откажись! Значит, хочешь остаться чистеньким, и тебя могут

отселить за это на тот свет. Но обратно в тюрьму Ерусалимскому очень не хотелось. Подрастали уже два сына. И кабатчик предложил властям сделку: он маклакствует с ведома и разрешения полиции, а взамен сообщает сведения. Подумав, Благово согласился, хотя это было ему сильно не по душе. Но уж больно ценный агент: в самом сердце сормовского преступного мира, свой среди уголовных, полезный им блатер-каин...

За два года Благово хорошо изучил своего заштатного агента и даже подружился с ним. Как ни странно, Ерусалимский оказался честным человеком! Никогда не врал, от трудных заданий не увиливал; главное же – сама маклакская жизнь его угнетала. Федор мечтал убраться из поганого Сормова, переехать «на гору» и отдать сыновей в гимназию. Кабатчик отчаянно экономил на всем, копил деньги и просил коллежского советника через годик отпустить его с миром. И как ни было сыщику жалко терять такого агента, он обещал выполнить просьбу – Федор заслужил уже хорошую жизнь. Кроме того, оставаясь юридически вне власти нижегородской полиции, Ерусалимский был беззащитен перед полицией балахнинской. Случись что, он попадет под суд за дела, которые разрешил ему делать Благово – но не исправник! «На горе» же все становилось законно и для Федора покойно.

Коллежский советник встретился с кабатчиком в задних комнатах лавки Архипова. Михаил Архипов – осведомитель сыскной полиции в Александровской слободе, иначе именуемой Кунавином, был из отставных унтеров. В доме его царили поэтому чистота и строгий военный порядок. Хозяин выставил на стол самовар и ушел, чтобы не мешать разговору.

– Вчера застрелили Вовку Самодурова, – без предисловий начал Благово.

– Слыхал. Часовой хлопнул. Молодец, я бы ему за это лычку дал.

– А ему и дали. Но ты мне лучше про Вовку расскажи, что знаешь. Он ведь другого часового зарезал: хотел его винтовкой разжиться.

– Вот оно что... – задумался Федор. – Да... Теперь понятно, чего он три дня вокруг Битюга вертелся. Надо полагать, в банду просился. А тот, поди, велел ему без винтовки не приходить.

– Что еще за Битюг?

– Прозывается он Максим Иванов, но паспорт у него виленский^[52]. Первый сейчас в Сормове между фартовыми. Серьезный дядя... При нем банда человек в двенадцать: разбойничают, лошадей в Кунавине воруют, еще что-то по мелочи. Но это лишь то, что на виду. Настоящих делов Битюга те, кому не положено, не знают, и я в их числе. Но ограбление серебряной лавки Телятникова с двумя убийствами – его рук. И подкуп под

контору фон Мекка, говорят, тоже.

– А что ты говорил про винтовку?

– Иванов стал собирать оружие. Купил у Сомовича пару револьверов и просил при этом еще и винтовку, но тот не сумел. Где ж ее взять? После второго апреля совсем с оружием туго сделалось...^[53] А Вовка Моща несколько дней вокруг Иванова ужом вился.

– Считаешь, тот и поручил ему добыть «бердану»? В качестве, так сказать, входного билета...

– Так точно.

– А зачем Битюгу винтовка?

– Не знаю. Готовит он что-то. Что-то большое... О прошлой неделе, говорили, он механика искал.

Упоминание об участии Битюга в ограблении лавки Телятникова сильно заинтересовало коллежского советника. Совершенные при этом убийства и были тем единственным тяжким преступлением, которое сыскная полиция не сумела раскрыть. Это случилось прошлым летом, в первый же день открытия ярмарки. Наплыва посетителей об эту пору еще не бывает. Только прибывшие загодя приказчики торговых домов неспешно раскладывают свой товар. Среди обеспеченных нижегородцев в этот день в обычае покупать в ярмарочном Гостином дворе серебро. Зная об этом, ярославский ювелир Телятников открыл свою лавку серебряных изделий раньше других конкурентов – и поплатился жизнью. Утром он со своим приказчиком были найдены зарезанными, а лавка их – ограбленною. По словам наследников, товара пропало более чем на семьдесят пять тысяч, одних часов увели до двух сотен!

Благово перешерстил тогда весь город, но убийц не нашел. Самолюбие его было сильно задето. И надо же: концы дела обнаружились теперь в Сормове! До сих пор начальник сыскной полиции ничего не слышал про Битюга и его банду. А тут еще подготовка последним нового преступления с применением горячего оружия. Эх, Сормово... Как вести в нем расследование?

– Ты можешь подобраться к этому молодцу?

– Ей-богу, ваше высокоблагородие, не сумею! Только себя погублю, когда в знакомцы стану набиваться. Не принято это у них. Понадобишься – тебя позовут, не нужен – сиди тихо, занимайся своим делом. А начнешь суетиться, то и в ножи возьмут...

– Понятно. А могут позвать? Можешь ты Битюгу зачем-то понадобиться?

– Я – вряд ли. Подумаешь, блатер-каин с Песков, владелец

«дешевки»^[54] средней руки. Иванов со мной на одном поле, извиняюсь, гадить не сядет. После того, как зарезали Мусу, он стал в Сормове номером первым. Цинковальный завод Износкова – на самом деле его завод. «Белая акация» и «Китеж» – лучшие здесь трактиры – тоже его. Три мелких промышленных заведения в Варях – опять его. Ну и плюсом банда, которая держит Мышьяковский выселок да, пожалуй, и всю округу. На этом берегу Оки сильнее его никого сейчас нет, да и «на горе» Максим не последний человек. Блатер-каин у него знаменитый Сомович, который пользуется и Гордеевку, и Бугры^[55]. Битюг часто катается в Москву и Питер, там у него связи в известных кругах. В Одессе имеет какие-то дела и, кажется, жилал в ней ранее. Крупная птица, не моего полета.

– Где он квартирует?

– В Мышьяковке. Деревня такая возле Сормова, самый воровской притон.

– Как с ним сойтись новому человеку?

– Никак. Очень осторожный.

– А почему у него кличка такая – Битюг?

– Здоровья много, но к этому еще и очень не дурак.

– Ладно, я подумаю. А ты вот что ответь: куда бежал Вовка Моща с отнятой винтовкой? Он что, хотел отвезти ее домой в вагоне конно-железной дороги?

– Понял ваш вопрос, Павел Афанасьевич. Думаю, Вовка бежал до извозчика. Который стоял в это время за углом... Приятель у него есть, извозчик из Копосова, Мишка Пужалов. Тоже шаромыжник будь здоров; он бы Вовку в Сормово и доставил.

– Пужалов из Копосова? Может пригодиться. Давай, Федор, договоримся так. Я помещаю в Сормово своего агента. Он появится там дней через шесть и установит с тобой связь, очень осторожно. Ты его знаешь – это Петр Форосков. Сейчас я его вызову, и ты потолкуй с ним подробно. Расскажи о вашей тамошней жизни: какие имеются банды, что за люди помимо уголовных, сормовские обычаи, порядки, даже само расположение улиц. Полиция, торговля, завсегда и портерных, местные влиятельные люди. Наблюдательный ли народ. Как проводят время. Где лучше поселиться, чтобы попасться Битюгу на глаза. Или где обедать. Как себя вести. Словом, все, что может оказаться Петру полезным. Ему надо, чтобы Битюг им заинтересовался. Ты сказал – Иванов искал механика. Будет ему механик!

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

– И вот еще что. Начинай искать себе замену. Закончишь это дело и сворачивайся, переедешь «на гору». Сейчас продается пивная на Почтовом съезде. Мой человек ее торгует – для тебя. Так что постарайся в последний раз...

– Спасибо, Павел Афанасьевич. Сделаю, что смогу.

Человек вышел из Московского вокзала и направился к бирже извозчиков. Народу из Первопрестольной прибыло немного, и «ваньки» засуетились, наперебой предлагая себя приезжему. Наружность у того была неброская, но солидная. Добротный сюртук, сапоги из дорогой опойки, новый картуз с околышем из полубархата и толстая серебряная цепь на жилетке выказывали достаток. Носильщик, пыхтя, тащил сзади чемодан и корзину.

Высмотрев извозчика себе по вкусу, приезжий спросил у него:

– До Сормова сколько просишь?

– Целковый бы надо по совести, ваше степенство.

– Семьдесят пять копеек.

И, не слушая возражений, уселся в пролетку. «Ванька», молодой парень с жуликоватыми глазами, мигом заложил в ноги багаж и тронул. Потянулась длинная, плохо устроенная дорога на север: через грязную Гордеевку, убогую Бурнаковку и насквозь пропахший мазутом завод Тер-Акопова. Где-то на середине пути седок вдруг спросил:

– Слышь, малой! Где в Сормове квартиру можно снять?

– А у меня в Копосове не подойдет? Чисто, и мамка готовить будет.

– Где это твое Копосово?

– За Сормовом шесть верст в сторону Балахны.

– Не. Нужно в самом Сормове. Да еще чтобы место было в первом этаже под мастерскую. Механик я. Хочу здесь осесть, дело открыть. Самый дом и улица должны быть порядочные, не на окраине.

– Сварганим, ваше степенство, – солидно пообещал возница. – Девка моя служит в номерах Яшина на Дворянской улице. Главный сормовский бульвар! Лучшие трактиры там, и волостное правление, и переводная контора. ^[56]

– А мастерскую-то где помещать, чудака-человек? Тоже в номерах?

– Зачем, ваше степенство. Там через два дома бывшая зеленная лавка купца Рютина. Купец-то помер в феврале, вдова дело прекратила, место пустует. Чай, столкуетесь!

– Хгм... А нумера-то хоть солидные? Не клоповник?

– Наилучшие во всем Сормове! Господа инженеры с вагонного завода

там проживают, а они народ балованный.

– Вези туда, поглядим. Ты, я вижу, малый смышленный. Как тебя звать?

– Михайла Пужалов.

– А меня Форосков Петр Зосимович. Через два дня мой багаж прибудет, пудов на десять. Станок, инструменты... Надо будет забрать на вокзале и привезти на квартиру.

– Сделаем в наилучшем виде, Петр Зосимыч! Я к вам вечером подъеду, посмотрю, как вы устроились. Может, помочь чем потребуется или захочете город посмотреть...

– Сначала надо с помещением решить. Но ты подъезжай. И вообще... не теряйся. Я тут человек новый, мало ли что возникнет. Знакомство какое свести или справку получить; ну, ты понимаешь.

– Как не понять, ваше степенство, – живо ответил Пужалов, обращаясь к седоку всем корпусом.

– Ты давай на дорогу смотри, – осадил его механик. – А понял или ни черта не понял, это мы опосля разберем. Пока же – вот тебе за труды.

И бросил вознице серебряный рубль.

– Держись меня и будешь завсегда с деньгами. Помощник мне нужен, толковый и расторопный. Может, и ты сгодишься...

– Я на заводе четыре месяца учеником вальцовщика отработал!

– Что же ушел? Запил? – ехидно спросил Форосков.

– Навроде того, Петр Зосимыч. Там без этого никак. Четырнадцать часов в день вкалывать! Все мозги набекрень, ежели не пить. А при хорошем хозяине другое дело.

– Спать можно целый день? Нет, брат, шалишь! В большом заводе, наоборот, легче спрятаться, чтобы баклуши бить. У хозяина не поспишь! Но нужен мне не ученик, чтобы напильником махал, а ловкий человек. Чтобы заказы собирал. Сделать я все сам сделаю. А заказы, так и говори, Форосков берет любые. Запомнил? Любые.

Так в селе Сормове появился новый обыватель. Поселился он действительно в номерах Яшина, рекомендованных ему извозчиком. Лавка бывшая Рютина механику не подошла – негде поставить станок. Форосков снял десять квадратных сажень по соседству, в доме волостного правления, и поместил там вывеску: «Ремонт всяких механизмов». И начал обживать.

Через две недели у окружающих его людей сложилось уже о Петре Зосимовиче определенное мнение. Ясно, что человек при деньгах, ежели может позволить себе обедать чуть не каждый день в «Белой акации». Отнюдь не утруждает себя работой в мастерской, в которой и сидит-то не

всякий день. Приносили тут ему в починку дорогие часы, хорошую плату сулили – не взял, сказал – некогда. А сам о ту пору бездельничал... Но руки у механика и впрямь оказались золотые, и делать он умел все. Когда хотел. Хозяин номеров, Яшин, раскопал старинное ружье, еще наполеоновской войны, ломаное-переломаное – так Форосков его за день отремонтировал! Сказав при этом, что оружейные механизмы – его любимые. Инженеру Кублицкому-Пиотух починил хитрый бельгийский револьвер, причем половину деталей к нему выточил заново.

Далее. Паспорт, что снесли уряднику на прописку, оказался выдан Брянской ремесленной управой. Сам же Форосков неохотно рассказывал о своем предыдущем житье-бытье. Из случайной его оговорки выяснилось, что жил он ранее вовсе не в Брянске, а в Балакове и почему-то должен был оттуда спешно уехать. Еще механик никогда не посещал Нижний Новгород: если что-то требовалось, он посылал туда извозчика Пужалова с точными инструкциями. Видимо, не любил господин Форосков людных мест...

На четвертый день пребывания в Сормове Петра Зосимовича встретили вечером местные портяночники^[57], когда он возвращался из «Белой акации». Трое архаровцев с кистенем поджидали его в подворотне. На требование отдать лопатошник^[58] по-хорошему приезжий человек без разговоров заехал Яшке-Жигану в морду. Качественно так заехал, три зуба сразу на выход... А когда яшкины компаньоны бросились выручать главаря, механик мигом вынул револьвер и щелкнул курком.

– Цыц! – сказал он им внушительно и принялся месить поверженного Жигана ногами. Замесил на совесть; Яшка потом неделю встать не мог.

На следующее утро к Фороскову заглянул урядник. Дюжий мужчина с красным лицом, сизым носом и маленькими хитрыми глазками был строг и официален. Урядника интересовало, будет ли от механика требование составить о нападении протокол. Форосков в ответ выставил на ящик с инструментами бутылку коньяка и спросил задушевым голосом:

– А вам самому как лучше, э...

– Илья Ильич Едренов меня звать.

– ...Илья Ильич?

– Я по закону обязан составить протокол и донести о происшедшем господину балахнинскому исправнику. Ежели вы, к примеру, будете на том настаивать...

– А стоит ли зря беспокоить начальство, Илья Ильич? Мне эта бумажка без надобности. Я бы вот лучше с вами договорился, чтобы вы разъяснили местной шантрапе. Пусть от меня отстанут.

И механик одной рукой разлил в рюмки коньяк, а второй ловко засунул Едренову в карман шинели пятишницу. Урядник крякнул, по-молодецки ухнул стопку, глянул орлом и сказал:

– Приятственно иметь дело с обходительным человеком. А об шантрапе более не беспокойтесь...

– Хотел бы зайти к вам, уважаемый Илья Ильич, в удобное для вас время. Я тут человек новый, нуждаюсь в советах опытного и сведущего человека, как мне правильно дело повести.

– Завсегда поможем! То есть наш долг, как правоохранителей. В пятницу у меня маленький банчок в четыре часа. Винт. Будут здешние обыватели, серьезные деловики. Заходите, я вас приглашаю.

– Благодарен и обязательно приду. Очень меня обяжете, Илья Ильич, ежели разрешите мне и напитков с собой принести, способствующих поддержанию разговора.

– Как вам будет угодно, Петр Зосимыч; за тем откланиваюсь до пятницы!

Когда в условленный час механик пришел к Едренову, он застал у урядника двоих гостей. Первый оказался старшим табельщиком вагоностроительного завода, по фамилии Пинский – то ли белорус, то ли еврей, хмурый и желчный. Вторым был уже знакомый Фороскову владелец трактира «Белая акация» Вешкурцов.

– Аггей Титыч! – обрадовался Форосков, ставя на пол корзину с пивом. – Мечтаю увидеть вас противником по картам. Авось поквитаемся за ваши разбойничьи цены! Это ж грабеж средь бела дня: селянка по тридцать пять копеек! Вот о чем Илье Ильичу давно бы надо составить протокол...

И довольно рассмеялся собственной шутке.

Винт у урядника прошел веселее обычного. Механик умел держаться в обществе. Он развеселил даже мрачного табельщика скабрёзными анекдотами, тактично проиграл хозяину одиннадцать рублей и угостил компанию дорогим петцольдовским пивом. И в итоге ухитрился понравиться всем.

Вешкурцов целый вечер наблюдал за Петром и, уже расставаясь, сказал:

– Я слышал, вы восстановили ветхое ружьишко господину Яшину. Неужто сие возможно? Эдакий лом...

– Починить можно все, Аггей Титыч, были бы руки и голова.

– Вот кстати мы встретились! Я и забыл совсем! Приказчик, растяпа,

ключ потерял от нестораемого шкафа. А там бумаги важные, деньги... Не сумеете ли открыть?

– Проще всего динамитом, – рассмеялся Форосков.

– А вы и в нем специалист?

– Ежели потребуется, – уклончиво ответил механик. – Когда прийти?

– Завтра в десять, коли вам удобно.

Утром следующего дня Петр ковырялся в большом и тяжелом шкафу, а Вешкурцов с интересом помогал ему в этом. За сорок минут механик просверлил ручной дрелью отверстие в замке, после чего кувалдой и зубилом легко разбил и сам замок.

Благодарный трактирщик накрыл стол, и два новых приятеля крепко и неспешно кутнули. Аггей Титович заметил, что механик пьет с умом: не пьянея и не болтая лишнего. Охотно он говорил только об устройстве различных механизмов, в чем оказался большим докой. Вешкурцов завел беседу на модную тему оснащения нашей армии переделочными винтовками^[59], и Форосков прочел ему об этом целую лекцию. Он подробно, с большим знанием дела разъяснил трактирщику сравнительные недостатки и преимущества основных моделей, предлагаемых к переделке. По нему выходило, что лучше всех для русской армии подходит винтовка Бердана № 2, а не победившая в правительстве модель Крнки. Петр обмолвился, что служил оружейным мастером в 33-м Елецком пехотном полку, а в конце добавил:

– Все-таки я так скажу: лучшее ружье то, которое ты сделал для себя сам.

– Как это «сам», Петр Зосимович? Я могу сделать сам жаркое, пожалуй, изготовлю и наливку. Но ружье – увольте! Тут надобен целый механический завод.

– У каждого свое ремесло, Аггей Титыч. Хорошее жаркое я не выделаю никогда, а вот винтовку себе смастерил! В одиночку. Не только без завода, но даже без помощника! Получилось, скажу я вам, совсем даже неплохо. Хотите посмотреть?

– Любопытно. Неужели и ствол сами расточили?

– Нет, ствол самому изготовить нельзя, его пришлось покупать. Но все остальное вырезал я в Балаковских судоремонтных мастерских менее чем за месяц. Могу и вам винтовку сварганить, ежели захотите.

– Помилуйте, на что она мне? Разве, на охоту ходить, так для этого есть ружейные магазины.

– Хорошая винтовка, Аггей Титыч, завсегда пригодиться может. Рассудите сами: случись что, а она не купленная! Нигде не отмеченная.

Полиция никаких концов не сыщет, да и без толку такое оружие искать.

При этих словах Форосков замолчал и со значением поглядел на Вешкурцова. Тот спокойно ответил ему:

– Резон в ваших словах, Петр Зосимыч, имеется. Сормово – место опасное, разбойное; что ни шаг, то пьяница. А мне частенько приходится по делам ездить, и по ночам, да с денежными суммами. Покажите-ка мне ваш «кара-мультик». Хорошо бы из него и стрельнуть для пробы. Каков у него бой?

– На пятидесяти саженьях я из него воробья с ветки снимаю.

– О! Поехали смотреть.

– Да хоть сейчас. Только, Аггей Титыч, вы понимаете: такая работа дорогонько стоит!

– Сговоримся, ежели понравится.

Приехали в номера Яшина. Петр зашел в свою комнату, запер дверь и аккуратно приподнял половицу в углу у окна. Вынул длинный завернутый в кошму сверток. Раскрыл его и выложил на стол лоснящееся от смазки оружие. Глаза механика блестели, руки чуть-чуть подрагивали.

– Вот... Повторительная^[60] винтовка Фороскова. Помесь «берданы» с «вестлей-ричардсом». Калибр ноль сорок две сотых дюйма, вес десять и три восьмых фунта. В ложе магазин на десять патронов. Боевая спиральная пружина. Передвижная мушка с шестью переменными дисками. Ортоптический прицел с нониусом.

– С чем?

– С нониусом. Позволяет устанавливать прицельную дальность.

– И какова эта дальность?

– Триста ярдов. Это примерно сто десять саженьей. А дальность полета пули при восьмидесяти пяти гранах пороху – три тысячи девятьсот шагов.

– Лихо... А ствол, вы говорили, покупной?

– Да. Прусский, из города Зиль. Хороший ствол... Из дамасской серебряной стали, кован и сварен из четырех полос. Внутри нарезка по системе Ригби – один оборот на восемнадцать дюймов длины. Самая удобная нарезка, лучше Метфорда.

– Хгм... А пули?

– Я предпочитаю разрывные. Сразу и наверняка. Но делаю их сам, из обычных пуль Минье. Порох казенный, военный номер шесть, а внутри – разрывная смесь из антимония и бертолетовой соли.

– Впечатляет, Петр Зосимович. И сколько же вы хотите за нее получить?

– Полторы тысячи.

- Эко загнули! Я должен подумать и кое с кем посоветоваться.
- В таком деле, Аггей Титович, чем меньше ушей, тем лучше. Кто этот советчик?
- Надежный человек. Через три дня мы с ним заглянем к вам в мастерскую и, если сговоримся, сразу же и купим.

Прочитав рапорт Фороскова, Благово вызвал Алексея и спросил у него:

- Какая разница между боевой винтовкой и нарезным охотничьим штуцером?
- Разница имеется, и немалая. Но если надо застрелить кого-то с расстояния до восьмидесяти сажень, то они вполне взаимозаменяемы.
- Так... А достать охотничье ружье намного проще. Соображаешь, к чему я клоню?
- Соображаю. Пошел и купил; не надо часовых резать. Прикажете проверить все оружейные магазины?
- И чем быстрее, тем лучше. Причем не только в Нижнем Новгороде. Где они еще могут быть?
- В том же Сормове, но там Битюг вряд ли станет светиться. В Арзамасе, кажется, есть, и на Выксунских заводах; может быть, в Семенове.
- Подготовь телеграмму за подписью вице-губернатора. И обыщи весь Нижний.

Телеграмма не понадобилась. Вечером Лыков доложил начальнику:

- Нашел. Две недели назад в лавке Суровцева в Гостином дворе был куплен охотничий экспресс Шасспо четырехсотпятидесятого калибра. Это единственная такая покупка с начала года.
- А почему ты думаешь, что купили именно они?
- Формальный приобретатель – урядник Едренов.
- Вот это да! Прямо так и записался?
- Нет, он пришел с зятем и купил на его фамилию. Но приказчик магазина жил раньше в Сормове и узнал Илью Ильича.
- Плохо.
- Что плохо?
- Помнишь, что написал Петр? Решение по нему отложено на три дня. Для чего им понадобились эти три дня?

Лыков думал не более десяти секунд, после чего сказал:

- Они станут его проверять. Руками урядника. Значит, возможен запрос балаковскому становому приставу от имени балахнинского

исправника.

– Правильно. Бери полицейский катер и дуй на всех парах вниз; тут телеграммой не обойдешься.

Балаково – село в Самарской губернии, успешно конкурирующее с самим Нижним за право быть центром хлебной торговли всей империи. Создано в конце прошлого века вернувшимися в Россию из Польши старообрядцами. Оно похоже на Сормово: будучи формально селом, по числу жителей больше иного города. Статус Балакова стал его бедой. Управляется оно сельским сходом из полутора тысяч местных крестьян и имеет соответствующий мизерный волостной бюджет. Остальные пятнадцать тысяч человек балаковского населения по закону считаются пришлыми и в управлении никак не участвуют. А это и есть все богатые хлеботорговцы или их представители, а также многочисленные крючники, подвозчики, ссыпщики, скупщики-партионщики и прочий кормящийся возле хлеба народ. Получается денежное, но бесправное большинство, не заинтересованное поэтому в улучшении жизни огромного села. Отсюда легендарная балаковская грязь на немощеных улицах, отсутствие питьевой воды и наружного освещения, плохое здравоохранение. Говорят, весной расстояние от села до Волги, а это не более версты, телеги едут сутки (!), и лошади падают от изнеможения.

Когда через два дня Алексей явился в канцелярию балаковского станового, тот показал ему только что расшифрованный текст телеграммы:

«Прошу сообщить, имеются ли у вас данные на Петра Зосимова Фороскова, выдающего себя за брянского обывателя. Приметы: возраст 30 лет, рост 2 аршина 7 и 3/4 вершка, волосы русые прямые, носит усы, глаза серо-зеленые с прищуром, телосложение крепкое, над правой бровью короткий белого цвета шрам. Является искусным механиком. По сведениям, полученным агентурным путем, состоял балаковским ремесленником, замешан в противоправных действиях и спешно покинул село, скрываясь от полицейского преследования. Ответ прошу сообщить срочно телеграфом по шифру МВД номер 3 бис. Нижегородской губернии Балахнинский исправник титулярный советник Певуньин».

– Я уже распорядился навести справку, – сказал Алексею местный полициант, молодой белобрысый немчик с умными глазами. – Нету у нас никакого Фороскова, и никогда не было. И человека с такими приметами, чтобы бежал из волости, также не обнаружилось.

– Я знаю. Но ответ, в интересах проводимой нами операции, прошу дать следующий.

И Лыков вручил приставу лист с заранее заготовленным текстом: «На

ваш запрос сообщаю, что среди здешних мещан человек с фамилией Форосков не значится. Однако описанные вами приметы полностью подходят Ивану Михайлову Овцыну, бывшему старшему механику судоремонтных мастерских. В 1877—1879 годах указанный Овцын изготовил самодельное огнестрельное оружие для банды Тиунова, из коего было застрелено 9 человек. После ареста банды исчез в неизвестном направлении. По негласной установке, мог уплыть вверх по Волге до Нижнего или Ярославля. Объявлен в циркулярный розыск^[61]. Хороший стрелок; может быть опасен. Буде он окажется в ваших местностях, прошу принять меры к его арестованию и препровождению в Самару для предания суду. Балаковский становой пристав подпоручик фон Кубе».

Немчик с интересом посмотрел на Лыкова:

– Спектакль играете?

– Агента прикрываем. Для чего действительно разослали циркуляр, но только в пределах нашей губернии. Думаю, дальше их лапы не дотянутся. Прошу, однако, сохранить наш разговор в тайне. Телеграмму следует отправить немедленно.

Петр сидел в своей мастерской и паял, когда к нему неожиданно пришел Вешкурцов. Он привел с собой незнакомого мужчину, высокого, плечистого, с кистями рук, как у кулачного бойца. При этом смотрел гость цепким спокойным взглядом очень уверенного в себе человека.

– Знакомьтесь: Иванов Максим Нифонтович, мой обещанный приятель.

– Очень приятно. А я Форосков, Петр Зосимович.

Битюг-Иванов крепко пожал протянутую руку и ответил:

– И мне приятно, Иван Михалыч.

Договорить он не успел: механик отпрыгнул спиной к стене, и в руке его оказался «Смит-Вессон», причем с уже взведенным курком. Нацелив дуло револьвера прямо в лоб незнакомцу, Форосков сказал:

– Ну до чего люди прилипчивые бывают... Кто таков?

– Успокойтесь, господин Овцын, это не сыскная полиция. Я – Битюг. Слыхали?

Механик постоял еще секунды три и так же ловко, как вынул, убрал оружие. Но улыбаться гостям не торопился.

– А как прознал? Хотя... сам догадаюсь. Запрос послали в Балаково? От имени урядника. Так?

– Так.

– И теперь я у него вроде как на крючке... А у тебя какой ко мне

интерес?

– Давай сядем да потолкуем. Хочу тебя в работу нанять.

– Я вроде бы и без того при деле.

– Мое дело повеселее будет. Трудное, да лихое. Совладаем – можно всю остатную жизнь в картишки перекидываться. Рассказать?

Форосков запер входную дверь, быстро расчистил стол и полез было за рюмками, но Битюг попросил перо и бумагу и нарисовал следующую схему:

– Вот, смотри. Через четыре дня на Сормовский завод придет крупная партия денег. В пути их взять нельзя: конвой двенадцать казаков с офицером. Наличность поместят в «денежной комнате», там и попробуем ее забрать.

– Что за комната?

– Кассу заводского управления уже дважды грабили. До нас постарались... Поэтому о прошлом году дирекция распорядилась переделать для этих нужд старую водокачку. Находится она на задах котельного цеха, у глухой стены. Перед башней пустая площадка в сорок пять саженей, далее стоит бывший конюшенный сарай. Сейчас он, по ветхости, пустует... В самой башне постоянно дежурит часовой с винтовкой. Таковых людей четверо, они сидят по сменам. Как один – отставные егеря и хорошие стрелки, дирекция собирала их по всему Нижнему. Подкупить часовых невозможно.

– Зато вы подобрали к кому-то ключ, раз это все знаете. Кассир?

– Да. Он ходит туда ежедневно. Если надо взять денег для выдачи, то – с охраной. Но шляется и для ревизии, тогда идет один, с портфелем.

– Пусть сунет в нее шпалер и положит этого неподкупного героя.

– Боится. Он слабый человек. Типический Иуда: взять денег, а грязью пусть другие вымажутся. Но такие людишки тоже бывают полезны...

– Понятно. Надо подломать «денежную комнату», и чтобы кассир остался при этом вне подозрений. Убрать часового и вскрыть замки. Так?

– Так.

– Что из этого должен сделать я?

– И то и другое.

– Эвона как! Давай жить сообща: ты заплатишь, а мы съедим... И ломать я, и стрелять я, а вы чего?

– Застрелить охранника человек уже припасен, от тебя требуется только обучить его своей винтовке. Или сам желаешь?

– Не, я мокрых дел не люблю, за них много каторги дают. Научить – научу. А почему не напасть на охранника без пальбы? Подкрасться

незаметно и, когда он откроет кассиру, налететь?

– Дирекция это предусмотрела. К башне пристроены сени, и кассир входит сначала в них. Эта, первая, дверь открывается изнутри рычагом. Следующая, в саму башню – блиндированная, с бойницей. Если, как ты предлагаешь, налететь, то окажешься запертым с обеих сторон в сенях, а часовой расстреляет тебя из бойницы.

– Ловко!

Форосков снова внимательно рассмотрел план.

– Значит, вы хотите застрелить его из каретного сарая?

– Да. Часовой все время сидит у окна, он виден в нем по пояс.

– Ваш стрелок хорош?

– Он охотник. Всю жизнь зверя бьет, даже и спит с ружьем. Справится.

– А звук выстрела?

– Там же цех. Четыре паровых молота и пятьдесят клепальщиков. Из пушки можно палить, и никто не услышит.

– У вашего парня будет всего один выстрел. Если он промахнется или только ранит...

– Ты про себя думай, а не про него. Как двери ломать... Осилишь?

– Пусть кассир нарисует наружность запоров. Сломать можно все, ежели есть время. Сколько платишь?

– Пятнадцать тысяч. Сюда входят: продажа винтовки, обучение стрелка и слом запоров.

– А сколько там всего денег будет?

– Ишь, че захотел! Это тебя не касается.

– Тогда, любезный, я вынужден отказаться. Втемную не играю, на побегушках не служу.

– Кто ж тебе теперь даст отказаться, когда ты все узнал? – искренне удивился Битюг. – Собирайся, поедешь ко мне в Мышьяковку. Поживешь у меня эти четыре дня, сделаешь, что велено, и свободен. А цену – это, чуван, не тебе назначать; бери, сколь дают. Со мной не шутят.

Форосков посмотрел на Битюга и недобро улыбнулся.

– Ты, значит, за меня уже решил? Поторопился маленько... Я тоже не того замесу и тоже шуток с собой не позволяю. Сколько у тебя ребят там, под дверью?

– Трое.

– Подходяще. Первую пулю тебе, дураку, в лобешник, вторую – Аггею, и в черный ход. Ежели там кто стоит – пусть не обижается... Подходит тебе такой план?

И Форосков опять мгновенно выхватил «Смит-Вессон» и нацелил его

Иванову прямо в голову. Вешкурцов изрядно смутился, но Битюг и ухом не повел.

– И далеко ли ты убеgehшь после этого? – насмешливо спросил он Петра. – Едренов наготове, даже из Сормова не выберешься.

– А тебе к этому времени уж все равно будет, выбрался я или нет, – в тон ему ответил Форосков. – Это поперву. А второе: дальше-то что? Ну, возьмут меня. Отвезут в Самару. Приговорят в каторжные работы. И в аду обживешься, так ничего... А уж с моими-то руками! Да я там через день уже на легкую переведусь, а через два – в вольные. А через три сбегу... Приеду в Сормово, цветочки на твою могилку положу. Ась?

И он принялся водить стволом револьвера с одного собеседника на другого:

– Эники-беники... ели вареники...

Вешкурцов откровенно заерзал на стуле, поглядывая с надеждой на дверь, но Максим остался невозмутим. Он спокойно смотрел на механика, не обращая внимания на оружие, и размышлял.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Как ты хочешь?

– Я хочу по-честному.

– Будет по-честному. Мое слово.

– А сколь оно стоит, твое слово?

– Поведешься со мной – поймешь. Уговор, что ли?

– Сколько в башне?

– Через четыре дня будет шестьсот тысяч.

– Бумажками?

– Треть золотом, на сто тысяч купонами, остальное банковскими билетами.

– Купоны разных серий?

– Этого я не знаю. Вынем, посмотрим.

– Сколько народу в деле? Как дербанить^[62] собираешься?

– Первое – кассир. Ему восемьдесят, без его помощи никак. Потом охотник, пяти тысяч за единый выстрел достаточно. Моих ребят семеро, по десять больших^[63] на брата. Едренову тридцатник. Сколько улетело?

– Сто восемьдесят пять.

– Ну вот. Тебе пятнадцать, мне все остальное.

– А не много?

– Там будет изрядно мелких расходов. Экипажи, новые документы всем вам, балахнинского исправника подмазать, чтобы не шибко старался нас ловить... Это – из моей доли.

– Все равно много. Я могу быстро сбыть купоны. Три дня. Любые серии.

– Какой лаж?

– Четыре с половиною процента.

– Годится. Тогда купоны мы делим с тобой пополам, остальные не при делах.

– Годится.

Форосков убрал револьвер за пояс, а взамен выставил бутылку рябиновой на коньяке и три рюмки.

– Вот теперь и в Мышьяковку можно ехать. Только сидеть там четыре дня на привязи я не могу. Нужно кое-что купить. Приставь ко мне человека, чтобы было тебе спокойней, и дай экипаж.

– Напиши, что нужно, и тебе все привезут.

– Нет, так не получится. Огнеприпасы я должен купить сам и бумагу тоже. Иначе не отвечаю за свою работу.

– Какую еще бумагу? Ты стрелять собрался или в отхожее?

– Патрон, Максим, нужно завернуть в специальную вощеную бумагу. Повышается точность боя. Не забудь – только один выстрел!

– Ладно, шут с тобой, катайся. Это все есть в Сормове или потребуется ехать в город?

– Огнеприпасы должны быть в магазине Лашенова в Дубравной улице. Антимоний и бертолетова соль – там же. Бумагу я еще неделю назад заказал Ерусалимскому с Песков, должен уже раздобыть.

– Ерусалимскому? Однорукому? Он тут при чем?

– Он может что угодно достать, парень верткий. Всех расходов будет рублей на пятьдесят, я оплачу, а потом сочтемся.

– Лады. Мы с Аггеем пошли. Даю тебе час на сборы, инструменты не забудь. Коляска с моим человеком у входа. Не мельтеши зря эти дни. Встречи, закупки – только самые необходимые.

Форосков собрался за полчаса. Приставленный Битюгом парень – белобрысый, с оспинами на розовом лице – держался вежливо, но настороженно. Механик погрузил в экипаж винтовку и ящик с инструментами, приказал:

– Валяй на Пески, в кабак «Нечаянная радость».

В заведение они зашли вместе. Увидев гостя, Ерусалимский порывлся под стойкой и выложил небольшой квадратный сверток.

– Вот, достал.

Петр распаковал сверток и достал пачку тонкой промасленной папиросной бумаги, размером два на два вершка. Потер в пальцах, понюхал

и молча протянул целовальнику трешницу. Белобрысый перехватил его руку, забрал купюру и очень внимательно ее рассмотрел. Не нашел ничего подозрительного и только тогда отдал деньги кабатчику.

– Теперь в магазин Лащенко.

Через минуту после их ухода в углу зашевелился крепко пьяный парень с покатыми плечами (это был Лыков). Грузно поднявшись, он подошел к стойке и приказал хрипло:

– Косушку давай!

Ерусалимский ловко вылил ковшик с водкой в оловянный стакан. Парень долго выбирал из ладони медяки, один уронил и, бранясь, стал ползать по полу в поисках монеты. При этом незаметно сунул в сапог туго свернутый бумажный шарик, только что перед этим выброшенный Форосковым. Поднялся, опрокинул в себя стакан, кивнул молча неведомо кому и шагнул к выходу. У двери парня мотнуло, он ударился об косяк, опять ругнулся и под общий хохот вышел наконец вон.

– Смотрите, дураки, – обратился Ерусалимский назидательно к публике, – будете вот так-то лопать – и башку расшибете!

Через два часа Лыков расшифровал второй рапорт Фороскова и пошел к начальнику отделения. Прочитав текст, Благово вызвал Титуса, и они втроем отправились к полицмейстеру.

Николай Густавович Каргер очень не любил принимать рискованных решений. Его можно было понять: сорок лет беспорочной службы, скоро на покой... Но сыщики были настойчивы.

– Смотрите, ваше превосходительство, что предлагает Форосков, – Алексей разложил листы рапорта на столе полицмейстера. – Под предлогом того, что выстрел будет только один, он навязывает бандитам использовать разрывную пулю. Звучит страшно, но на самом деле все не так. Легкая пуля Минье состоит из медной оболочки, облитой свинцом, и внутреннего стального стержня. Стержень Петр извлечет, а взамен заложит туда разрывную смесь. При соотношении антимония и бертолетовой соли один к одному пуля лопнет даже от попадания в лист газеты. В нашем случае она попадет в стекло, за которым сидит заранее предупрежденный охранник. Изнутри мы оклеим стекло бычьим пузырем. Пуля ударяется, взрывается, и пузырь не дает осколкам стекла разлететься и поранить караульного. Внутри проходят только осколки самой пули, точнее, ее облегченной оболочки. Стрелок, естественно, станет целить не в голову охраннику, а в грудь – так меньше риск промахнуться. Вот... На охраннике будут: сначала толстая шинель, затем мой бронебойный панцирь, и под ним – войлочный поджилетник. Такая защита выдержит не только мелкие медно-свинцовые

осколки, но и полноценную пулю!

– И ты берешься объяснить часовому, что его жизни ничего не угрожает? Он ведь должен добровольно встать под выстрел.

– Боевому человеку объясню. И я такого уже нашел. Одним из четверых сторожей служит Кузьма Лошаков. В соседнем со мной полку воевал, опытный. Если понадобится, я сам залезу в панцирь. Кузьма в меня выстрелит, убедится, что безопасно, и согласится.

Каргер фыркнул:

– Экой молодец! Ты – на тот свет, я в отставку без пенсии. Славно придумал! Что-то вы, сыскные, совсем у меня распоясались. То женщин травите ядовитыми грибами, теперь вот сами вместо мишеней в тире... Распустил я вас.

– Николай Густавович, – вмешался Благово, – вы же старый охотник. Форосков уменьшит пороховой заряд на треть. Самое страшное, что угрожает охраннику, это легкая контузия. Ну, может, еще понос прошибет...

– Это если ему попадут в сердце. А ну как в голову?

– Дирекция завода объявила крупную премию. Человек встанет под пулю сознательно; если, не дай бог, случится несчастье, его семья окажется обеспечена.

– Нет ли другого способа? Чтобы в людей не палить...

– Если мы их в башню не заманим, вот тогда может пролиться много крови. В банде более десятка уголовных, все отчаянные. Уж лучше так.

– Хорошо. Операцию разрешаю.

Оставшиеся четыре дня до налета Форосков прожил в двухэтажном доме Битюга в Мышьяковке. Выселок Сормова, эта дрянная деревенька, была полностью во власти банды Иванова. Около дюжины варнаков поселились в четырех халупах возле своего маза^[64]. Один из них даже числился сельским стражником и разгуливал по улицам с полицейской бляхой!

Петра поразила дисциплина в банде. Все приказания Битюга выполнялись беспрекословно. Он запретил пить перед налетом – и матерые громилы перешли на квас. В выселке отряд Иванова квартировал открыто, держался властно и делал, что хотел. Однако местное население, само полууголовное, относилось к этому, как говорится, со всей душой.

На второй день Форосков познакомился с кассиром. Маленький лысый человечек, с постоянно шмыгающим носом и ватными шариками в ушах, нарисовал внешний вид всех дверных запоров. Первая дверь – с улицы в

сени – открывалась рычагом изнутри и была обшита железной полосой. Ее можно было выбить хорошим ударом кувалды. Вторая дверь, из сеней в саму башню, являлась более серьезной преградой. Блиндированная и оборудованная бойницей, она запиралась на два внутренних засова. Требовалось сначала рассверлить железный косяк, а затем выбить языки засовов из пазов. Порывшись в своих инструментах, Форосков сказал Максиму:

– Прорвемся.

Затем пришел стрелок со звучной фамилией Дешевов. Судя по синему в прожилках носу, охотился он в основном на выпивку. Вскоре выяснилось, что парень еще и хвастун. Когда он рассказал, как с двухсот сажень завалил бегущего лося, Петр погрузился и прямо заявил мазу:

– Подведет. Или пьяный явится, или промажет.

Но Иванов уперся:

– Я за него отвечаю. Когда надо, он будет в ажуре; проверенный человек.

Пришлось Фороскову учить Дешевского стрелять из своей винтовки. Извели две дюжины зарядов, паля по пустым бутылкам, поставленным на пятидесяти саженьях. Последние десять раз охотник не дал ни одного промаха и здорово загордился, Битюг тоже был доволен.

Последней прошла рекогносцировка местности. Петр, Максим и стрелок будто невзначай прошли из котельного цеха мимо бывшего каретного сарая. Мельком взглянули на башню: солидное сооружение! Наверху, видимый в окне по пояс, сидел усач с ружьем и внимательно наблюдал за всем вокруг. Но огневая позиция была удачной: если проникнуть в сарай с другого конца и целиться в сторожа из-под ставня, наверняка останешься незамеченным.

На этом подготовка завершилась, осталось только ждать.

Утром в день налета Максим разбудил Фороскова и сказал только одно слово:

– Привезли!

После этого все начали собираться. Двое утюгов должны были остаться у пролеток; в саму башню, кроме механика и маза, идут еще пятеро. Бандиты оделись неброско, в мешковатые поддевки, скрывающие спрятанное на теле оружие. Форосков прихватил с собой ящик с инструментами и полупудовую кувалду, отдельно положил в коляску завернутую в кошму винтовку.

Три пролетки с седоками стояли на улице, не хватало только стрелка.

Тот опаздывал уже на десять минут. Битюг нервничал, поглядывая на часы, и вполголоса ругался. Наконец Дешевов появился в конце порядка. Даже отсюда было видно, как его мотает от забора к забору...

Иванов посмотрел на Фороскова, тот ответил ему понимающим взглядом.

– Сколько возьмешь?

– Плюсом десять тысяч. Тебе наука – слушай умных людей!

– В первый раз по человеку стрелять будешь?

– Не твое дело! Не бойся – попаду.

Пролетки тронулись с места. Поравнявшись с незадачливым охотником, Битюг велел одному из бандитов остаться и убрать пьяного с улицы. При этом сказал:

– Чтобы я его больше не видел. Никогда.

В завод въехали поодиночке. Сторожа на воротах не обратили на них внимания и вообще вели себя лениво. Пролетки собрались за каретным сараем. Там их уже ожидал кассир с портфелем в руках.

Форосков расчехлил винтовку, зарядил ее и осторожно проник в сарай. Битюг не отставал от него ни на шаг и внимательно следил за манипуляциями механика. Подобравшись к окну, тот выглянул из-под ставня. Охранник отчетливо виднелся в окне: он спокойно курил, держа ружье у плеча.

– Я готов, – шепотом доложил Петр мазу.

– Кассир, пошел!

Форосков положил ствол на подоконник и тщательно прицелился. Человек в окне увидел выходящего из-за угла кассира и махнул ему рукой. Тут раздался выстрел, в стекле напротив сердца охранника что-то взорвалось, и образовалась дыра размером с кулак. Самого же сторожа как ветром сдуло...

– Бегом, бегом! – рявкнул Максим, и семь человек бросились к башне. Кассир же, сделав свое дело, засеменил в дирекцию.

Подскочив к сеним, бандиты обступили их и закрыли собой Фороскова от посторонних глаз. Тот быстро и ловко высверлил в деревянном косяке дыру, вставил туда закаленный пробойник и сильно ударил по нему кувалдой. Дверь сразу распахнулась. Налетчики мигом набились в сени, закрылись изнутри и перевели дух.

В маленьком помещении было тесно и темно. Битюг находился сразу за Форосковым, Вешкурцов замыкал колонну. Все стояли молча и внимательно прислушивались. Если сторож еще в состоянии сопротивляться, он перебьет сейчас через бойницу половину отряда... Но

из-за блиндированной двери не доносилось ни звука, и Форосков снова взялся за дрель.

Сверлить отверстие в железном косяке пришлось намного дольше. За это время по двору проехала телега, двое рабочих протащили обечайку. Никто не обратил внимания на дыру в стекле и отсутствие часового в окне, все оставалось спокойно.

Наконец Петр отложил дрель, вставил пробойник и взялся за кувалду. Оглянулся через плечо:

– Дайте место.

Остальные отступили к задней двери. Форосков занес кувалду над головой. Тут вдруг дверь в башню приоткрылась, чья-то рука схватила механика за грудки и одним рывком вдернула внутрь. Лязгнул засов, и снова стало тихо...

Все опешили. Первым опомнился Битюг. Он подскочил к двери и выкрикнул в бойницу грубую матерную брань. Немедленно оттуда высунулся длинный ствол «ремингтона» и уткнулся ему прямо в лоб. Щелкнул взводимый курок, и спокойный голос скомандовал:

– Брось шпалер!

Иванов тут же положил револьвер на землю. Вешкурцов, прикрываясь другими бандитами, бесшумно выскользнул на улицу. Там его поджидал плечистый парень в тужурке механика. Он дружелюбно улыбнулся Аггею Титычу и сказал:

– Здравствуйте, любезный. Не желаете ли узнать, что у меня на голицах написано?

И приложился на совесть. Словно взрывная волна ворвалась в тесные сени; сразу двое или трое налетчиков, сбивая друг друга, полетели на пол. Через минуту всех их, уже скованных наручниками, рассаживали в полицейские пролетки. Битюга сразу же отделили от остальных и повезли в секретную камеру полицейского управления, на допрос к Благово.

Отдав последние распоряжения, Лыков стукнул в блиндированную дверь. Она вскорости открылась. Титус, Форосков и сторож Лошаков сидели наверху у простреленного окна и беззаботно распивали осьмуху водки. Лошаков был немного контужен осколками разрывной пули, но веселился больше всех. И понятно почему! Удивительный план Фороскова полностью удался. Панцирь с поджилетником погасили осколки пули, бычий пузырь уловил битое стекло. Теперь страх выходил из человека, выдержавшего ружейный выстрел, в форме бурной радости.

– Ну, ты молодец, Кузьма Иваныч! – Алексей уважительно похлопал охранника по плечу.

– Да, славно жить на белом свете, – ответил Лошаков. Подрагивающей рукой он налил себе новую порцию и обратился к Петру: – Мил человек! давай еще махнем! За твою меткость!

Только через час, изрядно захмелевшие, сыщики вышли из башни; пьяного сторожа отвезли домой.

По Сормову до вечера сновали полицейские пролетки, шли обыски и аресты. Внезапная облава выявила множество беспаспортных, несколько беглых в розыске, тайные притоны с ворованными вещами. Урядник Едренов сел в соседнюю камеру с людьми Битюга. Балахнинский исправник распоряжением губернатора был отставлен от должности без прошения и отдан под суд. На его место назначили приятеля Благово, еврея из выкrestов, Гуревича – человека жесткого и деятельного^[65]. В селе был создан полицейско-жандармский пункт с усиленными штатами, руководимый отдельным приставом. Ерусалимский срочно и тайно переехал в Нижний Новгород со всем семейством.

Через три месяца был объявлен приговор. За убийство купца Телятникова с приказчиком и приуготовление вооруженного ограбления заводской кассы Иванов получил четырнадцать лет каторжных работ. Спустя час после оглашения в пивную на Почтовом съезде зашел невзрачный паренек. Спросил «ермолаева» и баранок. Когда Ерусалимский поставил перед ним кружку с пивом, посетитель неожиданно схватил кабатчика за единственную руку и сильно дернул на себя. Тот не удержался на ногах, шлепнулся грудью об стойку и мгновенно получил удар ножом сверху под левую лопатку. Затем убийца вынул клинок, вытер его об одежду жертвы и быстро вышел. Никто из посетителей пивной не решился его преследовать. Личность преступника осталась не выясненной, преступление никогда не было раскрыто. Видимо, Битюг и из острога продолжал руководить своей бандой.

Так кровью началась и кровью закончилась история о происшествии в Окском батальоне.

Смерть провизора

Нижний Новгород знаменит специалистами по карманной выгрузке. Особенно в ярмарку сюда съезжаются маровихеры со всех концов империи, дополняя местную колонию. Представители прочих преступных профессий также имеются в изобилии, и среди них попадаются иногда удивительные артисты. Находясь при уголовном сыске уже двенадцатый год, Благово насмотрелся всякого. Однако на этот раз его ожидало нечто новенькое; век живи – век учись!

Они с Лыковым возвращались в управление после облавы на Гребешке. Обитатели тамошних притонов поздно ложатся и поздно встают. Полицейские пришли в пять часов утра и застали спящее царство... Целью облавы было схватить знаменитого Сорокоума – «счастливца»^[66] из Гатчины, автора громкой аферы с Русским нефтяным банком. Собрав с солидных людей более миллиона рублей и выдав им взамен вкладные листы^[67] несуществующей конторы, мошенник скрылся из столицы. Среди обманутых ротозеев оказался великий князь Сергей Александрович, поэтому команда «схватить!» пошла по всей России. Будто бы Сорокоума видели на «мельнице»^[68] Рекимчука в Новой Никольской улице. Благово не верил этому, но обязан был отреагировать. Кроме того, начало июля – через две недели ярмарка! Самое время почистить Гребешок...

Никакого Сорокоума, конечно, они не нашли, зато поймали много прочего лихого народа. В частности, попался Мишка Рябой из разгромленной недавно в Сормове банды Битюга. Тот самый, что резал в прошлом году несчастного купца Телятникова... Сведения о том были уже получены следствием, недоставало лишь указанного Мишки. Теперь негодяя приобщат к делу, и поедет он в Нерчинские кабинетские прииски добывать свинцово-серебряную руду...

Поэтому Благово возвращался в управление полиции в хорошем настроении. Неожиданно он вспомнил, что завтра юбилей у пристава Макарьевской части подполковника Львова – двадцать лет в офицерских чинах. А сыскное отделение все еще без подарка! Статский советник велел завернуть в лавку серебряных вещей Телогреинова, что в Болотовом переулке. Оставив Лыкова в коляске, он зашел внутрь один и сразу же обратил внимание на этого человека. Богато одетый, с важным и капризным лицом, тот сидел в креслах и перебирал перстни, которые в футлярах подносил ему сам хозяин. Что-то было в покупателе фальшивое,

актерское, хотя он и очень старался выглядеть бонтонно. Вдруг, незаметно для ювелира, господин проделал фокус, обличивший его сущность.

Благово немедленно удалился на улицу и махнул рукой, подзывая своего помощника. Алексей по-молодецки выпрыгнул из коляски, подошел своей легкой пластунской походкой.

– Что случилось, Павел Афанасьевич?

– Там один дядя лавку обкрадывает. Не выпускай его, когда побежит.

– Есть!

Лыков заступил в караул, а Благово вернулся в помещение и принялся рассматривать лежащие на витрине папиросники. Покупатель тем временем закончил выбирать товар. Отложив золотую полупарюру^[69] с бриллиантами, он осведомился:

– Почем встанет?

– Четыре тысячи восемьсот сорок рублей-с, для вас сорок рубликов снимем-с. Антверпенская работа!

– У меня нет сейчас при себе таких денег. Я оберну купон, а заодно и отобедаю и... э-э... часика через два вернусь. И все выкуплю. Не убирайте далеко.

– Слушаю-с. Прикажете пока красиво оформить?

– Пожалуй. Так я не прощаюсь.

И господин, помахивая тросточкой, направился к выходу. Тут-то Благово его и окликнул:

– Эй, любезный! Вы ничего не позабыли?

«Любезный» недоуменно посмотрел на незнакомца, оглянулся – может, оставил что в креслах – и спросил:

– А вы кто, собственно говоря, такой?

– Начальник сыскной полиции статский советник Благово. С кем имею честь?

– Заводовладелец Гаупт, из Шуи. Что же, по-вашему, я забыл?

– Из Шуи... Шуяне беса в солдаты отдали, как говорят в народе. А еще есть такая поговорка, – обратился сыщик уже к ювелиру. – «Люди нынче таковы – уведи что с чужого двора, так и вором назовут!» Это про вашего покупателя господина Гаупта поговорка. Хотя он наверняка никакой не Гаупт, да и в Шуе никогда не был.

– Милостивый государь! – звенящим фальцетом начал заводовладелец. – По какому праву, извольте объясниться, вы затеяли свою выходку?

– Сапогиними, – лаконично приказал ему в ответ статский советник. Этого оказалось достаточно: важный господин, как мальчишка, бросился

наутек. Он юркнул мимо опешившего ювелира, выскочил на улицу, но тут же был занесен обратно поджидавшим его у выхода Лыковым. Алексей аккуратно поставил покупателя посреди залы, оглянулся на начальника.

– Помоги ему снять сапоги. Начни с левого.

Титулярный советник легонько толкнул «шуянина», и тот полетел в кресло. Подскочил Телогреинов, одним рывком сдернул с его ноги сапог, развернул подошвой к себе и воскликнул:

– Экий подлец!

Лыков заглянул ему через плечо и увидел интересную картину. Каблук сапога был выдолблен изнутри и заполнен варом^[70], и в этом варе увязли два перстня с крупными камнями.

– Самые лучшие взял, мерзавец! На три бы тысячи нагрел! Весьма, весьма вам благодарен, ваше высокородие, сам-то я ничего не заметил.

Во втором сапоге золотых вещей не оказалось. Ювелир продолжал бегать кругами и причитать, вор флегматично смотрел в сторону.

– Он незаметно ронял ваши перстни на пол и наступал на них сапогом, – пояснил Благово хозяину. – А в футляр вкладывал взамен дешевую подделку из начищенной меди со стразами. Вам повезло, что я зашел... Такое преступление отмечено в полицейских сводках только единожды. В прошлом году, в Петербурге. Полагаю, если мы этапирруем господина Гаупта в столицу, там его опознают.

«Шуянина» загрузили в пролетку и под благодарное бормотание ювелира уехали в управление. Павел Афанасьевич решил поискать подарок Львову в другом магазине, чтобы покупка не напоминала взятку...

Однако сегодняшние приключения Благово на этом не закончились. Войдя в свою приемную, он обнаружил в ней крайне расстроенного человека, облаченного в драный шлафрок.

– Серж! Что ты тут делаешь, и в таком виде?

– Паша! Глазам не верю... Ты не служишь ли здесь?

– Я начальник нижегородской сыскной полиции.

Человек воздел голые руки к потолку и прошептал:

– О Боже всемогущий и милостивый, благодарю тебя!

А затем обратился к Благово:

– Паша, это он мне тебя послал. Спаси!

Сыщик толкнул дверь в кабинет:

– Проходи, рассказывай.

Человека в шлафроке звали Сергей Голенищев-Кутузов-Толстой, и он был товарищем Благово еще по Морскому корпусу. С тех пор, как в 1855 году юный мичман вышел из корпуса на Черноморский флот, приятели не

встречались. И вот он здесь, и без кортика...

– Ну у тебя и наружность, Серж! Ты в отставке? Что произошло?

– Не видал ты меня в красный день да при лучине, – грустно усмехнулся обладатель тройной фамилии. – Нет, я не в отставке; служу капитаном второго ранга в Сибирском флотском экипаже, команду канлодкой. В Нижнем Новгороде проездом, возвращаюсь в свой Владивосток из министерства. Завтра должен был пересест на пароход до Казани. А что в таком виде – это, брат, благодаря женщине. С которой познакомился вчера на улице.

– Красивая, рыжая и бойкая? Вдова жандармского полковника. Заговорила с тобой первая и сама предложила ехать в номера. Так?

– Так. Только не жандарма вдова, а драгуна. Но... хотя понимаю. Я не первый?

– Уверяю, друг мой, что и не последний. Этот вид преступления сравнительно новый в России. Его придумали и первыми применили варшавские евреи, называется он «хипес». Обычно хипесники гастрوليруют по столицам. К нам что-то рано, до ярмарки еще две недели.

– Ты их знаешь?

– Я знаю их типические приемы. Такая, брат, служба: я большой специалист по разным видам дерьма... Вы распили в номере бутылку вина, начали заниматься своими безобразиями, а потом ты уснул. Проснулся нынче утром с больной головой, без рыжей плутовки, без вещей и без денег. Так?

– Ты словно за занавеской стоял... Именно так все и было.

– За занавеской стоял не я, а ее сообщник. Хипесники обычно поселяются в двух соседних номерах, соединенных замаскированной дверью. Красивая жантильная^[71] женщина с эдакой чертовщинкой в глазах...

– Вот-вот!

– ...и в паре с ней один-два крепких мужчины. Женщина очень умело выбирает из толпы жертву. Ей нужен человек семейный, но падкий до приключений, эдакий мышинный жеребчик. У них это называется «фраер», а в народе – «саврас». Извини, Серж, но сие и про тебя... Холостяки и вдовцы не котируются. Понятно почему. Женатый мужчина, лишившийся денег в чужой постели, в большинстве случаев не решится обратиться в полицию. В чистом виде хипесники обворовывают жертв в процессе, так сказать, любовных утех. Отличительная деталь хипеса – единственный стул во всей комнате. Мужчина кладет свою одежду на него. Через скрытую дверь сообщники бесшумно уносят платье, обчищают бумажник и

возвращают одежду обратно. Потом женщина торопливо выталкивает любовника под предлогом скорого возвращения, например, матери. И только спустя какое-то время любитель приключений обнаруживает, во что обошлась ему получасовая интрижка. В большинстве случаев ребята берут не всю наличность. Из-за крупной суммы иной не побоится и огласки... Ты же стал жертвой русской разновидности изящного варшавского хипеса. Когда опоили и забрали все, включая штаны. Вообще же тебе повезло. В Харькове на прошлой неделе хипесники зарезали очередного ротозея. Принялись чистить карманы, нечаянно нашумели, он проснулся и...

– Б-р-р! Но, Паша, я же тебе не все рассказал! Бог бы с моими деньгами, но эта стерва утащила у меня мундир, ордена и форменный служебный билет! Представляешь, что меня ждет, если об этом узнают мои жена и начальство! Полиция ведь обязана составить протокол... Так что, Паша, выручай старого товарища, вся надежда только на тебя. Понимаю, что ни вещей моих, ни денег ты не сыщешь – и поделом мне! Помогни только наново обмундироваться на твой счет. Вернусь во Владик – тут же вышлю.

– Сережа, успокойся и более не расстраивайся. Утешь себя тем, что иначе мы бы и не встретились. Я же главный сыщик здесь! И использую служебное положение. Начальство, равно как и жена, ничего не узнают. Никаких протоколов, разумеется, не будет. Мундир мы тебе построим. Поживешь пока у меня на правах дорогого гостя. На пропажу орденов и форменного билета выдадим тебе справку за подписью полицмейстера, что тебя обворовали спящего, в поезде. Это теперь сплошь и рядом.

– Паша! Благодарить!

– Сейчас заберем из гостиницы то, что они тебе оставили, я оплачу счет и – ко мне. По пути заедем к портному, снимем мерку. У нас есть хороший военный портной. А в нашем депо при сыскном отделении тебя приоденут и загримируют. Несколько дней, покуда шьется мундир, будешь ходить по городу с моим агентом и искать эту рыжую шельму. Мы еще посмотрим, чья взяла! Отольются кошке слезы капитана второго ранга!

Тут в кабинет зашел Титус и доложил:

– Павел Афанасьевич, записка из Первой Кремлевской части. Пропал Мойша-Рива Бомбель, провизор с Алексеевской улицы. Грабеж с подозрением на убийство. Просят выехать на место происшествия.

– Паша, не бросай меня! – взмолился Голенищев-Кутузов-Толстой. – Я только белый свет взвидел!

– И то правда, – охотно согласился Благово. – У меня, чай, помощники есть. С утра облава, затем этот мошенник с варом в сапогах, теперь

подозрение на убийство... Я встретил старого товарища! Никуда не поеду. Ты, Ян, чем сейчас занимаешься?

– Фальшивыми закладными на земли в Привисленском крае.

– Хорошее занятие. Тогда пусть Лыков едет на Алексеевскую и разбирается. Он парень здоровый, молодой, не уезженный – вот пусть службу и несет. Я в его годы на вахте... за целый пароходофрегат... Передай ему мое приказание.

И Благово снова обратился к приятелю:

– Ну, давай, Сережа, рассказывай.

– Про что?

– Про новинки. Я ведь отстал от флота. Какая толщина у основного броневоего пояса на твоей канонерке?

Так Алексей поехал на предполагаемое убийство, надеясь в душе, что тревога ложная.

Аптека Бомбеля находилась на углу Алексеевской улицы и Ковалихинской осыпи и выходила окнами на Звездин пруд. Тихое, но многонаселенное местечко; хватает и больных. Судя по витрине, дела у провизора шли неплохо. До сих пор...

У входа в лавку титулярного советника уже поджидали помощник пристава, дворник и хозяйка домовладения, купеческая вдова Вихорева.

– Вот, ваше благородие, такой жилец был тихий да хороший, – запричитала вдова. – Завсегда при деньгах. Может, его уж и живого нет? Кажинный день в восемь часов у меня во втором этаже завтракал, опосля чего шел аптеку отпирать. И квартировал здесь же, во флигеле. А нынче нет и нет, нет и нет... Я во флигель-от стучусь, а ни гу-гу. Я в лавку – там заперто. Заглянула-от в щелку между ставнями, а тама погром! Я сразу Василия в часть послала. Замки-от целы, а внутри погром... Чудеса.

Дворник Василий, с отечным лицом пьяницы, подтвердил сказанное вдовой коротким «угу».

– Ты ночью шума не слышал? – спросил его Алексей.

– Тихо все было, вашебродие, – кротко доложил Василий. – Мимо нас, напримерно, и муха не пролетит!

И дыхнул на сыщика таким перегаром, что едва не свалил с ног.

– Внутри заходили? – поинтересовался Лыков у помощника пристава, молодого и румяного поручика Григораша.

– Нет, только дверь отперли запасными ключами и ставни. Замки не сломаны, значит, он сам впустил тех, кто рылся. Как увидели, что внутри, вызвали сыскное. Думаешь, здесь убийство, да? При мне в части еще не было убийства...

– Эх, Павлуша! Наглядишься до пенсионера. Пошли.

Полицейские зашли в аптечную лавку. Погром действительно был. На полу валялись ящики от буфета, какие-то пустые коробки и несколько склянок. На окне, не тронутая, стояла большая банка с пиявками. Видно было, что искали второпях. В углу на столе виднелись серебряные ступка и пестик, рядом лежала открытая кастрюлька с серебряными опилками для амальгамы. Что же это за налетчики, что пренебрегают «скуржой»? ^[72]

Ответ на этот вопрос Лыков нашел под буфетом. На полу, едва заметные, лежали в ряд четыре крохотных конуса белого порошка. Титулярный советник аккуратно собрал их в конверт, понюхал, попробовал на язык.

– Что это? – спросил Григораш, с любопытством наблюдая за манипуляциями Алексея. Он полгода лишь как перевелся в полицию из крепостной артиллерии, и проза службы еще не постигла его.

– Обычная мука. Кажется, провиантская. Хотя нет, бери выше – пеклевань! ^[73]

– Мука? В аптеке? Как она здесь оказалась?

– Полагаю, высыпалась из одной из этих коробок. Надо найти, из какой именно.

– Зачем аптекарю понадобилась пеклевань? Мацу печь?

– Ну, например, он продавал ее вместо кокаина уголовным, и те его за это убили.

Поручик несколько секунд ошеломленно смотрел на Лыкова, потом воскликнул:

– Здорово! В жизни бы не догадался! Убежден, что так именно и было. Вы все там, в сыском, такие? Леш, прими меня к себе, я буду стараться!

– Вакансий сейчас нет, – важно ответил польщенный в душе Алексей. – Но я возьму тебя на заметку.

– Спасибо!

– Ты ведь артиллерист, значит, математику знаешь. Такие люди, склонные к умственной деятельности, в сыске годятся. А из пехоты с кавалерией одни приставы выходят! Но – продолжим.

В ходе дальнейших поисков Алексей нашел пустые коробки, предположительно из-под кокаина, и несколько столь же пустых жестянок. Последние имели надписи на немецком языке, которые Григораш смог перевести. Если он не ошибся, в жестянках содержались ампулы с морфием! Все это свидетельствовало о том, что преступление – если оно имело место быть – связано с «кикером». ^[74]

Под небольшой ванной для смешивания составов Алексей нашел оторванную пуговицу, видимо, от ворота мужской рубахи. Боролись? Душили? Пока нет трупа, нет и убийства; а сейчас, накануне ярмарки, никому не нужно таких происшествий.

Однако очень скоро наступила ясность в этом вопросе. В дверь лавки постучали, просунулась усатая физиономия околоточного, густо пахло нюхательным табаком. Надзиратель энергически высморкался и доложил:

- Ваше благородие, нашлось.
- Что нашлось, Беспояско?
- Кажись, тело нашлось. Евонное тело.
- Где?

– В Звездином пруду. Там тропинка есть малая, вот я по ней к самой воде спустился. Дай, думаю, проверю. Очень удобное место, чтобы покойника спрятать. И точно, нашел... Там и лежит. Только ноги торчат. Кубыть, он это и есть, аптекарь...

Прервав обыск, Лыков с Григорашем поспешили за надзирателем. Спустились по четырехсаженной круче к воде и увидели тело.

Звездин пруд представляет собой большую и довольно глубокую лужу в том конце Звездинского оврага, где он пересекает Алексеевскую улицу. Питается пруд родниками, бьющими под Новой площадью и засыпанными двадцать лет назад. Обыватели, живущие по обеим сторонам гигантского оврага, используют его для выброса мусора и нечистот. Ужасное зловоние, которое по этой причине распространяется вокруг, заставляет людей редко спускаться на дно. Брось туда труп и прикрой его чем-нибудь, так и целый год не найдут! Поэтому Лыков первым делом похвалил Беспояско за сообразительность.

Тело человека лежало в воде и было закидано гнилыми досками, только ноги чуть-чуть высывались на берег. Выдернув труп и перевернув его, околоточный надзиратель сразу признал:

- Он, аптекарь.

На шее несчастного Бомбеля был туго затянут сыромятный ремень простой работы, лицо черное, язык наружу... Непривычный к таким вещам поручик Григораш отбежал в сторону и произвел «франц-хераус»^[75]. Сомнений в том, что случилось наиболее тяжкое преступление – умышленное убийство, уже не оставалось.

Оправившийся Григораш послал за телегой, труп увезли в покойницкую. Лыков сел за протоколы и рапорты. Закрутилось рутинное колесо следствия. Из сыскного отделения в помощь титулярному советнику прибыли агенты Исупов и Девяткин и принялись опрашивать обывателей.

Повалило начальство: помощник прокурора, полицмейстер, судебный следователь, начальник второго отделения канцелярии губернатора. Только Благово не появлялся, предоставив Алексею действовать самостоятельно. В перерывах между объяснениями с тузами тот обыскал квартиру провизора, и небезуспешно. Под половицей обнаружили еще пять запаянных жестянок, на этот раз не пустых. В каждой из них оказалось по дюжине стеклянных ампул с раствором морфия. Жестянки были необандероленные^[76] и, следовательно, контрабандные.

Только к шести часам пополудни помощник начальника сыскной полиции оказался в управлении. Там его ожидал мрачный Благово. Он давно уже сплавил своего приятеля-моряка: загримированный франтом, тот шлялся по городу под конвоем Фороскова.

Алексей выложил перед шефом свои трофеи: пустые коробки, предположительно из-под кокаина, жестянки с ампулами и без оных, а также несколько щепоток обнаруженной муки. Высказал свою версию: Бомбель продал кому-то муку вместо «кикера» и поплатился за это. Причем выпустил убийц сам, значит, знал их.

Павел Афанасьевич молча выслушал доклад, осмотрел и обнюхал муку, то же самое сделал с пустыми картонками. Спросил:

- Где была пеклевань?
- Под буфетом.
- Только там?
- Да, в единственном месте.
- Как она лежала?
- Четыре маленьких конуса на одной линии. Будто кто сыпал из горсти.

- Ты заметил, что в пустых картонках был кокаин, а никакая не мука?
- Мне тоже так показалось, но точно скажет лишь анализ.
- Отнеси Милотворскому и конверт, и коробки. Однако, если я прав, мы всюду находим следы наркотических веществ, и только в одном месте – чуть-чуть муки, не больше золотника^[77]. Поэтому считаю твою версию неубедительной. Мука могла оказаться в аптеке и случайно.

- Каким образом?
- Упасть с одежды убийцы, например. Ты же знаешь, что грузчики с мельниц обсыпаны ею с ног до головы.

- Грузчики с мельниц, Павел Афанасьевич, по аптекам не ходят. До сих пор они у нас на Руси обходились без «кикера», довольствуясь водкой.

- Пропал также и морфий. А его, ты знаешь, используют в военных

госпиталях для снятия болей у раненых. Что, излечившись, но пристрастившись к наркотику^[78], эти люди никак не могут пойти в мукомолы?

Лыков загрустил. Его красивая версия, с ходу принятая на веру поручиком Григорашем, дала трещину.

– Если хочешь знать, я уже догадываюсь, кто направлял убийц и почему. Вот лист бумаги. Я напишу на нем фамилию и уберу в стол. Когда ты выйдешь на этого же человека, приходи – сверим.

И Благово, написав что-то на клочке бумаги, убрал его в ящик стола. Алексей с досадой следил за этим.

– Идите, господин титулярный советник. Ройте носом землю. Начать советую с Ягоды.

Точно! Алексей и забыл, что у сыскного отделения есть агент, специализирующийся по «кикеру». И тоже, кстати, еврей, как и убитый провизор. Совсем еще молодой, семнадцати лет от роду, Гершон Иегуда приехал в Нижний Новгород из Рыбинска и сразу же вляпался в нехорошую историю с контрабандой сигар. Благово давно хотел иметь агента в самобытной семитской среде и взял мальчишку в оборот.

Нижний Новгород, хоть и находится вне черты оседлости, имеет у себя крупную еврейскую общину (более тысячи двухсот человек). Начало ей положило появление здесь в сороковых годах сосланных из Волыни за неуплату податей трехсот еврейских рекрутов. Все они были направлены в полицейские команды и оттрубили по двадцать пять лет нелегкой службы вдали от дома. Нижегородцы называли их «николками», в честь императора Николая Павловича. Выйдя в бессрочный отпуск, «николки» остались в городе (отставные солдаты иудейского вероисповедания могли селиться за чертой оседлости и их дети тоже). В Старо-Солдатской слободе образовалось целое гетто. Предприимчивое племя бойко занялось торговлей, обрастая многочисленными детьми, родственниками и компаньонами. В этой среде творились и свои, так сказать, национальные преступления. На первом месте шла контрабанда (на Волыни, возле австрийской границы, в изобилии осталась родня), далее следовали выделка фальшивых банкнотов и мошенничество при комиссиях. Все это не могло не интересовать полицию.

Юный Ягода стал неплохим осведомителем, совмещая эту свою деятельность с коммерцией. Он оказался дальним родственником общинного шойхета^[79] Лубоцкого, что открыло мальчишке многие двери. Благово разрешал ему несколько раз в год ввозить небольшие партии

беспошлинных товаров: табак, вино, чулки. Среди прочего, Гершон притаскивал и кокаин в порошке и в водных растворах, распродавая его затем аптекарям. Каждая такая продажа сообщалась агентом в сыскную полицию. Благово вынужденно терпел эти незаконные операции, он не считал их большим злом. Наркотические средства вам отпустят в любой аптеке без рецепта – это не мышьяк. Контрабандные опиум или кокаин вдвое дешевле ввезенных официально. Ну и что? Аптекарь немного наживется, больной немного сэкономит, маленький комиссионер получит свой гешефт. Нельзя иметь агентуру в преступной среде, которая сама не совершает мелких преступлений!

Итак, Лыков дал команду прислать ему Ягоду к восьми часам вечера на дом. Он встретился с агентом в саду, в обсаженной цветами беседке. Дом Алексея находился на самом краю города, на углу Напольно-Замковой и Спасской улиц; через дорогу уже пасся обывательский скот. Предупрежденные мать и сестра хлопотали в доме. Стоял тихий и теплый июльский вечер, зудели комары, мычали коровы. Хорошо... Вот если бы людей еще не убивали...

- Вчера задушили провизора Бомбея с Алексеевской.
- Слыхал, ваше благородие.
- Никаких подсказок не дашь?
- Всей бы своей душой, Алексей Николаевич, но никак. Я с покойным не был даже знаком, да и в аптеку его ничего никогда не поставлял.
- Он торговал контрабандной наркотикой.
- Ай-ай-ай! Это противозаконно.
- Я знаю. Вот эти жестянки нашлись в его лавке. Немецкий морфий в ампулах, без акцизных марок. Точно не твой? Ты же дрогист.^[80]
- Клянусь Торой, ваше благородие Алексей Николаевич! Все мои покупатели обязательно указываются мною в рапортах. Проверьте, да – там нет никакого Бомбея!
- Хорошо. Как думаешь, откуда в лавке могла появиться мука?
- Мука? Много?
- Несколько золотников. Лежали на полу.
- Не имею понятия.
- Может быть, среди покупателей убитого были мукомолы или грузчики?
- Ну что вы, ваше благородие! Если русскому грузчику хочется немного повеселиться, он идет в винную лавку, а не в аптеку. Хи-хи... Если вам нужно это знать, то скажу: клиентами Мойши-Ривы была богатая молодежь, да. Учащиеся старшего класса губернской гимназии, а особенно

пансионеры Дворянского института. Там, по правде говоря, сильно испорченные мальчишки, которые всю грязь, какая ни на есть в вашем городе, уже перепробовали. Да. Ищите, пожалуйста, среди них.

– самого Бомбея ты не знаешь, а клиенты его тебе известны. Как же так?

– То еврейская молва, ваше благородие. Хахам Алт-брегин говорил, нееман Дистиллятор намекал...^[81] Все про всех все знают, не спрячешь.

– Ладно. Я проверю твои сведения о молодежи. А ты пошли запрос в эту свою «еврейскую молву» насчет убийства Бомбея. Может, что вызнаешь...

– Слушаюсь, ваше благородие Алексей Николаевич!

Ягода ушел, а Лыков, поразмышляв несколько минут, отправился домой к Титусу. Тот жил на Варварке, возле дамбы. Увидев гостя, начальник стола розыска даже не удивился.

– Куда пойдем? – лаконично поинтересовался он, откладывая книгу по уголовному праву.

– В управление.

– Только что оттуда...

– Ты замки открывать умеешь?

– Я, Леха, если ты не знал, мастер взлома. Что тебе надо отпереть? Я ж для друга последний кусок съем!

– Стол Павла Афанасьевича.

– ?

– Это связано с сегодняшним убийством провизора. Благово уже знает, кто заказчик, представляешь?

– Меня это не удивляет.

– Меня тоже. Лишний раз убедился, кто я и кто – он. Обидно, Яш, – неужели Алексей Лыков такой бестолковый? Так вот: Павел Афанасьевич написал фамилию заказчика на листе бумаги и убрал к себе в стол. Сказал: догадаешься – приходи, сверим.

– Понятно. Ты не хочешь искать убийцу самостоятельно. Решил воспользоваться высшим разумом. Ай, как нехорошо!

– Неправда! У меня есть своя версия, с которой шеф не согласен. Но я буду ее разрабатывать! Еще посмотрим, кто из нас окажется прав. Осведомитель Ягода указывает определенно на Дворянский институт. Там папенькины сынки от пресыщения жизнью на все готовы. И кокаин нюхают, и публичные дома наизусть выучили; вот и грохнули несчастного провизорика.

– За что?

Алексей рассказал Яану свою гипотезу, и тот ее одобрил. Сказал только:

– Одно смущает. Что Павел Афанасьевич твою идею отмел. Он просто так ничего не выбрасывает. Но правдоподобно, правдоподобно... Ну-с, пошли делать кражу со взломом у собственного начальника!

Они пришли в управление уже в десятом часу. Дежурный, агент Девяткин, принял это как должное. Нераскрытое умышленное убийство! Ясно, что сыщики на ушах стоят. В субботу приезжает временный генерал-губернатор ярмарки граф Игнатьев. Благово из кожи вон вылезет и всех подчиненных загонит, лишь бы представить убийцу к прибытию его сиятельства. Вот Лыкову и не спится...

Алексей послал Девяткина к пожарным за чаем. Как только он ушел, Титус вынул набор служебных паспарту^[82] и приступил к взлому. Уже через минуту верхний ящик стола был открыт. Сверху лежала знакомая четвертушка бумаги. Алексей взял ее и прочитал:

«Лыков! Не стыдно? На ширмака решил проехать?»^[83] Учишь тебя, учишь...

Р. S. Нужный тебе лист лежит в нижнем ящике.

П.Б.».

Весь красный, Алексей убрал листок на место. Титус заливался бесшумным смехом.

– Ломаем дальше?

– К черту! Пошли отсюда. Мне, дураку, наука...

– Ну уж нет! Начали, так доведем до конца!

И Яан ловко открыл нижний ящик и извлек из него записку. В ней было всего два слова: «Федор Блинов».

– Как Блинов? – опешил Алексей. – Миллионщик? Ну, вот уж дудки! Ошибся на этот раз высший разум – быть того не может. В огороде бузина, а в Киеве дядька...

– Быть, Леха, может все. Если шеф сказал: Блинов, значит, Блинов. Я ему верю; осталось понять, за что мукомол приказал удавить несчастного аптекаря.

– Все равно я пойду по своей версии, – упрямился Лыков. – И записка эта только подтверждает, по крайней мере, для меня, что и Павел Афанасьевич может ошибаться.

– Уходим поскорее, пока Девяткин не вернулся, – прекратил спор Титус. – Но ты, конечно, прав, что настаиваешь на своем, а не смотришь в рот начальству. Благово именно для этого все и затеял. Ему твоя

самостоятельность только в удовольствие.

Сыщики вернулись в общую комнату отделения. Лыков впал в состояние меланхолической задумчивости.

– Ты, Яш, возвращайся домой, – сказал он приятелю. – А я останусь, пороюсь в картотеке, поищу кокаинистов. Не рассказывай, пожалуйста, никому, как мы начальнику стол ломали...

Лыков просидел в отделении до утра. Спокойной работы с архивами не получилось. В половине двенадцатого пришлось выезжать в Кунавино (ножевое ранение в грудь), а в четыре – в Фабричную слободу (разбили голову кирпичом по пьянке в печально знаменитом трактире Распопова). Но, несмотря на это, к началу присутственного дня на столе у Алексея лежал список всех известных полиции «кикерщиков».

Ягода оказался прав! Из семнадцати человек пятеро оказались выпускниками или гимназистами старшего класса губернской гимназии, и все – с хорошими фамилиями. Еще девять (!) записей относились к Дворянскому Александровскому институту. Из них двое пансионеров умерли от передозировки наркотическим веществом, причем совсем недавно, весной. Поскольку уголовного преследования за торговлю или использование этой дряни не полагается, то и дел никаких не заводили. Зарыли мальчишек, и все... «Кикерные» грехи шли как бы в довесок к остальным. Вот, например, гимназист Василий Бестужев: дурное поведение, оскорбление городского; находился в наркотическом опьянении. Пансионер Юрий Валевачев (один из двух умерших): драка, кража драгоценностей у родственницы; наркотическое опьянение.

Последним случаем Алексей и решил заняться. Он пришел к девяти часам утра к директору Александровского института статскому советнику Шокальскому. Сыщик и директор уже были знакомы ранее по делу об осквернении институтской домово́й церкви. Шокальский, увидев Лыкова, нахмурился, впустил сыщика в кабинет и сам плотно закрыл дверь.

– Ничего хорошего от ваших посещений я не жду, – сказал он, словно извиняясь. – Что случилось на этот раз?

– Расскажите мне про девять ваших кокаинистов.

Статский советник окончательно набылчился:

– А что я могу сделать? Когда же наконец появится закон, запрещающий эту дрянь? Ведь дети же умирают, сущие дети! Куда смотрит полиция?

– Туда же, куда и вы – в «Свод законов Российской империи». И тоже недоумевает... Но вернемся к моему вопросу.

– Их уже не девять, а много меньше. Кто именно вас интересует?

– Валевачев.

– Понятно. Это невеселая история. Молодой человек из старой дворянской фамилии; отец – предводитель в Княгининском уезде. Очень богатая семья. Полагаю, от этого и все проблемы. Юра перепробовал все, что можно купить за деньги. А вы, Алексей Николаевич, в полиции служите и потому догадываетесь, что из этого ряда имеется в нашем городе.

– Да уж... Особенно в ярмарку.

– Совершенно верно. Когда Валевачев умер и делали вскрытие, обнаружилось, что у него застарелый сифилис. В восемнадцать-то лет!

– Их была компания, или он типический одиночка?

– Трое. Один хлеще другого. Сами они называли себя «триумвиратом» и задавали тон в старшем классе. Им пытались подражать... Вино, женщины, кокаин, походы в притоны Гордеевки... Потом Валевачев и граф Гейден умерли, а барона Жомини мы отчислили. И только тогда в институте установился порядок.

– Где они брали наркотику?

– Не знаю. Этого добра – в любой аптеке без рецепта!

– Кто из других пансионеров был с Валевачевым особенно близок?

– Многие. Вот, например, Саша Марц, сын правителя канцелярии калужского губернатора. Он не попал под влияние «триумвирата», вел себя независимо, и потому его рассказ будет объективным.

– Но ведь сейчас вакации; мне нужен тот, кто находится в Нижнем.

– Марц вышел из института этим годом, и он в Нижнем. Заходил ко мне буквально вчера. Они с отцом остановились в «Полицмейстерских номерах».

Эти номера (официально – гостиница Фролова) находились на Живоносной улице. Владельцем здания, в котором они расположены, был когда-то отставной нижегородский полицмейстер Махотин – отсюда и необычное название. Место тихое и респектабельное, излюбленное приезжающим на ярмарку московским купечеством. Лыков показал свой билет расторопному парню за стойкой и велел прислать к нему Марца-младшего. Сам же пока уселся в зале у окна перелистывать старые газеты.

Вместо одного Марца пришли сразу двое: отец счел нужным сопроводить отпрыска. Очень похожие внешне: белобрысые, узколицые и в очках, только папаша на тридцать лет старше...

Внимательно проверив запаянный в стекло полицейский билет Лыкова и сверив его фотопортрет, правитель канцелярии строго спросил:

– Что вам нужно от моего сына?

– Расскажите мне о покойном Валеваиче, – обратился Алексей к юноше. Но тот неожиданно густо покраснел и смущенно посмотрел на отца.

– Не хочешь – не говори, – торопливо посоветовал тот. – Надобно еще проверить полномочия этого господина. Для допроса нужна форменным образом выписанная повестка, а беседа – дело добровольное.

Лыков начал сердиться. Он хотел просто поговорить с бывшим студентом о его однокласснике, собрать сведения в интересах сыска и убежать дальше. Глупое упрямство Марца-старшего усложняло простую задачу.

– Эй, любезный, – окликнул сыщик распорядителя гостиницы. – Подымись быстренько наверх, в управление полиции. Пусть подготовят ордер на задержание свидетеля и пришлют его сюда с городовым. Александра Марца препроводить в сыскное отделение и задержать там до моего возвращения. Я приду и допрошу его. Часам к восьми...

Лыков встал и направился к выходу.

– Я буду жаловаться губернатору Безаку! – закричал правитель канцелярии. – Это превышение власти!

– Ничуть. Я расследую убийство, и у меня нет времени на формальности. Но ежели вам хочется, чтобы вместо пятиминутной беседы все было официально, извольте. Ваш сын, как важный свидетель, проведет в сыском отделении целый день. Присутствовать вам на допросе я не разрешаю. Вы не присяжный поверенный, а он уже совершеннолетний. Поэтому его сейчас доставят в отделение, а вы ждите в гостинице, пока у меня дойдут руки до форменного допроса.

Распорядитель застыл у двери, готовый выбежать по первому знаку Лыкова. Марц-старший смутился.

– Что вы хотите?

– Чтобы вы погуляли десять минут.

– Это исключено!

– Любезный! Ты еще здесь?

– Хорошо, хорошо! Я буду сидеть молча.

Алексей задумался. Бесцеремонность калужского чиновника раздражала, и притом он мог помешать отпрыску быть откровенным. В то же время отцовская обеспокоенность за сына тоже понятна...

– Я расследую убийство провизора Бомбеля, – терпеливо разъяснил титулярный советник. – В деле фигурируют наркотические вещества, убитый тайно поставлял их пансионерам Дворянского института. В частности, умершему Валеваичу. Ваш сын никак не замешан в этом, но он

может мне очень помочь, рассказав о порядках в своем бывшем заведении.

– И все? То есть сам Саша ни в чем не обвиняется?

– Ни в чем. Если бы вы не полезли сразу в бутылку, наша с ним беседа уже подходила бы к концу.

– Прошу прощения. Когда у вас появятся свои дети, вы меня поймете... Александр, ответь честно на вопросы господина Лыкова.

Все трое уселись в кружок, Алексей вынул блокнот и карандаш.

– Итак, Юрий Валевачев. Вы с ним близко были знакомы?

– Да, конечно. Пять лет в одном дортуаре, в одном классе.

– Он сильно увлекался наркотикой?

– Юрий увлекался всем, что щекотало нервы.

Марц-старший заерзал в кресле. Сын сказал, чуть наклонившись к нему:

– Не бойся, папа, я не такой. А он от этого умер.

– Где покойный доставал эту дрянь?

– От упомянутого вами Бомбеля. Как его убили, если не тайна?

– Задушили в собственной аптеке и сбросили в овраг.

– И поделом! Все провизоры торгуют наркотикой, но этот был особенный. Он, мне кажется, сознательно развращал именно молодежь.

– Зачем?

– Из-за денег. У подростка легче их выманить. Его легче пристрастить, поставить в зависимость. Сначала он давал кокаин бесплатно, на пробу. Затем начинал продавать, но за умеренную цену. А когда замечал, что подросток уже втянулся, резко ее взвинчивал.

– Не понимаю. Вы сами только что сказали, что наркотическими веществами торгуют все аптекари. И, кстати, на законном основании...

– К сожалению, – вставил Марц-старший.

– К сожалению, – согласился с ним Лыков. – Таких, как Бомбель, много. Задерешь таксу – и клиент уйдет к другому.

– Да, но он еще и женщин поставлял из Соболевских бань. Снимал там номера для «триумвирата» и их прихвостней.

Правитель канцелярии вскочил, весь красный:

– Куда я отдал своего единственного сына?! Ну, Шокальский, держись!

– Папа, – мягко остановил его Марц-младший, – я же тебе уже сказал. Меня эта грязь не коснулась, а урок я получил. Когда увидал Валевачева в гробу...

– Как он умер? От превышения нормы?

– Да. Юрий будто бы искал смерти после того, как скончалась Наташа.

– Что за Наташа?

- Его подружка, Наташа Латникова.
- Как и когда умерла она?
- Дайте подумать... Валевачев погиб в марте. Значит, она – в феврале. Всего на месяц раньше его, и тоже от избытка кокаина.
- Заядлая наркоманка?
- Нет, что вы! Наташа была хорошая девушка. Из простой семьи, но добрая, чуткая. Совсем не рядовая, мы все ее немного любили. А она потеряла голову от Валевачева. Тот был красавец и обладал сильным обаянием. Только очень испорченный мальчик. И Наташа все хотела его изменить.
- У них была связь?
- Да, конечно! Но к ней ничего плохого не прилипало. Удивительный человек... Она хотела отучить Юрия от дурных его привычек и с этой-то целью и понюхала кокаин. Решила узнать на себе, что это такое, что так влечет ее возлюбленного. Совсем по-детски... И умерла.
- С первого раза?
- Да. У нее была какая-то болезнь, вроде астмы. Она задохнулась.
- А Валевачев?
- Тот совсем после этого свихнулся. Принялся методически себя убивать, и в конце концов ему удалось.
- Понятно. Вернемся к Бомбелю. Вы уверены, что именно он был поставщиком отравы?
- Да, разумеется. Я много раз видел его в нашем институтском дворе. Он имел привычку приходить туда через калитку сторожа с большой корзиной. В ней было все: кокаин, морфий, хлоралгидрат, атропин. А еще водка, коньяк... Бомбель понимал, что он делает.
- А начальство, учителя? Так-таки ничего не знали, не догадывались? С трудом верится в такое.
- Как вы полагаете, господин Лыков, офицеры знают, что творится в казарме?
- Нет, конечно. В казарме правят унтер-офицеры.
- А в Дворянском институте таковых нет. Подростки сами решают, как им жить. И очень ловко умеют скрывать истинное положение от старших. Заправилами при этом выступают как раз такие, как Валевачев и Жомини. В них есть... обаяние наглости. Большинство мальчиков попадает под их влияние, пытается подражать; меньшинство не решается противиться. Поэтому в нашем институте творилось всякое. В том числе и жуткие вещи.
- А сообщить начальству означало бы доносить?
- Разумеется. С этим очень строго.

– Поэтому приходилось терпеть и ждать выпуска?
– Вы все поняли правильно.
– Что ж, благодарю за откровенность. Полагаю лишь, что теперь уже следует переговорить с вашим бывшим директором. А то он продолжает считать, что в его институте полный порядок.

На прощанье Лыков пожал обоим Марцам руки и сказал отцу:

– Вы узнали о сыне много нового, но ничего плохого. Поздравляю: у вас хороший наследник растет.

Марц-старший благодарно улыбнулся, но заговорил о другом.

– Получается, что я отдал сына в вертеп. Кокаин и женщины с доставкой на дом! Ну и дела... Вы сказали, этого негодяя Бомбеля задушили. Кто и за что?

– Как раз это я и выясняю.

– А я вам так скажу: хорошее дело сделали! Эдак-то ему и надо по его заслугам. Подумайте – нужно ли искать убийцу? Он исполнил за вас вашу работу, очистил воздух от паразита, а вы его хотите засадить в тюрьму. Чтобы другие Бомбели уже безнаказанно убивали наших детей.

– Прикажете передушить всех аптекарей?

– Не передергивайте, вы же понимаете, что я имею в виду. Таким, как этот ваш провизор, место на каторге.

– Однако подменять собой суд и выносить смертный приговор – нельзя. В России это может далеко завести!

Простившись окончательно с Марцами, Лыков поднялся по Ивановскому съезду наверх, в управление, и его сразу же вызвали к начальнику. Там уже находился сконфуженный Титус. Благово был сердит и встревожен.

– Ночью кто-то проник в мой кабинет и рылся в ящиках стола. Представляете, что он мог там найти, если это преступник! Дежуривший Девяткин мною арестован, я назначаю расследование.

– А вы уверены в проникновении?

– Вот, – статский советник помахал какими-то черными квадратиками. – Это глазированная бумага^[84]. Она темнеет, когда попадает на свет. Вчера вечером, уходя со службы, я положил ее листы в ящики своего стола. Причем сделал это в полной темноте! Сегодня пришел, открыл – а они черные.

– Не надо расследования, Павел Афанасьевич, – мрачно сказал Лыков. – И Девяткина отпустите. Это я лазил в ваш стол.

– Ха! Ты же не умеешь пользоваться отмычками.

– Я ему помогал, – сознался Титус.

– Т-а-а-к... Два моих ближайших сотрудника. Дожил. Деньги-то хоть не стянули?

Пунцовый Лыков и розовый Титус стояли молча по стойке «смирно».

– Значит, ты прочитал про Блинова?

– Так точно.

– И не согласен?

– Никак нет.

– Садись, рассказывай, что выяснил в рамках своей версии. Проказник...

Только сейчас Алексей догадался, что Благово не сердится, а, скорее, смеется. И весьма доволен своим фокусом с глазированной бумагой... Нарочно подстроил ловушку, и даже хитрый и осторожный Титус в нее угодил.

Титулярный советник сел и подробно пересказал беседу с Марцем-младшим. Павел Афанасьевич выслушал его и резюмировал:

– Ну вот, ты уже и сам вышел на мою гипотезу, только еще не понял этого. Что сказал калужский бюрократ про смерть Бомбея? «Так ему и надо!» Многие отцы юных кокаинистов с ним согласятся. Мало кто предпримет меры – для поступка нужна решительность; но одобряют все. И вот нашелся человек, который решился. Сказал сам себе, что хватит умирать юным совсем людям. И стер торговца «кикером» с земли, как гуммиэластиком ненужный рисунок...

– Федор Блинов?

– Собственной персоной.

– Но почему он?

– Упомянутая тобой Наталья Латникова – его незаконная, но любимая дочь.

– Откуда вы это знаете?

– Алексей! Если ты хочешь когда-нибудь стать начальником сыскной полиции, то обязан знать такие факты. А для этого иметь агентуру во всех слоях общества и внимательно читать ее донесения.

– Вы полагаете, что Блинов провел собственное расследование обстоятельств смерти дочери, обнаружил Бомбея и вынес ему приговор?

– Надо знать Наталью и надо знать Федора Андреевича Блинова. Девушка действительно была необычна. Всеобщая любимица, добрая душа... Притом – заметь – единственный ребенок стареющего миллионщика. Законных детей у него нет. А характер у мукомольного короля сам знаешь какой. В тюрьме за хищение казенной соли сидел, с городовыми дрался, не раз схватывался и с разбойниками. Силищи

необыкновенной! Почетный гражданин Нижнего Новгорода, избирался городским головой, но правительство его не утвердило. Сейчас Федор Блинов чаще проживает в Казани, чем здесь, но местных дел не забывает. И вот, проводя, как ты выразился, расследование смерти дочери, он обнаружил дикие вещи. Что торговля наркотикой не запрещена, поскольку она считается лекарством. Что по закону Бомбель, нарочно губящий молодежь, ни в чем не виновен. И что этот негодяй, если его не остановить, отправит на тот свет еще немало подростков. Старик подумал-подумал и сказал: хватит!

– И нанял своих же грузчиков?

– Там у него такие грузчики, что ого-го. По агентурным данным, особенно в Неклюдове, он привечает самый темный народ. Мельница огромная, сто человек работников. Зимой беглым деваться некуда, и они ищут укрытие. Федор Андреич всегда им его предоставлял! Всех брал и паспортов не спрашивал. Некоторые могли застрять на мельнице в ожидании ярмарки. Деревня, от Нижнего далеко, никто не сыщет...

– Не вяжется, Павел Афанасьевич. Если Блинов мстил наркотикоторговцу, то зачем же он велел забрать «кикер»? Оставил бы его на месте убийства, для острастки остальным.

– А почему ты решил, что это он велел унести ампулы? Ребята могли и сами распорядиться. Смотрят – «кикеру» на несколько тысяч рублей; жалко стало оставлять. И хорошо: мы их по этому следу и отыщем. В Неклюдове.

– Почему именно там? У Блиновых четыре мельницы.

– Вчера вечером я разослал всех свободных штатных агентов по пивным и портерным. И нештатным наказал глядеть в оба. Убийцам же надо сбросить товар как можно быстрее, это улика. Велел обратить внимание на необычно пьяных: дурной, а водкой не пахнет. Или кто пытается цену вызнать. Или за вино ампулкой расплатиться. И сегодня уже имел результат! В пивную Ерусалимского на Почтовом съезде зашли под ночь два бугая. Одежда, обувь обсыпаны мукой. Уверенные в себе ребята, по виду «деловые» – у Федора глаз наметанный. Когда стали уходить, один обронил ампулу. Сказал: «Черт с ней, их у нас полно» – и раздавил каблуком. Ерусалимский пошел за ними, проследил до Боровского перевоза, но там их ждала лодка. Бугаи уплыли на тот берег Волги. А там только одна мельница: блиновская, в Неклюдове!

– Ампулу проверили?

– Конечно. Та самая, из бомбелевской аптеки. Это были они, убийцы.

– Налететь облавой, взять, найти «кикер» и получить признательные показания на Блинова.

– Ты, верно, полагаешь, что они морфий под подушкой прячут? А если нет? Если ты не найдешь улику? Ребята, по всему видать, тертые: тихо придушили, аккуратно заперли за собой все замки, хладнокровно скрыли труп... Свидетелей у нас нет, единственная надежда на эти ампулы. Они маркированы – не отвертятся. Нужно выманить душителю.

– Купить товар?

– Да. Подыщем им хорошего покупателя.

Более часа сыщики просидели над планом. Решено было, что Титус скатается в Неклюдово на разведку. Под видом армейского интенданта он обойдет всю мельницу и изучит окрестности. Лыкову поручили разыскать нескольких опытных мукомолов, показать им найденную в аптеке пеклевань и спросить: чей это помол? Кроме того, за Алексеем оставался Ягода. Павел Афанасьевич считал, что агенту может угрожать опасность. Кто знает, как далеко решил зайти старый миллионщик в искоренении зла, если догадка Благово верна...

Взяв конверт с мукой, Лыков отправился в обход по тузам. Начал он с Дегтярева, которого разыскал на собственной мельнице на краю Благовещенской слободы. Маленький, крепкий, пропахший табаком, тот сидел в комнате правления в окружении своих приказчиков и что-то высчитывал. Ворох бумаг, рев паровых машин за стеной и повсюду в воздухе, как туман, белая мучная взвесь.

– Чем могу? – лаконично спросил Дегтярев, прочитав билет Лыкова.

– Вот, – Алексей высыпал ему на корявую коричневую ладонь пеклевань из конверта. – Не ваша?

Купец долго и внимательно изучал порошок, тер в кончиках пальцев, даже понюхал. Затем сгрузил муку обратно в конверт, вытер руку прямо об сюртук.

– Нет. Я бы лучше смолот. Рожь шланшжедтская^[85], прошлогодняя. Мука блиновская, с Неклюдова, машина нумер три. Сделана позавчера.

И закричал без перехода на ближайшего приказчика:

– Степка, черт! На раздробительном дворе кули кончаются! Бегом!!

Второго туза, Митрофана Рукавишникова, Лыков нашел на ярмарке, в биржевом буфете. Тот сидел в паре с молодым Бугровым и уплетал селянку. Дав мукомолу доесть, Алексей подошел, поздоровался с купцами и вынул свой конверт. Ритуал с обнюхиванием повторился, повторилось и заключение: неклюдовский помол.

Решив, что этого достаточно, титулярный советник вернулся в управление. Однако вместо вызванного Ягоды его поджидал встревоженный Исупов.

– Так что, Алексей Николаич, привести мальчишку не представляется возможным.

– Почему?

– Лежит в Мартыновской больнице с проломанным черепом.

– Жив?

– Жив и сравнительно легко отделался, но побили сильно.

Лыков помчался в больницу. Ягода, с обвязанной головой и синяками под глазами, выглядел очень перепуганным.

– Кто тебя так?

– Не знаю.

– Не ври, Гершон. Это были два здоровяка, обсыпанные мукой?

– Вы же все равно ничего не сможете с ним сделать! Даже если заарестуете этих, он подошлет других. Мне велели уезжать, вот выздоровею и вернусь обратно в Рыбинск.

– И на Федора Андреевича Блинова можно найти управу. Ты ведь его имел в виду?

Ягода промолчал.

– Значит, это именно ты продал контрабандный морфий Бомбелю? И не указал о том в рапорте и соврал мне в глаза. Так тебе и надо, дураку... За это ведь тебя побили?

– Мойша-Рива меня выдал. Перед смертью. Как они меня колотили, боже ж ты мой! Я чуть не умер. Они придут снова.

– Опиши их приметы, и никто к тебе больше не придет.

– Ха! Вы зашлете их в Сибирь, да? Они там уже были! Сами говорили. И вернулись опять сюда. Из вашей Сибири только ленивый не бежит! Нет, вы не сможете меня защитить! Они сказали: уезжай, Гершон; и я уеду. Иначе сделаюсь клиентом хевры кадишы^[86]. Не спрашивайте меня ни о чем, ваше благородие. Я беззащитный еврей, маленький комиссионер, которого никому нет дела, кроме мамы с папой. Вы сейчас уйдете по делам и сразу же забудете про Гершона Ягodu. Не только я боюсь; все боятся. Каждому провизору в городе передали команду: не продавать больше наркотику подросткам. Ни под каким видом!

– Команду? Какую еще команду? Кто передал?

– Эти двое. У них такие убедительные кулаки...

– И чья же команда?

– Человека, которого вы назвали, а я не хочу называть.

– Вот молодец! – не удержался Лыков. – Хоть и незаконно, зато действительно. Нас так не слушают, как Блинова.

– Еще бы не послушать! Они сказали: кто не согласится, пойдет

следом за Бомбелем. Этот человек, которого я не называю, запретил продажу наркотики в Нижнем Новгороде. Этот человек приказал: только больным и только по рецепту доктора. Вот так! А мне велел уезжать...

– Не торопись с этим. Мы, сыскная полиция, тебя не отпускаем. Сначала послужи как следует. А человек, чьего имени ты не называешь, живет сейчас преимущественно в Казани и здесь бывает наездами. Мы действительно ничего не сможем с ним сделать. Сам он не убивал, а его ребята с убедительными кулаками – убили. И поедут в Сибирь. Ты лежи пока тут, в больничке. Скоро все кончится. И Блинова можно пугануть, да так, что мало не покажется. Он уедет в свою Казань и будет там долго отсиживаться. И за это время забудет про маленького комиссионера Ягоду. Если, конечно, Ягода перестанет связываться с «кикером».

– Уже перестал, ваше благородие!

– Ты будешь выдвигать против грузчиков обвинение?

– Упаси боже! Не убили, и на том спасибо! Они такие же грузчики, как я – обер-прокурор Синода. Видели бы вы их лица...

– Скоро увижу. А когда они увидят мое лицо, думаю, оно произведет на них должное впечатление. Я ведь, Гершель, тоже умею быть страшным. Так что больше меня не обманывай.

– Ни в жизнь, ваше благородие господин Лыков. Для маленького бедного еврея все страшные... Значит, я могу не уезжать? Это очень хорошо. А то у меня наметился гешефт на кишечном заводе. В понедельник. Я могу выйти из больницы к понедельнику?

Лыков рассмеялся и пообещал схватить убийц не позже воскресенья. Потом вернулся на службу и доложил о беседе Благово. Тот был поражен.

– Ай да старик! – сказал он с уважением. – И ведь на самом деле его послушаются. Никому не захочется плавать в пруду с ремнем на шее... Молодец. При бессилии полиции, при отсутствии необходимого закона он решил сам ввести такой закон. Пусть даже в одном городе империи. Право, не хочется его арестовывать, да это у нас и не получится. И хорошо... Помнишь, ты приводил слова Марца-младшего об убитом Бомбеле: «Он знал, что делает». Провизор получил то, что заслужил. Он никак не ожидал возмездия, ощущение безнаказанности поощряло его. Теперь же дана острастка всем: закон там, или не закон, а черту не переступайте.

– Но все же мы обязаны отреагировать!

– Обязаны. И отреагируем. Мы схватим непосредственных убийц. Если это действительно беглые, то, значит, ребята тертые. И тогда все понятно заранее. Опытные преступники всегда замешивают в свои дела богатых и влиятельных людей, а этим сам бог велел. Имя Блинова они

назовут нам на первом же допросе. Федор Андреевич, прознав об этом, сядет на пароход и отправится по торговым делам в Казань. Его братья дружески побеседуют с убийцами, и те изменят показания. Признаются, что оговорили уважаемого человека со злобы. Убили, мол, и ограбили по собственному умыслу, ешьте нас теперь с маслом... Получат срок, уйдут в Сибирь, и там, где-нибудь на этапе, им передадут хорошую денежную сумму. С капиталом они легко вернутся в Россию. А Федор Блинов останется богатым и неприкосновенным человеком. Так?

– Да. С одним только дополнением: в Нижнем на какое-то время перестанут умирать от наркотики дети.

Благово вздохнул и велел дожидаться ушедшего в разведку Титуса. От нечего делать Алексей прогулялся по Гостиному двору с Голенищевым-Кутузовым-Толстым, послушал байки про Дальний Восток. Рыжей плутовки-хипесницы они опять не обнаружили, и Лыков вернулся в кабинет.

В шесть часов пополудни появился наконец Титус. Он был в мундире штабс-капитана 9-го пехотного Старо-Ингерманландского полка. Полк входил в дивизию, стоящую лагерем в окрестностях Нижнего Новгорода. Под видом интенданта Титус завалился к управляющему неклюдовской мельницей и предложил продать для армии муки.

– Давай, говорю, дядя, тысячу двести пудов. Правильная цена рубль и десять копеек за пуд. А я тебе уплачу рубль двадцать. Под расписку. Гривенник с пуда ты мне вернешь. По рукам? Вспомни девиз нашего времени: кауфен-феркауфен!^[87] Не то куплю у Дегтярева...

– И что дядя?

– Даже не удивился. Сказал, чтобы приходил в среду, когда они закончат молоть для Главного тюремного управления.

Сыщики посмеялись, Титус продолжил свой рассказ:

– Условились, что я приеду послезавтра, и пошли смотреть мельницу. Огромное предприятие! Главный корпус двадцать саженей высоты! Как скала, стоит над деревней. Ну-с, заодно я разведал и все остальное. Рабочие, которые не местные, живут в казарме при мельнице. Возле казармы – кабак, вечером они все там.

– Значит, и наши грузчики-душители около стойки должны обретаться, – продолжил Лыков. – Я потолкаюсь там, поспрошаю, нет ли у кого чего на продажу. Например, «кикера».

– Это слишком прямолинейно, – возразил Благово. – Деревня за городом. Муку мелят, крупу рушат. Вдруг приезжает незнакомый человек и сразу быка за рога: а нету ли у вас морфию? Они же не дураки.

– Как же тогда?

– Вас будет двое: Форосков продавец, а ты телохранитель. Петр станет предлагать ворованный спирт во флягах и необандероленные папиросы. И заодно покажет пару пакетиков с кокаином и ампулу с морфием. Предложит купить. Никто, конечно, не заинтересуется, кроме тех, кем интересуемся мы. И когда вы станете уходить, то, если вы ни в чем не проколется, они к вам сами подойдут. Заведут издали разговор про «кикер», спросят цену, а потом предложат купить у них со скидкой. Форосков скажет, что товар сначала надо посмотреть. Когда душителю принесут бомбелевский морфий, вы их и возьмете.

– Я против, – энергично вмешался Титус. – Их двое и наших двое. Полицейскую засаду в деревне не поставишь. Слишком опасно получается.

– Наших будет трое, если считать с возницей. Они же не пешком ввалятся в Неклюдово с флягами спирта на загривках.

– Все одно опасно. Парни здоровые. Куль муки весит девять пудов, а они такие целый день таскают. Притом – убийцы, а не какие-нибудь «портяночники».

– Ты знаешь, Яша, что обычно случается с человеком, если я задвигаю ему в челюсть? – спросил Титуса Лыков. – Сколько бы он там пудов ни таскал... Одного можешь сразу вычеркивать, а со вторым мы трое уж справимся.

– Быть по сему, – скомандовал начальник сыскной полиции, закрывая совещание.

Вечером следующего дня Форосков и Лыков сидели в кабаке на выезде из Неклюдова. Было сумеречно, но еще светло. Маленькая речка с приятным именем Везлома протекала под окнами, красное солнце опускалось за лес. Три десятка потных вываленных в муке рабочих галдели за столами. На незнакомцев косились, но пока не задирали.

Форосков, с жульническими бакенбардами и гаденькой улыбкой на лице, пошептался с кабатчиком. Фамилия его была – Босой. Угрюмый и болезненный, тот сначала не хотел смотреть товар. Петр настаивал. Завсегдатаи начали переговариваться вполголоса, их разбирало любопытство. Наконец кабатчик кивнул. Форосков щелкнул пальцами, и Алексей водрузил на стойку жестяную двухведерную флягу. Босой плеснул из нее в чайный стакан, отхлебнул, побулькал во рту и проглотил. Сразу полез за хлебом – крепко! Народ, окончательно заинтригованный, стал подтягиваться к стойке.

– Васек! Че принесли? Скусно?

– Брысь, ракло! – огрызнулся кабатчик. – Дойдет и до вас черед, сами же, ироды, и выжрете. Не мешайте коммерцию делать.

Покупатель и продавец шепотом заспорили о цене. Лыков тем временем шарил взглядом по комнате. Где эти душители? Вон там четверо здоровяков сошлись за осьмухой, у окна двое добивают косушку. В углу еще троица, и все не хилые...

– Слышь, паря, – толкнул Алексея в бок вихлястый разбитной мужик с одним глазом, – а еще чево имеете? Покажь обчиству.

– Это к хозяину, мое дело сторожить, – отмахнулся Лыков. – Глаз-то пропил, что ли?

Вокруг загоготали, обиженный мужик, ругаясь, вышел прочь. Подошел другой: высокий, богатырского сложения, с жестким бывалым лицом.

– А взаправду, что еще имеете? Васька-то втридорога выставит...

– Вот: папиросы дешевые, спирт. Часы можем продать, а можем и купить. Документик, потребуется кому, выправим.

– А паневежеский со справкой есть?^[88]

– Такая бумага, брат, пять косых стоит. На заказ делаем. Ты потянешь ли?

– Надо будет, то и сдюжу. А табак какой?

– Фабрики Чумакова, из Ярославля. Лучшая на Волге фабрика!

– Почему?

– Двадцать копеек дюжина. Бери – дешевле не сыщешь во всем христианском мире. Потому – без марок, по ночной фактуре^[89] получали.

– А не липовый твой товар-то? Табак небось до нас уже курили...

– Ты, дядя, про Федора Шелапутова слыхал? – обиженно спросил Лыков.

В лице гиганта что-то изменилось. Он наклонился к сыщику, сказал вполголоса:

– Товарищ мой был в Зерентуе^[90], сурьезный мужчина.

– Ну вот, даже и товарищ! – обрадовался Лыков. – А мы под его крылом работаем. Никаких самоделок – все фабричное.

Шелапутов был известный грабитель складов, которого полиция никак не могла поймать.

– Папиросы возьму, – смягчился верзила и полез в карман. – Отсчитай десять дюжин.

Лыков бойко отоварил покупателя, убрал деньги за пазуху, а взамен вынул бумажный пакетик и ампулу.

– А вот еще есть товар. «Кикер». Модная среди господ штука. Говорят, в балду шибает хлеще водки. Но сам не пробовал, врать не буду.

Мужик насупился:

– Дай-кошь поглядеть.

Покрутил ампулу в огромной ладони, поколупал пальцем, спросил:

– Что в ней?

– Морфий. Полтора золотника.

– И почему?

– Это товар дорогой, – солидно ответил Лыков. – Мы с собой токмо образцы носим. А цена зависит от того, сколько берешь.

– Один пузырек почему?

– Два рубля. А куверт кокаина полтора.

– Эх, и ни хрена себе! – удивился детина. – Дороже коньяку!

– Я же говорю: барская забава. В большой сейчас моде. Для морфия шприц нужен – это такая иголка с приделанной склянкой. Колешь в любое место, и делается тебе так сладко... Но можно и без иголки, а из стакана принимать, но тогда шибает меньше. Иголку дадим. А кокаин через стеклянную трубочку нюхают. Понял, деревня?

К покупателю папирос подошел еще один, спросил:

– Иван, ты, никак, табаком разжился? Чего еще ребята предлагают?

– Да вот, Данила, «кикер» готовы продать.

– Ха! По мне, лучше водки дербалызнуть. Пошто в деревне такая дрянь?

Данила был похож на Ивана, как двоюродный брат: такой же рослый, с такой же жесткой складкой между бровей. Возможно, они и есть наши душители, подумал Лыков, но разговор о морфии заглох. Второй мужик тоже запасся папиросами, и приятели удалились к окну уговаривать полбутылку. Благово так и предполагал, что они подойдут позже, на улице, когда не будет свидетелей... Пора было уходить: Босой купил весь спирт, покупателей на другие товары не находилось.

Закончив расчет, Форосков двинул к выходу; Алексей шел сзади. Пока торговали, на улице уже стемнело, но видимость оставалась хорошей.

«Вот сейчас они нас догонят», – подумал титулярный советник и действительно услышал сзади шаги. Однако это оказались другие визитеры. С десятков крепких мужиков мигом окружили полицейских, в свете луны блеснули клинки ножей.

– Эй, земляки, вы чего? – встревожился Форосков и тут же получил удар в лицо. Сыскной городской Ничепоруков прыгнул с козел, но в грудь ему уперлись сразу две «выкидухи». Лыкову тоже приставили к горлу

лезвие и велели не дергаться. Чем же они себя выдали, лихорадочно думал Лыков и искал план спасения. Но спасения не предвиделось: со всех сторон их окружили вооруженные бандиты.

Вперед вышел тот самый Иван, что покупал папиросы. Помахав выразительно свинцовым шаром на ременной петле, он приказал:

– Отдавайте соргу!^[91] Рублей на двести всяко наторговали.

Форосков посмотрел на Алексея, тот молча кивнул. Петр полез за деньгами. Лихие мукомолы обыскали всех троих, забрали имевшуюся наличность, прихватили и часы. По счастью, Благово запретил своим людям идти на операцию с полицейскими билетами; теперь это их спасло. Когда Лыков понял, что происходит обычный грабеж, он даже обрадовался!

О сопротивлении не могло быть и речи. Во-первых, опасно: ночь, глухая деревня, ножи у горла. Во-вторых, требовалось вести себя сообразно роли, а торговцы краденым спиртом не стали бы спорить с бандитами.

– Зря вы так, ребята, – сдержанно заметил Алексей. – Шелапутов не оценит, может и обидеться.

– А ты в полицию пожалуйся, – посоветовал Данила и загоготал, довольный.

Сквозь толпу протолкался давешний одноглазый пьяница и стал напротив Лыкова с грозным видом.

– Помнишь, как ты меня хамил?

Алексей промолчал.

– Вот, получи назад!

Одноглазый ударил сыщика в лицо. Тот сжал кулаки до хруста, но сдержался. Грабители одобрительно заулюлюкали. Видя полную безнаказанность, они отняли у ночных торговцев еще и лошадь с коляской и отпустили их. Сказали: будут деньги, приходите... В довершение всех унижений Иван отобрал у Лыкова новый казакин, а взамен отдал свой старый, весь перепачканный мукой. Привел при этом с издевкой старинную крестьянскую присказку:

– Нельзя же комиссару без штанов; пусть и худенькие, да с пуговкой.

Выбравшись наконец из бандитской деревни, сыщики облегченно вздохнули. Дыру в боку не провертели, а морды заживут!

– Что делать будем, ваше благородие? – не без иронии спросил Ничепоруков. – До Волги семь верст. Вы ребята молодые, а я уж староват ночью по кустам лазать.

– Ништо, доберемся с Божьей помощью, – ободрил ветерана Форосков. – Вот что с душителями делать? Теперь на мельницу не сунешься. Так и придется облавой идти.

– Завтра я пропишу им перцу, – пообещал Лыков, грозя в ночь крепким кулаком.

– Человек сорок придется собирать, с оружием.

– Никаких облав, – отрезал титулярный советник. – Придем так же втроем, как и сегодня, только днем.

– Зачем? – недоуменно спросил Петр. – Чтобы нам еще раз рожи начистили? Мне моя дорога, я еще не женился.

– Как ты думаешь, если бы настоящие Шелапутовы ребята так попали, как бы они поступили?

– Вернулись бы всей бандой, и во главе ее шел бы сам Шелапутов.

– Правильно. Или...

– Или, если смельчаки, наскочили бы те же самые, но с револьверами. И сказали бы: хозяин велел все отбить и столько же навалить сверху штрафа. Но это надобно быть совсем отчаянным!

– Считаю, что мы такие и есть. Доиграем роль как должно. В качестве штрафа заберем у них морфий.

– Это как? Тремя револьверами десять крепких мужиков пугать будем? А если они не испугаются?

– Я им покажу волчий оскал. Думаю, даже не понадобится пушки вынимать...

– С десятерыми никак не совладать, Алексей Николаич, – попытался успокоить распалившегося начальника осторожный Ничепоруков. – Даже тебе. Давай вернемся, доложим Павлу Афанасьевичу, он решит.

– Отставить и слушать приказ!

Как старший в команде, Лыков уже принял решение и теперь разъяснил его подчиненным. Полицейская облава заведомо не даст результатов: как найти на огромной мельнице сверток с морфием? Зато, напуганные облавой, убийцы поспешат избавиться от улики. И все! После этого ловить душителю будет бесполезно: ни свидетелей, ни ампул...

Возвращение лжеторговцев в Неклюдово – единственная возможность взять преступников с поличным. Риски приемлемы. Если их не зарезали ночью на пустой дороге, то днем, на глазах у всей фабрики, точно не убьют. Могут добавить тумаков, это точно; но должно выйти по-другому.

Так, не сообщая начальству о первой неудаче, сыскные чины решили довести дело до конца. Они пришли в большое село Бор, что на левом берегу Волги, и растолкали станового. По счастью, тот знал Лыкова в лицо. Пристав помог реквизировать коляску и вооружил Ничепорукова, по его просьбе, винтовкой. Выспавшись и плотно позавтракав, в одиннадцать часов утра полицейские отправились обратно в Неклюдово.

– Алексей Николаич, возьмите хоть револьвер, – упрашивал Форосков титулярного советника. Но тот уже завелся и чуть не дрожал от предвкушаемого удовольствия мести.

– Я так зол на них за вчерашнее, что порву всех голыми руками, – признался он. – Быстрее, быстрее!

Коляска влетела во двор мельницы. Артель грузчиков у везломовской пристани затаривала кулями с мукой небольшую расшиву. Иван и Данила легко вынимали девятипудовые мешки из приемника и клали их у сходней; остальные семь человек растаскивали их по лодке.

Лыков выскочил из экипажа и быстро подошел, почти подбежал к приемнику. Вид у него был решительный.

– Ба, опять пожаловал! – засмеялся Данила. – Наверное, еще денег привез.

– Нет, я привез сдачи!

Лыков ударил так сильно, что огромный детина улетел на две сажени. Уткнулся в мешки и затих без чувств. Иван бросился на сыщика, но не преуспел. Тот схватил его левой рукой за бороду и притянул к себе, а правой нанес три стремительных удара в челюсть и переносицу. Когда он разжал пальцы, громила мягко повалился на землю...

Мельники в числе нескольких десятков выбежали на крытую галерею и с любопытством наблюдали за начавшимся побоищем. Рассвирепевшие грузчики полезли было из расшивы на берег. Алексей развернулся к ним, ощерился, схватил в каждую руку по девятирику, крикнул и поднял кули над головой! Ребята в лодке ошалели. Не опуская рук, Лыков пробежал по сходне и бросил муку в расшиву. Струхнувшие крючники кинулись врассыпную. Тогда Алексей прыгнул в лодку сам и принялся лупить их смертным боем. Особенно доставалось тем, кто вел себя вчера вечером наиболее нагло... Лыков сновал по утлой лодчонке, как ураган. Он настигал жертву, страшными ударами валил ее с ног и, не мешкая, спешил к следующей. Тех, кто пытался выскочить на берег, встречал у сходни Форосков с толстым сосновым брусом в руках. Одним движением он отсылал бедолагу обратно в мясорубку. Мельники на галереях с большим интересом созерцали, как один человек бьет семерых...

Наконец те из грузчиков, кто еще мог стоять на ногах, начали выпрыгивать за борт прямо в Везлому. Лыков счел долгом помочь им в этом, давая крепкого пинка вдогонку. Трое остались лежать на дне расшивы. Когда Алексею не с кем стало драться, он остановился, осмотрелся и ловко выбрался на берег. Разгоряченный боем, он сделался страшен. Огромные набухшие мускулы чуть не рвали рукава рубахи, глаза

почернели, лицо налилось кровью. Подойдя к Ивану с Данилой, пришедшим уже в себя, он взял их за бороды:

– Ну что, козлы драные? Нашли над кем шутить – надо мною... Где наши деньги?

Форосков обшарил ставших сразу послушными верзил и отыскал у них только сто семь рублей. Отобрал заодно и лыковский казакин.

– Где еще сотня?

– Ребятам раздали...

– Ну, вы попали. Чтоб немедля собрать, и еще две сотни сверху штрафу! За наглость.

– Где ж мы их теперь возьмем, уважаемый? – робко возразил Иван. – Ребята, вишь, разбежались. Поди, до вечера не соберутся.

– Ну! Ждать до вечера мне некогда, а ходить к Шелапутову с недодачей я не привык. Что делать будем?

И Алексей резко столкнул бугаев лбами, вполсилы, но так, что у тех искры посыпались из глаз.

– погоди, не бей! – крикнул Данила. – Возьми «кокс»^[92] – его же можно в деньги обернуть!

– Какой еще «кокс»? Это я и буду с ним по аптекарям бегать? Ты соргу давай, дуроплясина!

– Точно, – обрадовался Иван. – Сорги взаправду нет. А морфий есть, хороший, немецкий. Дорогой!

– Откуда у вас, ракла заволжского, может хороший «кикер» взяться? Нет, ты мне черта в чемодане не строй!

– Хороший, ей-бо, хороший! Да ты посмотри!

– Ладно, – смягчился Лыков. – Пошли, покажете. Может, и возьмем в зачет, а может, и нет. Это хозяину решать; мое дело морды бить. Где товар?

– У Босого в трактире, под половицей.

– А где наша коляска?

– Там же, во дворе укрыта.

– Ведите!

Лыков отпустил здоровяков, и те безропотно двинули в деревню. Бежать они не пытались. Разве от такого убежишь? Догонит – только хуже сделается... Форосков с Ничепоруковым ехали следом.

Подойдя к трактиру, Лыков обнаружил своего вчерашнего одноглазого обидчика: тот стоял за углом и справлял малую нужду. Не говоря ни слова, Алексей схватил его за ворот и потащил к отхожей яме, обнесенной жидким забором. Сбил с ног крепкой затрециной, ухватил за лодыжки, приподнял – и макнул головой в яму. Одноглазый только икал,

благоразумно не пытаюсь вырваться. Окунув его в нечистоты еще дважды, Лыков отбросил униженного противника, как ветошь.

– Теперь в расчете. Товар несите!

Данила пулей метнулся в трактир и скоро выбежал из него с узлом. Форосков тем временем, отвесив Босому пару оплеух, вывел на улицу их вчерашний экипаж.

Развернув узел, Алексей увидел несколько дюжин ампул и ректальных свеч с морфием, и три спринцовки в бархатных футлярах. Рассмотрел фирменные знаки – те же, что у Бомбея! Важнейшая улика была у него в руках.

– Ладно, так и быть. Поехали к Шелапутову, он рассудит.

Убийцы послушно сели в одну из колясок. Когда колонна добралась до Боровской переправы и въехала на паром, Алексей обернулся к Ивану с Данилой и буднично извещил:

– Сыскная полиция. Вы арестованы.

Благово оказался прав в своих предсказаниях. Убийцы на первом же допросе охотно назвали Федора Блинова как заказчика убийства провизора. А мукомол, видимо, извещенный об этом, спешно отплыл в Казань.

Уже через два дня присяжный поверенный, нанятый Аристархом Блиновым, добился от душителers новых признаний. Хозяина они видели один раз в жизни, издалека; аптекаря удавили с целью ограбления. Оговорили почтенного купца из озорства, в чем теперь раскаиваются...

Ребятам было в чем раскаиваться. Их личности были установлены путем сличения примет. Оказались они известными московскими громилами из банды Ивана Чуркина и состояли в розыске за убийство трех извозчиков. Получив каждый по восемнадцать лет каторжных работ, Иван с Данилой отбыли на рудники. Благово с Лыковым удостоились очередных благодарностей министра.

Павел Афанасьевич на первом же докладе графу Игнатьеву рассказал о роли купца Блинова в деле убийства провизора с Алексеевской. Временный ярмарочный генерал-губернатор неожиданно выступил в защиту самодеятельного мстителя! Мнения разделились: губернатор Безак поддержал графа, а полицмейстер Каргер – Благово. Старый служака возмущался:

– Это и станет всякий судьей да прокурором? Тем более казнокрад Федор Блинов!

Каргер припомнил давнее уже «дело Вердеревского» о краже в огромных масштабах казенной соли, по которому проходил и «мститель».

Дискуссия чиновников носила, впрочем, теоретический характер. Никаких улик против мукомола не было, и уголовное преследование его не представлялось возможным.

Голенищев-Кутузов-Толстой уехал во Владивосток во вновь пошитом мундире и с выгораживающей его справкой. Рыжую хипесницу так и не нашли, исчезла вместе с кортиком...

В октябре, вскоре после суда над душителями, пришло известие: преступники сбежали с арестантской баржи в Свияжске. Даже до Казани не доплыли! А еще через месяц Павлу Афанасьевичу сообщили, что Блинов готов увидеться с ним «не под запись».

Миллионщик появился уже вечером. Высокий, широкоплечий, прямой, несмотря на свои семь с лишним десятков. Федор Андреевич пришел, как он выразился, не виниться, а объяснить.

– Вы знаете, господа сыщики, кто придумал шприц для подкожных впрыскиваний? – спросил он у Благово с Лыковым вместо приветствия.

– Нет.

– Шотландский доктор Вуд. В пятьдесят третьем году. Ну и началось... Цель, как водится, была благая; получилось же опять дерьмо. Очень быстрое усвоение наркотики и очень быстрое к ней привыкание. И очень легко ошибиться и превысить дозу! Шприц Вуда убил людей больше, чем иная война. Жена самого докторишки умерла от передозировки.

Для чего я это вам рассказываю? Чтобы привлечь внимание к давно назревшему вопросу. И в России назревшему, и во всем мире. Все стало в последнее время очень серьезно, налицо опасность для общества. На нашей ярмарке всегда курили опиум и гашиш, это правда. Но кто? И где? Восточные купцы в Караван-сараях да в притонах Татарского квартала. То было их дело! В ихних палестинах опиум – обыденность. Некоторые наши дураки тоже баловались от скуки. Мишка Хлудов – ну, тот все испробовал; Васька Перлов... Русского купца, кроме белой горячки, ничего не берет.

Но теперь не так. Проклятые доктора изобрели страшный яд и назвали его лекарством. В 1817 году германец Сертюрнер открыл морфий – и сам же сошел от него с ума. Лучше бы он сдох на год раньше! Теперь-то уж поздно. Нюхать и колоться вошло у молодых людей в большую моду. Человек не скотина, испортить недолго. Не шутки идут, а юные погубленные жизни... А правительство молчит! А закон молчит!

Миллионщик перевел дух, сердито стукнул тростью об пол, грустно вздохнул.

– Вам никому нет до этого дела. А ведь вы власть, вы должны предупреждать преступления, охранять жизни и здоровье людей! Но вы

отворачиваетесь в сторону.

– У нас нет законных оснований для действий, – лаконично ответил Благово.

– Я знаю наперед все, что вы скажете. Что не можете подменять закон, и далее в этом же роде... А дети тем временем умирают.

– Господин Блинов! Вы понимаете, как опасно именно в России самостоятельно вершить правосудие? Пугачевщины захотелось? Она и так случится, недолго осталось... Наркотика – это зло, согласен. Но бороться со злом руками душителей – это добро, что ли? Чем вы тогда лучше их – для Бога?

– С Богом я сам разберусь и за грехи свои отвечу. Так, как я – нельзя. А как можно? Научите! Писать в Сенат? Писал. Министру внутренних дел? Я дважды был у него на приеме. Государю писал! Без толку. Получил благоволение «за ответственную гражданскую позицию»... Ну и как тогда бороться? По-вашему – никак. Очень удобно: нет законных оснований, стало быть, можно ничего и не делать. И умыли руки!

– А вы решили вершить правосудие по собственному разумению.

– Да, решил. Видя ваше бездействие. Когда Наташа умерла...

Старик осекся, но быстро справился с собой и продолжил:

– Как она умерла, я сначала хотел наказать того мальчишку, дрянного барчука. Сам из бывших крепостных, у князя Репнина в рабстве состоял, насмотрелся. А как глянул на него, на Валевачева этого – батюшки-святые, ребяенок еще совсем! Не ведает, что творит. И в эти-то годы уже морфиоман... Но нашелся тот, кто ведал. Все он понимал! Только денег очень хотел. Вот его я жалеть не стал. Потому – для остротки. Теперь на годы вперед запомнит аптекарское племя, что можно, а что нельзя.

– Вы полагаете, что на годы?

– Полагаю, господин Благово, полагаю. На государство, на вас у меня надежды нет никакой. Хочешь сделать как следует – сделай сам, это правило я давно понял. Иначе не стал бы миллионщиком. Разговор у меня короткий, что обещаю – то и выполняю, и все в Нижнем это знают. Ребята, что вы укатили на прииски, были здесь вчера...

– Где это – «здесь»?

– В городе.

Алексей вскочил.

– Да ты садись, Лыков, их уж и след простыл. Второй раз не поймашь... Так вот, они снова обошли все аптеки. И сказали этим фармазонам: команду никто не отменял! Случится вам нарушить блиновский приказ, мы придем снова, но уже чтобы казнить. Так что

убежден – острастка будет.

На этих словах мукомол встал, надел котелок и с достоинством удалился. И мудрый Благово не нашелся, что сказать ему вдогонку...

В 1884 году Форосков, ставший помощником начальника сыскной полиции, снова арестовал душителя Данилу. Старые знакомые побеседовали почти по-дружески. Бандит не таясь рассказал, что они с напарником получили тогда от миллионщика Блинова за убийство аптекаря пятьдесят тысяч рублей. И содействие в побеге. Иван на полученные деньги открыл трактир в одном из южных портовых городов, живет там по чужому паспорту и вполне обеспечен. Данила же спустил свою долю в карты и по-прежнему кормится грабежами.

И последнее. Маленький комиссионер Ягода все-таки уехал с перепугу в Рыбинск. Там у Гершона Фишелевича в 1892 году родился сын Генох. Затем семья вернулась в Нижний, и молодость Геноха прошла именно в этом городе. Сначала он сделался учеником аптекаря, потом анархистом. В 1908 году молодого революционера подозревали в связях с полицией, но архивы охранного отделения этого не подтверждают. В советской России Генох стал Генрихом и постепенно вырос до начальника грозного ОГПУ. Именно Ягода-младший создал первые фальсифицированные политические процессы: троцкистов, вредителей... Четыре ордена Красного Знамени и орден Ленина отметили его успехи в уничтожении людей. Революция пожирает своих детей; пожрала и его.

Убийство в губернской гимназии

*Посвящается Ирине Широковой,
происходящей из рода Нефедьевых.*

Весна 1881 года была ранней, и ледоход на Волге и на Оке начался в один день, словно по команде. Случилось это второго марта. Как будто природа ждала трагического акта цареубийства, ставшего ей сигналом...

Через неделю лед сошел, Волга с Окой очистились, и на них началась жизнь. Та жизнь, что возникает каждый год – подготовка к навигации! Зафырчали в затонах отзимовавшие пароходы, артельщики выкрасили заново дебаркадеры, на пристанские склады завезли первые тюки. Общество транспортирования кладей «Надежда» арендовало часть Гребневской пристани. Неожиданно в десять часов утра там появилось семь человек с ломами. Они споро вскрыли засовы на складе и принялись выносить из него кошму и войлоки. На робкое замечание сторожа, что воровать нехорошо, его обругали по матери и велели погулять с полчаса. Так бы и утащили товар – что мог сделать один караульщик с семерыми сердитыми мужиками, но случайно на пристань заглянули два грузчика. Одним из них был Мустафа Саберов, самый сильный в Нижнем Новгороде человек. Молодой, рослый и очень толстый, Мустафа отличается спокойным и добродушным нравом. Никогда он не дрался и не скандалил, а мог бы наломать изрядно боков... Но, увидев столь наглую обчистку хозяйских сусеков, богатырь возмутился и дал налетчикам отпор. Он схватил двоих ближайших за грудки, приподнял на аршин и отбросил, как котят. Ребята, впечатленные этим, стали пятиться. И тут откуда-то из-за спины сторожа выскочил неизвестный человек и сунул Саберову в спину нож. Мустафа сразу же сел на колени, а налетчики, бросив добычу, разбежались.

По счастью, второй грузчик оказался отставным солдатом, бывалым человеком. Он перевязал раненого и сумел остановить кровотечение. Для огромного тела клинок оказался мал и просто не достал до сердца. Силача увезли в Купеческую больницу, на место происшествия прибыла сыскная полиция.

Лыков сидел дома и лечил простреленную руку. Три недели назад в подвалах собора Александра Невского он спасал царя от покушения, и спас. А в столице его не уберегли... Расследование поэтому возглавил

Титус. Лифляндец сразу же столкнулся с необычным описанием налетчиков. И сторож, и второй грузчик характеризовали нападавших не как бандитов.

– Наш брат, цеховой, – уверенно сказал бывший солдат. – По ухваткам видать. Не то хлебопеки, не то сапожники. А может, столяры. Но не варнаки. Чем-то шибко сердитые были, а как увидели ножик – первые разбежались!

– С каких это пор хлебопеки стали склады подламывать? – усомнился Титус.

– Ну, кубыть, портные. Но что-то тут не тово...

– А который татарина пырнул, тоже цеховой?

– Вот он на отличку. Резчик по хлебу, ети его... Откудова взялся? Как черт из коробки выскочил...

С пристани Титус заехал в Ремесленную управу и получил там справку. В Нижнем Новгороде оказалось 974 хлебника (включая булочников и крендельщиков), 893 сапожника, 487 столяров и 652 портных. А еще 506 кузнецов и 383 печника... Как найти среди них любителей чужого войлока? И почему именно войлока? Копеечный товар. Рядом лежали дорогие туркестанские ковры, но их не тронули.

Яан решил заглянуть к Лыкову, провести товарища, а заодно и рассказать о происшествии. Он застал Алексея за гимнастикой: раздетый по пояс, тот осторожно разогревал в саду раненую руку полупудовой гирей. Узнав о несчастье с Саберовым, Лыков расстроился и стал собираться.

Они познакомились с Мустафой в декабре прошлого года. Зимой в Нижнем проходят кулачные бои. По воскресеньям у лесных складов за Петропавловским кладбищем собираются любители подраться: мещане, мужики из окрестных деревень, гарнизонные солдаты. Главными противниками исстари являются рабочие ассенизационного обоза и сводная пожарная команда. Обозных возглавляет лучший в городе боец, мордвин Василий Иванов. Рослый, плечистый, с маленькой головой и вечно слезящимися большими глазами, он уже десять лет как не знает поражений. Очень опытный и чудовищно сильный, золотарь дал бы сто очков вперед любому английскому боксеру. С ним-то и сразился Алексей на Николу Зимнего, выступив инкогнито за пожарных.

Было проведено три схватки. Первую Лыков проиграл вчистую и пришел на службу в синих очках, скрывающих «фонарь». Вторая закончилась ничьей. В третьем бою сыщик наконец попал... Иванова отливали водой, огнеборцы ликовали. Придя в себя, Василий не озлился на обидчика, а, наоборот, проникся к нему симпатией. Кулачный боец оказался

умным и даже мудрым человеком. Он принялся учить молодого богатыря всему тому, что с кровью познал сам. Уроки оказались очень полезны для сысского чиновника и не раз потом выручали его в бурной службе.

Тогда-то, в толпе зевак, Алексей и разглядел рослого увальня с добродушным простым лицом. И попытался вытащить его в схватку. У парня – это и был Мустафа – не было главного качества бойца, а именно куража. Побить соперника, стать самым сильным, утвердиться – все это татарина не интересовало. Способный убить Алексея одним ударом огромного кулака, он вовсе не собирался выходить с ним в круг.

Лыкову было жаль оставлять в покое такую силищу, и он предложил состязаться в поднятии тяжестей. И оказался посрамленным. Выжав лежа от груди двадцать пять пудов, сыщик уже праздновал победу. Мустафа поднял и понес на спине тридцать! Алексей впервые встретил человека более сильного, чем он. Причем намного более... Это было непривычно. Но татарин вызывал только расположение – добрый, работающий, необычайно честный. Эти-то качества татар (присущие многим из них), да плюс еще трезвость, и делали их незаменимыми работниками на ярмарке. Саберов был грузчиком и таскал многопудовые чучалы с весны до осени. В отличие от «атлетического гимнаста» Лыкова...

Встревоженный Алексей поехал с Титусом в Купеческую больницу. Мустафа лежал в маленькой чистой палате на пару с каким-то стариком с провалившимся носом. Он был сильно напуган и слаб от потери крови. Однако парень понимал, что самое страшное не случилось и он легко отделался.

– Говорить можешь?

– Ага...

– Кто это был? Ты их знаешь?

– Нет. Простая мужика. Зачем грабила?

– Они что-то сказали?

– Ага. Кричала, что это их войлоки.

– А тот, кто тебя порезал, их был или какой-то случайный, пришлый?

– Не знай, не видала.

Несколько успокоившись за парня, Алексей поехал в управление. По дороге они с Яном пришли к единому мнению, что на пристани пересеклись две силы. Те, кто сломал замки, похожи на простых артельщиков, обиженных при расчете. Покумекали и решили забрать свой товар назад! И, по простоте, которая хуже воровства, совершили фактический грабеж. А варнак с ножом появился неведомо откуда и выглядел инородным телом в той сермяжной компании. Неужели

случайный любитель заварушек? Ходит с лезвием и ищет, где бы кого порезать... Есть и такие идиоты.

Прибыв в управление, сыщики убедились, какие они умные ребята. Шесть просто одетых мужиков стояли в общей комнате сыскного отделения, комкая шапки. Седьмой, по виду артельный староста, писал объяснение. Форосков ходил между столами взад-вперед и вдохновенно диктовал:

– ...и посредством взлома запоров и преград проникли в помещение, содержащее материальные ценности.

– Помедленнее бы, ваше благородие! – взмолился мужик. – Мы ж не настолько ученые!

– Ха! Мы люди безграмотные, пряники едим неписанные! Эх, лободыроватый... Ломал-то ты быстро!

– Это что, те самые, с пристани? – догадался Алексей.

– Так точно, ваше высокоблагородие! – гаркнул Форосков, вытягиваясь по струнке и выпучивая глаза. Мужики, как один, зажмурились со страха и уставились в пол.

– Вольно! – благосклонно кивнул Лыков. – Жду вас, ротмистр, по завершении с докладом.

И хозяйским шагом проследовал в кабинет начальника отделения.

– Сам господин Лыков, – громким шепотом пояснил за его спиной Форосков. – Что рука поранена – это он царя защищал. А вы, ироды, замки ломаете!

– Так ведь, ваше благородие, он товар-от забрал, а платить не стал, – чуть не рыдая, принялся заново объяснять староста. – Цельную зиму ждали, а надо жен-детишков кормить. Ну мы и пришли свое вернуть. А вы нам теперь арестантские роты сулите. Это где же тогда правда?

Алексей расположился за столом Благово, спросил чаю и через пять минут вызвал к себе Фороскова.

Отделение сыскной полиции уже месяц как осталось без начальства. Не только Лыков заплатил своей кровью за жизнь государя. Благово проломили голову в те же мутные февральские дни (Алексей так и не выяснил кто), и последствия этого мучили статского советника до сих пор. Частичная потеря зрения, слабость и сильные внутричерепные боли; а к старости доктора предрекали дрожательный паралич^[93]. Павел Афанасьевич руководил сыском не выходя из дома, поэтому его помощник и хозяйничал в кабинете.

Форосков, как всегда веселый, доложил о визитерах. Это оказалась

артель шаповалов^[94] из пригородного села Щербинка. Скупщик Содомгоморов еще зимой забрал у них товару более чем на тысячу рублей с отсрочкой платежа в две недели и до сих пор не заплатил. Мужики ждали-ждали, да и явились за своими кошмами прямо на склад должника, арендованный им у общества «Надежда». Ну сломали замки... Были немного выпимши, для храбрости... Помощника с ножом не звали; кто он – сами не знают. Как увидели, куда дело вывернуло, тут же задали лататы. Поразмыслив, шаповалы явились в полицию с повинной.

– Порядочные мужики, – заключил Петр, – только бестолковые, как дети. Это их шельма Содомгоморов запутал. И так нищета – собрали слезы, послали продать; да он еще и обворовал их. А теперь сидит в приемной, чтобы отдать вам заявление.

– Какое еще заявление?

– О том, что подвергнулся нападению вооруженных грабителей, взломавших также и склад. Требуется посадить их в тюрьму. Случай с ножом ему очень на руку.

– А денег за взятый товар платить не собирается?

– Нет, конечно. Теперь, говорит, стервецам вообще ничего не положено; в тюрьме их казенной похлебкой накормят. Мужики горюют...

– Та-а-к... Позови-ка сюда этого мошенника!

Форосков улыбнулся в предвкушении удовольствия и кликнул скупщика.

Содомгоморов вошел важный, с выражением озабоченности и оскорбленной невинности на лице.

– Позвольте подать заявление, господин исправляющий должность начальника отделения. Пытались ограбить и зарезать! Средь бела дня!

Скупщик сорвался на визг.

– Разбойники! Бунтовщики! Я спасся только волею случая, а теперь они лгут, что я должен им денег. Это Инна Содомгоморов, чья честность в делах общеизвестна в городе! И далеко за его пределами...

– Это не тот ли самый, что судился о прошлом годе дважды? – спросил Лыков у Петра. – За мошенничество при поставке провианта в 32-й казачий полк и за отказ платить по долгам купцу Карказу?

– Так точно, он и есть!

– Да я... – начал было проситель.

– Молчать!! – рявкнул титулярный советник так, что из приемной убежал ошарашенный городской.

– Ваша вопиющая нечестность в торговых делах действительно общеизвестна. Она и повлекла за собой законное возмущение кредиторов.

Вы спровоцировали их на возврат товаров, задержав обещанный платеж на полгода. Это реституция, предусмотренная в шестом томе Свода Законов. (Тут Лыков соврал: законом такая «реституция» с ломом в руках, конечно, не предусматривалась.) А при попытке шаповалов извлечь свои кошмы явился неизвестный, вооруженный ножом. И напал на одного из грузчиков. Это вы его наняли?

– Да я... ваше благородие...

– Как его имя? Где он проживает?

– Побойтесь Бога, господин исправляющий должность! – возопил Содомгоморов. – Это ихний головорез! При чем тут я?

– Следствием уже достоверно установлено, что преступник не имеет никакого отношения к артели шаповалов. (Тут Лыков опять соврал.) Его вторжение совсем не выгодно мирным артельщикам, зато весьма на руку вам! А? Повторяю вопрос: кто он?

– Эвона вы как повернули! – оскорбился скупщик. – Меня грабят, а я же и виноватый? Ну, это не годится! Есть и на вас управа. Мужичье сиволапое выгораживать... Я немедленно иду к губернатору!

– Куда ты немедленно пойдешь – это мне решать, – рассердился Лыков. – Городовой!

Из приемной снова вломился парень с саблей.

– Арестовать его на трое суток. Для начала. Форосков!

– Здесь, ваше благородие!

– Начать розыскные действия. Обыск в доме и в конторе. Выемка копировальных книг^[95]. Наложение ареста на торговую деятельность. Отношение к ремесленному голове с требованием приостановить патент.

– Есть!

– Разместить засаду на его квартире. Из четырех человек. Нет, из шести. Преступник может явиться туда за наградой... И ходатайство прокурору о продлении срока содержания Содомгоморова под стражей на все время следствия. Не знаю, управимся ли к Рождеству, так что проси срок подольше.

– Наряд! – заорал Форосков диким голосом. – Выводи! Ждать в приемной.

Городовой вытолкнул ошарашенного скупщика из кабинета.

– А куда его на самом деле, Алексей Николаич? – спросил Петр Лыкова вполголоса.

– Посади пока в секретное. Через час приди и скажи: «Артельщики очень просят отпустить тебя, чтобы ты смог с ними расплатиться. Лыков в раздумьях... Твоя готовность немедленно вернуть долг – естественно, с

процентами за шесть месяцев – может повлиять на его решение».

– Понял.

– И пугани эту сволочь как следует. Скажи: «Лыков спас царя месяц назад, и, кому следует, это помнят. Ему теперь все можно, любые беззакония! Отдай долг и беги, покуда отпускают. Еще учти, что Лыков очень злопамятный и будет теперь за тобой приглядывать. Так что замри!»

– Опять понял. А с мужиками что делать?

– Сделай внушение и отпусти.

– Губернатору это не понравится.

– Знаю. Но сейчас меня нечем заменить: Павел Афанасьевич болен. Новый государь в Нижний собирается, ярмарка через три месяца... Не решатся.

Форосков ушел. Вместо него сразу же явился доктор Милотворский, хмурый и озабоченный.

– Алексей Николаевич! Не хочу вас огорчать, но увы... В губернской гимназии убийство.

Губернская гимназия находится на Благовещенской площади и выходит боковыми флигелями на улицы Тихоновскую и Варварскую. Красивое здание, трехэтажное посередине, с бельведером для метеорологических наблюдений, хорошо известно полиции. Выпускники уже взрослые: многим по девятнадцать лет, а есть и двадцатилетние. Половое созревание выражается в разных формах. Гимназисты седьмого класса замечены и в кражах, и в непристойном поведении. В последнее время вошло в моду употреблять наркотику, после чего всегда следуют дебоши. Но чтобы убивать!

Лыков спустился с Милотворским в прозекторскую полицейского морга. На столе лежал труп юноши. Такой еще молодой! Задумчивое лицо стало уже остывать и сделалось каким-то неземным... Резкая складка между бровей, сильный подбородок. Уголки рта опущены, словно покойник был обижен на весь белый свет.

– Перелом шейных позвонков, – пояснил доктор. – Обнаружили сегодня утром в зале для упражнений, лежал под гимнастической машиной. Вызвали полицию. Помощник пристава осмотрел тело, составил протокол о несчастном случае. Крутился, мол, на турнике, сорвался, упал на шею и... Такое объяснение всех устроило, пока тело не попало ко мне.

– Как его зовут?

– Михаил Обыденнов.

– А лицо породистое. Вы заметили?

– Лицо как лицо.
– Что же с ним произошло на самом деле?
– Его ударили сзади палкой или железной трубой, очень сильно. Перебили позвоночник. На шее остался кровоподтек.
– А потом подбросили тело под машину?
– Да. Мысль наивная и обличает человека малоопытного. Такой обман никак не мог бы пройти.
– Сверстник? Сводил счета?
– Полагаю, что это возможно. В таком возрасте жизнь человека еще не ценится.

– Что ж, Иван Александрович, пишите заключение. Я открываю дело.
Несколько последующих часов Лыков провел в гимназии, допрашивая учеников и преподавателей.

Михаил Обыденнов, 1863 года рождения, происходил из мещан уездного города Василь-Сурска. Отец его умер неделю назад. Сын съездил на похороны и вернулся оттуда какой-то странный. Словно узнал там нечто весьма важное...

У покойного была репутация человека обидчивого и завистливого. Это объясняли его темным, неясным происхождением. Зависть обращалась к представителям хороших фамилий, лицам, принадлежащим к потомственному дворянству. Не деньги волновали Обыденнова, а имя! Характер он имел закрытый и сложный. Не глуп, но и не умен; задумчив, но и вспыльчив. Были и достоинства. Трудно сходясь со сверстниками, Михаил становился затем верным и надежным другом.

Этих-то друзей убитого Лыков и допросил особенно тщательно. В гимназии их оказалось двое: Сергей Генч-Оглуев из местных и Серафим Рыкаткин – сосед по общежитию. Обыденнов как иногородний проживал в общежитии при Братстве Святых Кирилла и Мефодия на Грузинской улице. Койки его и Серафима стояли рядом.

Генч-Оглуев – вихрастый, в веснушках, с открытым лицом – принадлежал к именитой семье. Отец служил предводителем в Нижегородском уезде и состоял в свойстве с Фредериксами и Карамзиными. Сам юноша был стеснителен и серьезен не по годам. Смерть товарища потрясла Генча.

– Я догадываюсь, за что его убили, – сразу заявил он сыщику. – Он узнал на похоронах отца, кто на самом деле был его кровным родителем.

– Это ведь сильно заботило его?
– Да. Можно сказать, у Миши была «идея фикс». Он завидовал мне и всем прочим из Бархатной книги. Очень хотел относиться к столбовым

дворянам! Подозревал, что имеет на это право. Часто смотрелся в зеркало и находил в своей внешности признаки «голубой крови».

– От него скрывали имя настоящего отца?

– Да. Формальные его родители простые мещане, люди неразвитые и совсем его не любившие. И внешнего сходства никакого! Но кто-то незримо опекал Мишу и помогал деньгами. Он мог только гадать, тайну блюли строго до самого последнего времени. Михаил многое узнал в свой последний приезд в Василь-Сурск.

– И рассказал вам?

– Увы, не все. Только то, что его отец действительно очень знатен и богат. Но так и не назвал фамилии. Постеснялся. Сначала он хотел с ним встретиться, поговорить, может быть, сдружиться. Мысленно рисовал сцены примирения, теплых чувств... Мише не хватало семейной ласки. Но ничего не получилось!

– Отец оказался не рад сыну?

– Не просто не рад. Он выгнал его в ярости!

– За что же так сурово?

– Конечно, из-за наследства! Михаил сказал мне удивительную вещь: он достоверно рожден в законном браке! Имеются бумаги, подтверждающие это.

– Вот это новость! – даже вскочил Алексей. – Ну и ну... Гнев родителя становится тогда понятным.

– Более чем! Есть законные наследники, все уже мысленно поделено, и вдруг новый едок... Это ли не мотив для убийства?

– Еще какой мотив, Сергей. Как жаль, что Обыденнов не назвал вам фамилию! Я, конечно, пошлю агента в Василь-Сурск; попробуем найти концы там. Но... все же история эта мне не нравится. Как-то неправдоподобно, словно в романе. У жизни намного более простые сюжеты. Не мог отец не знать, что его сын – законнорожденный! Он за ним следил, помогал деньгами. Бастард – понятно, но рожденный в законном браке... Что, папаша забыл, как прошелся вокруг аналая? Бред! Вы уверены, что Обыденнов не сочинил всю эту романтическую легенду, начитавшись графа Салиаса?

– Но ведь его же убили за нее!

– Да. Значит, кто-то воспринял эту его байку всерьез.

Отпустив Генч-Оглуева, Алексей вызвал второго товарища покойного, Серафима Рыкаткина. Тот оказался совсем не похожим на первого: закрытый, настороженный, угрюмый. Смотрит исподлобья, размышляет над каждым словом и, о чем ни спроси, отнекивается незнанием. Так,

наверное, повел бы себя убийца, простодушно подумал Лыков и осекся. Неужели? Крепкий костяк, широкие плечи и сильные руки. Рыкаткин выглядел старше своих лет. И внутренняя сила, недобрая сила... Хватит у такого духу переломить человеку позвоночник палкой? Пожалуй, да.

Рыкаткин отрицал все, что рассказал Гонч-Оглуев. Да, Мишка приехал из Василя не в себе. Что ж тут удивительного? Отца схоронил. А отец ли тот мещанин? Черт его знает... Обыденнов вечно выдумывал про свою «голубую кровь»; особенно его злила неказистая фамилия. Мечтал вдруг оказаться Оболенским или Нарышкиным. Пунктик такой действительно был. Еще наводил тайну, где не надо... Если Михан и взаправду бастард, то, пожалуй, папашу-аристократа он заиметь мечтал. Ради этого и присочинить мог изрядно. Вот, наверное, Оглуеву и наплел – с вранья пошлин не берут. Законнорожденный? Сказки, такое лишь во французских романах бывает. Что он сын великого князя, не говорил? А мне говорил...

За три часа Лыков допросил всех семнадцать одноклассников убитого и полдюжины преподавателей и сильно утомился. В ушах звенело, круги перед глазами... Рано пока ему так вкалывать, не оправился (вон, опять кровоточит), но куда деваться? Благово старше, у него запас здоровья меньше. Алексей решил поехать к учителю и рассказать, что успел выяснить. Сыщик собирался затем вернуться и еще раз поговорить с гимназистами, но теперь уже не о самом убитом, а о его товарищах. Особенно его интересовал Рыкаткин.

Алексей застал Павла Афанасьевича в гостинной. В воздухе приятно разлился аромат «сиофаюна затхлого» (сортовой китайский чай, дорогуший – пять рублей фунт!). Учитель держал подстаканник из богемского бисера. Дамское рукоделие являлось памятью о давней подруге Благово, которую он чуть было не увел от мужа, да вовремя одумался.

- Присоединяйся, – предложил хозяин.
- Мне бы лучше мяса кусок, да побольше. И копру, если есть.
- Опять рана открылась? Чего ж ты бегаешь-то!
- Я из гимназии.
- Хоть из императорской квартиры! Марш к Авдотье на перевязку, а потом истребишь консоме с жарким.

Через сорок минут, поевший и осоловевший, Лыков сидел в креслах и излагал собранные сведения. Статский советник слушал его молча. Когда Алексей закончил, Благово спросил:

- Что намерен делать дальше?
- Продолжить расспросы гимназистов. Серафим подозрителен. Такой же близкий друг убитому, как и Генч, а ничего не слышал. Думаю,

Обыденнов и с ним поделился известием, но тот почему-то это скрывает.

– Хорошо. Еще что?

– Пошлю Фороскова в Василь-Сурск. Пусть роет землю носом!

– Правильно. Дальше?

– Обыск в общежитии для иногородних учеников ничего не дал. Бумаг, о которых говорил Генч, не обнаружено.

– Неудивительно, их взял убийца. Еще что?

– Следует попытаться вычислить отца Обыденнова.

– Молодец, догадался. И кто у тебя в списке?

– Мы знаем три качества этого человека. Он знатен, богат и не очень молод. Так?

– Так.

– Вот далее у меня заминка. В голову приходит только Бекетов. Это вы у нас столбовой, Павел Афанасьевич, вам и карты в руки.

– Бекетова я вычеркиваю. Да, хорошего рода. И в молодости был изрядный повеса. Но с богатством у него нелады. Дом и выезд, а боле ничего, кроме долгов. Имение в Теплом Стане дважды перезаложено. Наследникам достанется только толпа кредиторов, тут не за что убивать.

– Других кандидатов у меня нет. А у вас?

– У меня их три.

– Ого! Наш Нижний Новгород столь обилен осколками знатных фамилий?

– У нас замечательный город. Один из красивейших в России. Есть в нем и аристократия. Под названные тобою качества подходят: Петр Николаевич Охотников, Сергей Львович Танеев и Александр Евгеньевич Нефедьев. Все трое по-настоящему богаты, особенно Нефедьев. Его род вообще денежный: в Московской, Нижегородской и более всего в Костромской губерниях у них огромные угодья. Наш, здешний Нефедьев владеет очень дорогим майоратом где-то под Варнавиным. Для него появление неожиданного наследника явилось бы страшной неприятностью.

– Прикажете установить за всеми троими негласное наблюдение?

– Да, и немедленно. Убийца может прийти к заказчику за расчетом. Ты веришь в рассказ Генч-Оглуева? Что парень оказался законнорожденным.

– Я с трудом представляю, как это могло случиться, так сказать, технически. Значит, его отец венчался. Что, жена поссорилась с мужем, разъехалась с ним и затем родила? Потом они развелись, а она забыла сказать бывшему супругу, что у нее есть от него ребенок? Чепуха.

– Действительно, представить подобное трудно. Почти невозможно. В одном ты не прав, поскольку сам еще молод. У жизни не только простые

сюжеты есть в запасе. Она может такое закрутить, что Дюма-отец никогда не придумает! Так что проверяем отцовство всерьез. Ты понимаешь, что произошло, если родитель Обыденнова не знал о законности его происхождения? А вдруг он женился вторично, не расторгнув первого брака? Тогда все встает для него с ног на голову. Незаконные дети делаются законными, а свои, любимые, которых не бросил во младенчестве, а растил, оказываются бастардами! За такое и убить можно. Чтобы все опять сделалось по-прежнему.

– Литературщина, Павел Афанасьевич!

– Это было бы драмой для всех троих из нашего списка. А особенно для Нефедьева с его майоратом. Хотя и для Охотникова беда – он так любит своего Петрушу... Ну, ладно. Дуй в управление, вкалывай, но и отдыхать не забывай. Жду тебя завтра с отчетом.

Алексей вернулся под каланчу^[96] и распорядился взять под наблюдение трех подозреваемых, вычисленных Благово. Титус отправился наводить о них же справки. Форосков срочно выехал в Василь-Сурск. Подписав накопившиеся бумаги, Лыков вернулся в губернскую гимназию и принялся за новые расспросы.

Уже через час он услышал столь важную новость о Рыкаткине, что прекратил дальнейшее разведывание.

Допрашивая первых трех гимназистов, титулярный советник заметил общую у них черту. Одноклассники говорили о Серафиме неохотно и скупно. И очень осторожно. Складывалось впечатление, что они его побаиваются, причем все трое! Наконец, зашел четвертый ученик, Клавдий Томилин. Он понравился Лыкову еще при первой беседе спокойствием, присущим сильным людям. Уверенный в себе, но отнюдь не самодовольный. Крепко сложенный, открытый и надежный. Томилин сел на стул и взглянул на сыщика с недоумением:

– Мы не все обсудили?

– Да. Мне нужно поговорить с вами снова, теперь о ваших товарищах. Расскажите мне о Рыкаткине.

– Об этом душителе?

– Почему душителе?

– А он родом из Вичуги.

– Минуту! – Лыков порылся в ворохе бумаг на столе, нашел нужную справку, пробежал ее глазами. – Действительно, я не обратил на это внимания. Но не все же обитатели этого села относятся к «красноподушечникам»!

– Этот относится. Отец Серафима – уставщик секты.

- Очень интересно! Стало быть, юноша воспитан... особым образом?
- По высшему разряду! Всех здесь запугал, кроме меня.

Вичуга – село в Костромской губернии и столица глухого лесного угла. Волга делает здесь поворот с запада на юг. Внизу угла находится Иваново-Вознесенск, вверху – Кинешма. Старинный раскольничий район густо заставлен фабриками: бумаго– и ситцепрядильными, ситценабивными, ткацкими. Самые крупные и известные из них – мануфактуры братьев Разореновых, Морокина, Кормилицына и Тихомирова. На них работают десятки тысяч людей, а владельцы фабрик относятся к самым богатым в России людям.

В этой местности, издавна заповедной, представлены беглопоповцы австрийского согласия и федосеевцы, но не они задают здесь тон. В Вичуге квартирует самая загадочная и жестокая русская секта. Сами себя они называют «делатели ангелов». Посторонние же люди именуют их «красноподушечниками», или попросту «душителами». Члены секты считают: чтобы умирающий человек попал в рай, его надо обязательно удушить. И душат. Специальной красной подушкой, с соблюдением особых ритуалов, не допуская к больному ни докторов, ни родственников. Молва утверждает, что жертвами секты становились и здоровые люди, особенно наследники крупных состояний. Их капиталы отходили затем к «делателям ангелов». Сейчас под управлением этого толка находится несколько крупных мануфактур. Немногочисленная секта очень богата и пользуется странным покровительством властей. Она не попала, как скопцы и хлысты, в перечень особо вредных, и даже в опасные (как, например, невинные «бегуны») не записана! Знаменитый земляк Лыкова, литератор и большой специалист по расколу Мельников-Печерский, тоже обошел душителей вниманием, хотя жил в Вичуге и собирал о них материал. Видимо, его убедительно попросили смолчать... И чиновник особых поручений МВД, легендарный гонитель раскольников, вошедший в их устные предания под прозвищем «народившийся антихрист» – смолчал.

В прошлом году едва не разразилась серьезная история, связанная с «красноподушечниками». Доверенный^[97] Товарищества Мануфактуры братьев Разореновых, Митрофанов, заболел крупозным воспалением легких и слег. В дом к нему явился целый отряд, прислугу выставили из дома и приступили к «деланию ангела». По счастью, дочь Митрофанова услышала о болезни отца и приехала из Костромы с мужем и нарядом полиции. Она успела в последний момент: в руках у начетчика уже была подушка! Доверенного успешно излечили и перевели из Вичуги в Кинешму, на другую фабрику; дело замяли. И вот теперь выясняется, что

Серафим Рыкаткин – продукт этой жуткой секты...

– Как он здесь очутился?

– Его отказались принять в Костромскую гимназию. А в нашу взяли!

– Родня в Нижнем есть?

– Тетка. Она тоже из секты.

– Значит, инобытие^[98] Серафиму обеспечено.

– Конечно. И на суде выступят как надо, и на Библии поклянутся. Там такая взаимовыручка!

– Вы сказали: Рыкаткин всех здесь запугал, кроме вас. А пытался?

– И очень настойчиво. Он думал, что я не продержусь против его необыкновенного упорства, устану. Но я тоже упорный. Мы дрались четыре раза, серьезно, до крови, и каждый раз я его побивал. Тогда он стал применять подлые приемы. Вроде свинчатки в рукавице... Я отлупил его так, что меня чуть не выгнали за это из гимназии. Но отбил охоту подличать явно.

– И он начал делать это тайно?

– Да. Скажите, господин Лыков: трусость и осторожность ведь не одно и то же?

– Да, конечно. Если бы я, к примеру, не проявлял разумной осторожности, давно бы уже гнил в земле. Или на войне сгинул, или в бандитском притоне.

– Спасибо. Я никого не боюсь, правда! И Рыкаткина, конечно, в том числе. Но он... опасный противник. По-настоящему. Не сумев победить в открытом бою, Серафим не погнушается ударить в спину.

– Что произошло?

– Однажды я нашел в своем чае толченное стекло. Зная этого человека, я проявил разумную осторожность и проверил, прежде чем выпить.

– Молодец! Вы сообщили об этом случае начальству?

– Я сказал о находке, но промолчал о своих подозрениях.

– Понимаю. Испугались обвинений в доносительстве, не имея на руках доказательств. Трудно всегда быть настороже?

– Очень. Тяжело знать, что на тебя охотятся с применением подлых приемов. По счастью, я здешний и не живу с ним под одной крышей; в общежитии Рыкаткин добился бы своего. Жду не дождусь аттестата! Надеюсь, я продержусь... Для Серафима дело принципа подчинить себе окружающих. Запугать, заставить принять его превосходство. Только вот ему! – Томилин показал крепкий кулак. – А не отстанет – башку оторву!

Лыков уезжал из гимназии с тяжелым чувством. Подсыпать толченное стекло в чай товарищу по классу! Только потому, что тот не желает

признавать свое превосходство. Трудно представить, как далеко может зайти Рыкаткин, когда выйдет во взрослую жизнь. Особенно имея за спиной секту душителей.

Алексей поехал было домой, но на Варварке его догнал курьер из управления. Каргер просил запиской, ежели позволяет здоровье, вернуться на службу. Что-то случилось...

Полицмейстер, увидав в окно подъезжающего Лыкова, сбежал, как мальчишка, вниз и встретил титулярного советника у лестницы. Он был сильно расстроен.

– Голубчик, у нас еще одно убийство. Зарезан объездчик Бурнаковского леса, в собственном доме. Я когда-то сам принимал его в службу. Понимаю, что ты устал и нездоров, но ступай, пожалуйста, туда и разберись! Титус уже на месте и доносит, что можно взять мерзавца по горячим следам.

И Лыков помчался за реку. Было уже темно, когда он оказался в Бурнаковском лесу. Когда-то большой и дремучий, лес этот из-за близости к городу почти весь извели на дрова. Должность его объездчика была уже совершенно формальной. Каргер до прихода в полицию служил губернским лесным инспектором и всех старых служащих этого ведомства знал лично. Потому и попросил Алексея разобраться самому, чтобы вернее наказать убийцу.

Маленький дом смотрителя с постройками и огородом отстоял от села Бурнаковка более чем на три версты. Место глухое и уединенное. Тело хозяина дома в четыре часа пополудни обнаружил его сын и побежал за стражником. По телеграфу из Кунавина вызвали Титуса, он-то и встретил Лыкова на пороге.

– Труп уже увезли?

– Давно. Ножевое ранение в сердце, наповал. Пили вдвоем водку с самого утра. Видать, наладились до того, что взялись ссориться. Ну и...

– Кто-нибудь видел собутыльника?

– Сын мельком успел увидеть, около одиннадцати часов, когда заходил к отцу в первый раз. И знаешь – судя по всему, это тот самый!

– Какой «тот самый»? Тот, что Мустафу порезал?

– Да.

– Ну, тогда я рад, что сюда приехал! Будет волку на холку. Совсем, видать, духовой^[99], за один день двоих завалил. Пора его прекратить!

– Смотри, что я нашел, – Титус протянул начальнику вчетверо сложенный лист бумаги. – Этот кретин переделался в шинель лесничего, а свой старый кафтан бросил здесь. Вместе с паспортом!

– Да... В голове у него не густо засеяно. Как зовут эту сволочь?

– Иван Кокушкин. Паспорт выдан Семинским волостным правлением, имеется полицейская явка города Арзамаса. Главное, приметы подробно указаны, теперь не уйдет.

– Искать начинаем прямо сейчас, пока он еще кого-нибудь не убил. Начнем с Бурнаковки, затем перейдем в Гордеевку, Кунавино и Сормово. Придется организовать несколько групп. Вызывай сюда весь наличный состав.

Так Лыков совершил ошибку. Хотя, возможно, это не было ошибкой: пьяный, без царя в голове, Кокушкин в любой момент мог пролить новую кровь. Восемнадцать человек списочного состава сыскного отделения не все могли участвовать в его поимке. У отделения есть обязательные ежедневные наряды в местах скопления людей. Вечерняя служба в кафедральном соборе, представление в театре и дежурство на вокзале отнимали шестерых. И Алексей распорядился снять наблюдение с домов троих аристократов и бросить освободившихся агентов на поиски убийцы.

Кокушкина нашли уже под утро, в Варях. Держатель питейного дома опознал по приметам парня, купившего у него недавно косушку водки. Вместе с парнем был местный житель, известный в деревне буян, служивший наливщиком в заводе Тер-Акопова. Трое агентов ворвались в его дом и обнаружили там перепуганную жену наливщика; сам хозяин, мертвецки пьяный, спал на кухне на полу.

– А где гость? – спросил Степан Девяткин, обводя углы стволом револьвера.

– В бане, – ответила женщина. – Еле спавила; ен с ножиком!

Агенты бесшумно окружили баню на задах и принялись тихо совещаться. В маленькую низкую дверь можно было сунуться только одному человеку, да и то согнувшись в три погибели. Степан молча перекрестился и шагнул внутрь. И тут же вышел наружу, держась за левый бок, а между пальцами его вытекала кровь. Из бани донесся хриплый пьяный голос:

– Заходи следующий! Всем юшку пуцу, сволочь!

Девяткина быстро перевязали и отправили в Ярмарочную больницу. Он был бледен, но держался; лезвие ножа прошло в полувершке от сердца и пробило легкое. Подтянулась вторая группа; сыщики окружили строение плотным кольцом, но внутрь соваться уже не решались. Кокушкин матерился и обещал всем смелым кровавую парилку. Как его оттуда выкуривать, было непонятно.

Подъехал Лыков, злой как черт. Кулаки сжаты, по лицу гуляют

желваки. Хмуρο выслушал доклад Фороскова, осмотрел баню, подошел к одному из углов. Третий снизу венец был длиннее остальных и немного выступал из сруба. Титулярный советник взялся за него обеими руками, уперся и потянул вверх. Стены зашаталась, раздался треск.

– Эй, вы че там? – послышался изнутри озадаченный голос убийцы.

Лыков продолжал налегать. Через несколько секунд он вырвал угол из нижних венцов и поднял его на уровень груди! Крыша бани перекосилась, вниз полетели обломки стропил и пучки соломы. Бревна стали медленно вываливаться из разодранных стен; строение складывалось, как карточный домик.

– Сдаюсь, сдаюсь! Я выхожу! – кричал Кокушкин, но Алексей не обращал на это никакого внимания. Отступив на шаг, он взялся за выдранное бревно и толкнул его от себя. Сруб рассыпался окончательно, сложенные «в лапу» бревна вылетели из пазов и обрушились внутрь. Раздался жуткий треск, а потом сразу наступила тишина...

Постояв несколько секунд и убедившись, что дело сделано, Лыков развернулся, так же молча сел в пролетку и уехал. К обломкам подошел Титус, прислушался. Из-под бревен послышался стон. Яан сплюнул на развалины:

– Знай сметку – умирай скорчась!

Потом развернулся к агентам:

– Закуривай, ребята. Спешить некуда.

Сыщики сошлись, вынули папиросники; кто-то пошутил, остальные дружно рассмеялись. Только младший агент Щапов (первый год в службе) отдалился в сторону и принялся вполголоса молиться. Докурив, Титус отбросил сигаретку и неохотно взялся за бревно.

– Ну, ребята, начнем, благословясь.

Алексей вернулся в управление в половине шестого утра. В девять доклад Каргеру; он надеялся поспать перед этим пару часов. Однако в приемной Алексея ожидал незнакомый посетитель: высокий старик, седой как лунь и с печальными выцветшими глазами.

– Слушаю вас, – сказал Лыков, заводя его в кабинет и снимая на ходу шинель.

– Я убил человека, – деревянным от волнения голосом произнес тот.

Алексей вздохнул, сел за стол, взял перо и тетрадь.

– Где, когда и при каких обстоятельствах?

– 17 мая 1841 года, в заштатном городе Починки. Не поделили деньги. Были пьяные, случилась драка...

Алексей снова вздохнул и отложил перо.

– Сколько вам лет?

– Семьдесят третий пошел.

– По закону лица старше семидесяти лет освобождаются от уголовного преследования. Можете идти домой.

– Как это домой? – испугался старик. – Я человека убил! Вы что, не поняли? Арестуйте меня и посадите в острог, я дам полное признание.

– Повторяю, дедушка, – как можно мягче сказал Алексей, – я не могу тебя арестовать. И никто другой не может. По закону не положено. Ты слишком долго молчал, теперь уже поздно.

– Я боялся. Сорок лет боялся – тюрьмы, каторги... Пить бросил, милостыню стал подавать, выстроил две церкви. А он все стоит у меня перед глазами, Петька-то... Приятели были... Старый я. Скоро Богу ответ давать, а я за убийство христианской души наказание не понес. Накажи меня, мил человек! Очень тебя прошу!

– Пиши, дедушка, бумагу. Расскажи в ней, как все было, и в конце проси для себя наказания. Я передам бумагу губернатору.

– А каторгу мне приговорят? – с надеждой спросил старик. – В рудники бы меня, в подземельные работы.

– Губернатор, полагаю, передаст твое заявление владыке, а тот вынесет церковное покаяние.

– А рудники?

– Не знаю, как начальство решит, – соврал Лыков и сплавил несчастного убийцу к секретарю. Затем бросился на диван и мгновенно заснул.

Разбудил его Титус энергичным потряхиванием за плечо.

– А? Что? Который час?

– Половина двенадцатого.

– Черт! Доклад Каргеру проспал!

– Успокойся, я доложил за тебя. Его превосходительство не велел будить.

– Как Степан?

– Жить будет. Но легкое прорезано, не случилось бы чахотки.

– А этот?

– Лежит без сознания. Голову пробило бревном. Видимо, помрет к вечеру.

– А и хрен бы с ним, со сволочью. Таким не нужно жить. Странно, кстати – и рука стала заживать! Что сказал Николай Густавович?

– Заявил при всех: «Лыков не желал подвергать опасности жизни

своих подчиненных. Я полностью одобряю его действия!»

Алексей облегченно вздохнул. Убийство преступников при задержании очень не приветствуется в Министерстве внутренних дел. Секретная «Инструкция чинам сыскной полиции» прямо предписывает принимать все возможные меры для ареста подозреваемых живыми. Виновным в нарушении инструкции угрожает понижение в должности и даже увольнение от службы. У Лыкова, как и у каждого человека, имелись недоброжелатели, и они могли использовать этот случай во вред сыщику. Каргер своим авторитетом прикрыл его.

– Я должен доложиться Павлу Афанасьевичу. Появились важные новости насчет убийства в гимназии.

– Подожди. Сначала прими барышню, она тебя уже десять минут дожидается. Только умойся!

– Какую еще барышню? – рассердился Лыков. – Прими ее сам; видишь, мне некогда.

– Дурак ты, Лешка, – рассмеялся Титус. – Сначала взгляни на нее и тогда уже не захочешь никому перепоручать.

– Да? – сразу заинтересовался Алексей. – Красивая? Так это другое дело! Зови... через пять минут.

Наскоро умывшись, причесавшись и прополоскав рот зубным декоктом, титулярный советник уселся за письменный стол и напустил на себя важный вид. Вскоре в дверь постучали, и вошла незнакомая барышня. Когда Лыков увидел ее, то онемел.

Потом уже он понял, что в этом почти еще ребенку не было особенной, внешней, чувственной красоты. Но в тот раз Алексею показалось, что ударил гром, а небо упало на землю... Не скоро он догадался встать и не сразу понял, что незнакомка что-то говорит ему.

– Что? – невежливо переспросил титулярный советник, приходя наконец в себя.

– Меня зовут Варвара Александровна Нефедьева. У меня к вам очень важный разговор.

– Вы дочь Александра Евгеньевича Нефедьева? – догадался Лыков.

– Да.

И тут он вспомнил, как снял вчера наблюдение с домов трех подозреваемых и до сих пор не восстановил его! Кровь прилила к лицу Алексея. Он споро усадил гостью в кресло и пробормотал:

– Прошу меня простить. Только одну минуту!

И выскочил в приемную. Там стоял и скалился Титус.

– Ну как?

– Отставить! – рявкнул на него Лыков. – Я дурак. Наблюдение за домом Нефедьева не возобновлено?

– Нет, конечно. Не было команды. А что? Неужели...

– Немедля выставить парные пикеты ко всем домам! Обо всем докладывать мне незамедлительно. Если увидят гимназиста – следить особенно внимательно!

– Есть! – сразу посерьезнел Ян и бегом кинулся исполнять приказание.

Алексей вернулся в кабинет, надеясь в душе, что ничего важного сыщики не упустили.

– Еще раз прошу меня извинить. Теперь я вас внимательно слушаю.

И, набравшись духу, взглянул барышне прямо в глаза. Какие красивые... Серые. И одухотворенные какие-то, особенные. Неземные? Может быть...

– Я пришла сделать заявление. Моему отцу угрожает опасность. И... я так хотела бы ошибиться, но...

– Говорите все до конца, – мягко посоветовал Лыков. – Это может быть важным. В том числе и для спасения жизни человека.

– Я именно об этом. Скажите, в городе за последние два дня никого не убили? Юношу лет восемнадцати, возможно, гимназиста.

Алексей оторопело уставился на Нефедьеву:

– Что вам об этом известно?

– Значит... все-таки убили?

– Да. Позавчера в ночь, в рекреационном зале губернской гимназии. Его звали Михаил Обыденнов.

– Да, Михаил... Это имя звучало.

И барышня, уткнувшись в свои ладошки, беззвучно зарыдала.

Лыков бросился к графину с водой, вынул свой платок, крикнул из приемной нашатырю. Через минуту Варвара Александровна успокоилась настолько, что снова смогла говорить. Рассказала она следующее:

– Я росла без матери; она умерла, когда мне было три года. Папа очень ее любил. Теперь я – смысл его жизни. Осенью у папа обнаружилась чахотка. Он... он умирает. И не доживет до лета. Его беспокоит мое будущее, и это беспокойство только добивает его! Все из-за этих проклятых денег.

Дело в том, что Нефедьевы очень богаты, но богатство их особенное. Папа владеет заповедным имением^[100] площадью более тридцати тысяч десятин, в Варнавинском уезде Костромской губернии. Это дает почти сто тысяч годового дохода, а в будущем даст и еще больше. Обратил имение в

заповедное мой дед, еще в пятьдесят первом году; он же и упросил государя разрешить. Папа тогда было двадцать лет, и он проявлял себя как большой мот. Дедушка боялся, что его старший сын проиграет все в пух, и решил сохранить земли таким способом. Спустя столько лет его решение бьет по нам! Ведь я – единственный ребенок и как женщина не могу быть наследницей майората. Хотя у отца есть еще младший брат, Евдоким.

– А он имеет сыновей?

– Нет, дядя бездетен и никогда не был женат. Мне кажется, ему и не хочется ни с кем себя связывать. Бывают такие люди, которым лучше всего с самим собой...

– Бывают, – согласился Лыков, незаметно, как ему казалось, присматриваясь к госте. – Но вернемся к убитому гимназисту.

– Да, конечно. Осенью, когда папа понял, что не доживет до моего замужества и появления внука мужеского пола, он уговорил дядю Евдокима удочерить меня. Заранее, до его... ну, вы понимаете. Тогда имение перейдет к дяде, а когда у меня появятся дети, они станут законными наследниками.

– И дядя согласился?

– Да. Но не спешил оформить. Он все откладывал, откладывал... И дотянул до появления того человека, о котором я и пришла рассказать.

– Я попробую догадаться. К вашему отцу пришел незнакомый юноша и сказал, что он его сын. Причем рожденный в законном браке.

– Как вы это узнали? – поразилась Нефедьева. – И что еще вам известно?

– Далеко не все. Юноша, явившийся к Александру Евгеньевичу, и был убитый впоследствии гимназист Михаил Обыденнов.

– И он не солгал? Он действительно мой кровный брат и законный сын папа?

– Этого мы пока не знаем. Сам Обыденнов был в этом убежден. И достал какие-то бумаги, подтверждающие, как ему казалось, его слова. Мы полагаем, что кто-то принял гимназиста всерьез – и убил.

– По вашему, папа имеет к этому отношение?

– Извините, но... Ищи того, кому выгодно. А ему появление Обыденнова с претензиями на наследство было как нож острый.

– Да. Я постепенно это поняла. Папа хотел спасти меня, а погубил свою душу!

– Вы это наверное знаете?

– Он сам так сказал.

– Расскажите все по порядку и как можно подробнее.

– Этот юноша – Обыденнов, как вы сказали – появился у нас в доме неделю назад. Его провел к папа камердинер Ипатий. Он еще из дворовых. Очень старый и преданный, Ипатий – как член семьи. Я ничего не знала, но услышала из своей комнаты громкие голоса. Вышла, прислушалась: папа на кого-то кричит! Никогда еще не слышала такого его голоса! А другой голос, молодой и незнакомый, спорит с папа, и настойчиво. Без угрозы, а... с какой-то любовью. Очень необычно! Я не могла понять, что это за беседа. Потом визитер ушел, а папа долго отказывался видаться со мной. Заперся и о чем-то думал. Уже под вечер вышел – на нем лица не было... И он сказал: «Варвара, случилась страшная вещь. Не спрашивай меня ни о чем. Нашему благополучию явилась неожиданная угроза. Тебе нужно как можно быстрее стать удочеренной моим братом. Как можно быстрее! А я устраню эту угрозу».

– И все? Ваш отец не объяснил вам, что это за угроза?

– В этот раз нет. На другой день приехал дядя Евдоким, и они принялись вдвоем совещаться. И вдруг появился третий.

– Кто?

– Я не знаю. Опять я только слышала голос. Тоже молодой, но какой-то... чугунный. Вкрадчивый. И убеждающий. Неприятный голос. Я разобрала лишь одну фразу.

– Вспомните ее дословно!

– «С вас по пятьдесят тысяч с каждого, и все решится быстро».

– Та-а-к... Понимаю...

– Я испугалась и убежала, не дослушав. А вечером папа снова пришел. Вот тогда-то он и сказал мне: «Я погубил свою душу ради тебя, живи долго и счастливо и молись за своего несчастного отца». Я заплакала. Не понимала ничего, кроме того лишь, что случилось что-то ужасное и папа в этом замешан.

– Дальше.

– Дальше осталась только последняя беседа папа с его братом, вчера вечером. Дядя Евдоким сказал: «Дело сделано. Угрозы больше нет, и я никого не собираюсь удочерять! Не все тебе владеть семейным богатством – теперь моя очередь. Отходи быстрее к праотцам, не мешайся под ногами». Вот так!

– А Александр Евгеньевич?

– Он потерял дар речи от такого предательства. Долго не мог поверить, убеждал: «Ты же брат мне, ты обещал! Единственную племянницу нищенкой сделаешь?» А тот смеется... И тогда папа сказал: «Я обращусь к государю. И все там напишу: как мы с тобой скинулись на убийство

законного наследника».

– Так и заявил: «законного наследника»?

– Да. Я как услышала слово «убийство», чуть без чувств не упала... Поняла, что именно имел в виду папа, и ужаснулась...

– Продолжайте. Каков был ответ Нефедьева-младшего?

– Дядя Евдоким очень рассердился. Он заявил: «Смотри, как бы с тобой чего не случилось! Или с ней». Он имел в виду меня, понимаете? И уехал. А папа пришел ко мне в третий раз и сказал: «Теперь вся надежда на государя». Затем он велел запереть все двери, вызвал в дом кухонного мужика Василия – тот очень сильный человек – и поручил ему караулить днем и ночью. И никого не принимать! А после ушел молиться и молился целую ночь. Я просыпалась, подходила к двери, прислушивалась – он все молится. И я не выдержала. Встала сегодня утром и пошла к вам. Я боюсь за отца! Приставьте к нему, пожалуйста, охрану. И еще... Если он что совершил, если он виновен – то из-за меня. Папа желал мне счастья, даже ценой своей души. А мне такого счастья не нужно. Посадите меня в одну камеру с папа! Понимаю, что говорю, видимо, глупости, но вдруг это возможно? Он очень болен и не проживет более двух месяцев. И будет даже рад наказанию. Особенно, если мы окажемся с ним вместе... И тогда Бог, может быть, простит его. Папа уже страдает и раскаивается. Получается, что я донесла на собственного отца, да?

– Да, – грустно подтвердил Лыков.

– Это не так! – с яростью, необычной в столь юной барышне, выкрикнула Варвара Александровна. – Я душу его спасти пытаюсь! И он меня поймет и не осудит. Виноват – пусть ответит, даже несмотря на то, что отец мне. Но ответит – и прощен будет Царем Небесным, а это для папа важнее земного суда. Вашего суда, человеческого. Не доносить, а спасать я пришла. А вы...

И Нефедьева снова разрыдалась в три ручья, теперь уже надолго, с истерикой и завываниями. Странно, даже в таком виде она казалась Алексею прекрасной... Но нужно было принимать меры. Поэтому Лыков сильными средствами привел барышню в относительно спокойное состояние и сказал ей коротко:

– Поехали.

Отец и дочь жили в собственном роскошном особняке на Малой Покровке, обсаженном модными каролиновыми тополями^[101]. Подъехав к дому, титулярный советник первым делом отыскал своих людей – они прятались в подворотне напротив.

– Все тихо?

– Так точно, ваше благородие, никто не входил и не выходил.

Алексей с Варварой Александровной подошли к парадному и хотели звонить в колокольчик, как вдруг обнаружили, что дверь не заперта.

– Странно, – удивилась барышня. – Папа велел усилить все запоры.

Плохое предчувствие охватило Лыкова. Отстранив спутницу плечом, он вынул из-за ремня револьвер и шагнул внутрь. И сразу же попал сапогами в лужу крови. У раздевальни распластался на полу рослый бородатый детина, у него было перерезано горло. Перепрыгнув через тело, сыщик бросился наверх; за его спиной тихо ахнул девичий голос. Ворвавшись в гостиную, Алексей натолкнулся на второй труп. Пожилой, болезненного вида мужчина с породистым лицом (на кого похож? Ах, да – на Михаила Обыденнова!) лежал на спине и смотрел стеклянными глазами на люстру. Титулярный советник медленно убрал свой «веблей» и присел на тахту. Эх, зачем добряк Каргер дал ему сегодня утром поспать лишние три часа! И как сейчас уберечь Варвару Александровну от того ужаса, что ее ожидает?

Лыков сидел в гостиной у Благово и молчал. Он только что доложил о происшествии, а также о том, как снял наблюдение с дома Нефедьева и забыл его восстановить. Молчал и Благово. А о чем тут говорить? Все ясно. Ловить Кокушкина надо было срочно. А штаты сыскного отделения не резиновые, и люди в нем не железные... Начальство это понимает и Алексея, конечно, простит. Но погибло еще два человека, и обрублены концы...

Лыков тщательно обыскал дом Нефедьева и действительно нашел в бюро прошение на Высочайшее имя. В нем покойный писал:

«Ваше Императорское Величество!

Волею невероятных обстоятельств моя дочь Варвара оказывается рожденной вне законного брака. В этом нет ее вины, да и моей тоже; мы стали жертвами плутовской проделки. Я воспитывал ее семнадцать лет как любимое и законное дитя, а теперь, когда смерть моя близка, у Варвары не оказывается средств к существованию. И это на самой заре ее вступления во взрослую жизнь. Трудно придумать отцу большую боль перед отходом в иной мир.

Эта боль усугубляется моим собственным ужасным поступком. Государь! Я пособник убийства. Неожиданно явившийся ко мне мой побочный сын, Михаил Обыденнов, дал доказательства того, что он на самом деле Нефедьев. А моя дочь бастард. И предъявил права на наследство в обход Варвары. Известие сие так поразило меня, что я потерял

способность рассуждать и совершил тяжкий грех. Совместно с братом Евдокимом, также не заинтересованным в появлении нового наследника, я заплатил одному человеку за то, что тот убьет Михаила. Не знаю даже, как зовут этого юношу. Он гимназист, соученик моего сына, и в свои молодые годы уже законченный негодяй.

Ваше Императорское Величество! Я – преступник, не имеющий права на прощение. По состоянию своего здоровья я никак не смогу понести заслуженную кару. Просто не успею. Мне остается другой суд – Божий. И он окажется пострашнее земного, ибо вынесенное им наказание не будет иметь срока. Я покидаю этот мир больной, мучимый совестью, преданный собственным братом и заживо оплаканный любимой дочерью. И мысли мои все сейчас о ней, не о себе. Мне остается одно: припасть к Вашим стопам и просить о милосердии. Пожалейте невинное создание! Позвольте мне удочерить Варвару. И тем самым вновь вернуть ей те права состояния, которых она обманом оказалась лишена. Установленным законом способом, согласно 144-й ст. п. 2 1-й части X тома Св. Зак. [\[102\]](#), я сделать этого уже не смогу.

Остаюсь Вашего Величества недостойный, но верный подданный несчастный Александр Нефедьев».

– Значит, имя убийцы мы из этого письма не получили, – констатировал Благово. – Что с его дочерью? Жаль девчонку: в семнадцать лет лишиться сразу всего.

– У Варвары Александровны нервный припадок. Я отвез ее в Мартыновскую больницу и попросил свою сестрицу присмотреть за ней. И, когда выпишут, не оставить своей опекой.

– Понятно. Сколько человек было в доме?

– Кухарка и горничная находились в своих комнатах. Ничего не знают. Гувернантка мадемуазель Бриньяк, француженка, читала книгу в библиотеке и слышала какой-то шум, но не придала значения. Кучер и дворник с женой обитают во флигеле. И еще камердинер. Он в момент убийства отлучился из дома.

– Это подозрительно. И Обыденнова он к барину привел, и во время нападения очень вовремя отлучился. Возьмите старика под наблюдение, только очень осторожно.

– Слушаюсь!

– И мамзель еще раз допроси. Она лишь гувернантка или нечто большее? Нефедьев был большой саврас. И если так, то не рассказывал ли он ей чего-либо пред смертью?

– Есть!

– Теперь о Рыкаткине. Где он находился в момент убийства?

– Разумеется, у тетки. И в ночь гибели Обыденнова тоже.

– Полное инобытие?

– Да. Готова подтвердить под присягой.

– Врет?

– Конечно. Но это не доказуемо.

– Что у нас еще есть? Варвара Александровна слышала голос убийцы, но не видела его. Может быть, устроить им свидание?

– Что это даст, Павел Афанасьевич? Присяжные не примут такую улику. Велика вероятность ошибки.

– Евдоким Нефедьев?

– Все отрицает. Брат-де его в письме оговорил, желая отомстить за отказ удочерить племянницу.

– А почему он отказался это сделать? Ведь ранее обещал.

– Объясняет вздорным характером Варвары Александровны, что, конечно же, неправда.

– А она сущий ангел?

– Так точно, – твердо ответил Лыков и даже не покраснел.

– Смотри у меня! – погрозил ему пальцем Благово. – Дело в первую очередь! Скажи мне лучше: что для нас теперь самое главное?

– Главное – понять, как васьилсурский мещанский сын Михаил Обыденнов смог оказаться законным наследником Нефедьева. До сих пор не представляю себе способа сделать это.

– Молодец! Все ж я тебя кой-чему научил. Ты прав. Пока нет мотива – нет и подозреваемого. Мотив, конечно, это борьба за наследство, за пресловутое заповедное имение. Если мы найдем документы, подтверждающие права убитого мальчишки на фамилию Нефедьев, то загоним в угол Евдокима. Эти бумаги – приговор ему. А загоним Евдокима – он сдаст нам исполнителя. Одному ведь скучно на каторгу идти!

– Ищем, но безуспешно. Форосков вернулся из Василь-Сурска ни с чем. Мать Михаила молчит. Видать, много денег дали в свое время, а неродного не жалко. Других родственников нет. В метрическую книгу Михаил Обыденнов вписан как сын своих формальных родителей. Но другие документы существуют, и достоверные – иначе парня бы не убили.

– Если убийца Рыкаткин, они у него. Обыск делали?

– Да. Сначала в общежитии на Грузинской, потом у тетки. Пусто...

– Нагрять еще раз в общежитие, неожиданно, и переверни там все.

– Если бумаги оказались у Серафима, то он давно их уничтожил. Это же такая улика!

– Ни в коем случае. Иначе чем же он станет шантажировать Евдокима Нефедьева? Доказательств против последнего у нас нет, и тот скоро вступит в права наследования огромным именем. Если бумаги сжечь, то он ничего и не заплатит. Получится, что Рыкаткин зарезал двух человек бесплатно! Он на это никогда не пойдет. Надо отыскать тайник.

– Слушаюсь!

Утром следующего дня агент Заусайлов, одетый артельщиком, следил за черным ходом нефедьевского дома. В одиннадцатом часу он увидел того, за кем должен был наблюдать. Камердинер Тронов с пустой корзиной в руках, словно бы за покупками, вышел на улицу и тут же шмыгнул в проулок. Выждав необходимое время, Заусайлов двинулся за ним по панели; следом на отдалении ехала пролетка. Старик привел сыщиков на Жуковскую улицу в дом Ранненкампа, бывший Некрасова, и пробыл там около получаса. Агенты дожидались его снаружи.

В это же время Лыков приехал в особняк Нефедьева и велел позвать в гостиную мадемуазель Бриньяк.

Гувернантка, красивая зрелая брюнетка с точеной фигурой, вошла через пять минут. Алексей вежливо попросил ее присесть. Француженка непринужденно устроилась в кресле и положила ногу на ногу так, что подол платья задрался, высоко обнажив лодыжку в ажурном чулке с ярко-красной подвязкой. Смутившийся Лыков поторопился отвести взгляд от этой бесстыдно голой ноги. Мадемуазель Бриньяк смотрела на сыщика насмешливо и неуловимо порочно.

– Какие еще вопросы пришли вам в голову, господин Лыков? Я все рассказала вчера.

– Мне пришлось в голову спросить, что вас еще связывало с убитым, – ответил Алексей, с трудом удерживаясь от желания смотреть и смотреть на эту чертову подвязку.

– Ха-ха! Вам уже рассказали. Что ж, мне нечего скрывать. Да, мы с Александром Евгеньевичем состояли в связи. Это ведь не запрещено в России? И я меньше всех была заинтересована в его смерти. Поскольку жила при нем... как это у вас говорится, распевая песенки?

– Припеваючи.

– Да, припеваючи. Он хорошо меня обеспечил, не скрою, но еще дополнительные несколько тысяч не помешали бы.

– Кто в доме знал о вашей связи?

– Все. Кроме мадемуазель Барбары. Та сущий ребенок в подобных вопросах. Вот кому-то достанется жена, ха-ха! Кстати, господин Лыков, не

желаете попробовать? Я пользуюсь ее доверием и могу попсе... поспе... тьфу! словом, помочь. Правда, я слышала, что Барбара теперь бедна, как церковный мышонок.

– Мышонок.

– Ну пусть мышонок. Жениться на сироте без рубля – это так романтично!

– Здесь, пожалуйста, поподробнее. От кого вы это слышали?

– От Саши... от Александра Евгеньевича. Пять дней назад. К нему пришел какой-то человек и очень вывел из себя. Никогда не видела его таким! Тогда Саша и сказал про свою дочь: «Моя Варенька в один миг сделалась нищей» – и добавил: «Подлец Листратов!»

– Кто такой этот Листратов?

– Не знаю, он никогда ранее не называл эту фамилию.

– Что ж, не смею вас более отвлекать, – завершил беседу Алексей. И, вставая, не удержался – посмотрел-таки вниз!

– У вас очень красивые подвязки, – произнес он как можно ехиднее, желая отомстить фривольной бабенке за свои переживания.

– Спасибо. Я заметила, что они вам понравились. Хотите посмотреть еще?

И мадемуазель Бриньяк, не дожидаясь ответа, потянула вверх трен своего платья, открыв ноги чуть не до колен. Окончательно смущенный Лыков позорно сбежал из гостиной под насмешливый хохот гувернантки. В доме лежит ее зарезанный любовник, пахнет ладаном и бубнит пономарь, а она гогочет! Вот нация!

Раздосадованный сам на себя, титулярный советник вернулся в полицейское управление. На его столе лежали две бумаги. Одна – донесение о том, что камердинер Тронов посетил кого-то в доходном доме фон Ранненкампа. Вторая бумага оказалась справкой из части о жильцах, проживающих в упомянутом доме. Пятая строка сверху гласила: «Личный почетный гражданин Мартын Риммович Листратов».

Титус сидел в общей комнате и грыз баранку, когда Алексей вылетел из кабинета, на ходу запихивая за ремень свой «веблей».

– Яша, за мной с оружием!

Титус выплюнул баранку, схватил револьвер и побежал следом за Лыковым.

Лакей постучал в дверь и бодрым голосом доложил:

– Ваше степенство! К вам опять утрешний дедушка!

– Иду, – ответил сиплый голос. Послышались быстрые шаги,

повернулся в замке ключ, и дверь открылась. Лыков тотчас же шагнул внутрь и без почтения ухватил жильца за ворот халата.

– Что такое? Вы кто? – опешил тот.

– Сыскная полиция, господин Листратов. Пришли побеседовать.

– О чем это?

– Не о чем, а о ком. О Нефедьеве и Обыденнове.

И Листратов сразу сник.

Сыщики быстро осмотрели занимаемые им комнаты, но никого более не обнаружили. Алексей внимательно взглянул на личного почетного гражданина. Тот оказался крепким еще мужчиной пятидесяти с лишним лет, лысым, бритым и с маленькими злыми глазами.

– Подождите меня в коридоре, я переоденусь и выйду. В полиции у вас и побеседуем.

– Сейчас, разбежались! – засмеялся Титус. – Сначала мы тут все осмотрим. Ну-ка, что за бумажка?

И вынул из лежащей на столе книги закладку. Развернул и прочитал вслух:

– «Мною, Михаилом Александровичем Нефедьевым, дана настоящая расписка в том, что я взял у Мартына Риммовича Листратова в долг сто шестьдесят тысяч (160 000) рублей, кои обязуюсь вернуть не позднее чем через три месяца после вступления в права родового наследства. Записано 2 марта 1881 года в городе Василе-Сурске Нижегородской губернии». Ну, сразу видать, что мы пришли по адресу.

– Что же это за книга, ежели в ней такая закладка? – в тон Яану любопытствовал Алексей. – Ба! Да это метрические записи. Какой год? Тысяча восемьсот шестьдесят третий. Ну-ка... Вот! Совершены требы: [назnamenание^{\[103\]}](#) и воцерковление младенца мужеского полу. Читаны молитвы: «В первый день, по внегда родити жене отроча» и «Во еже назnamenати отрока»; уплачены полтора рубля. И полная метрика: имя, время рождения и крещения новорожденного; сословие, звание и вероисповедание родителей; звание и вероисповедание восприемников. В графе рукоприкладства свидетелей расписались те же восприемники: супруги Обыденновы и Листратов. А младенца знаешь, как зовут, Яан? Михаил Александрович Нефедьев! То, что мы искали. Рожден в законном браке от Александра Евгеньевича и Марии Силуяновны Нефедьевых. Поскольку мать умерла родами, а отец пребывает в военном походе, присутствуют только восприемники. Крестил и запись в книгу внес: священник бесприходной церкви Воздвижения Креста Господня отец Иеремия. Откуда это у вас, милейший?

Листратов вжал голову в плечи и молчал.

– Вот что. Поедьте сейчас к нам, где и объясните свой аферизм с заменой родства. И как Михаил Обыденнов узнал, что он на самом деле Нефедьев. Остальное, то есть что с ним потом стало, нам известно.

Через полчаса в кабинете начальника сыскной полиции старик со злыми глазами рассказал Лыкову с Титусом удивительную историю.

– В восемьсот шестьдесят втором году я служил помощником управляющего у важного барина, Евгения Михайловича Нефедьева. Богатый был человек! Четыре имения, лесные угодья, конезавод в Калмыкии... Имел он двух сыновей и двух дочерей. Старший – Александр Евгеньевич – служил в Новороссийском гусарском полку. Он смолodu доставлял отцу много неприятностей. То крестьянку обрюхатит, то купцу бороду вырвет; а однажды у помещика, где полк квартировал, жену увез! Больше же всего в карты любил играть, и всегда неудачно. В двадцать два года от роду, еще корнетом, продул он почти сто тыщ ассигнациями. Евгений Михайлович испугался такого начала офицерской карьеры и упросил государя разрешить заповедное имение. И обратил в него долю старшего сына, положенную ему из родового наследства. Жить Александру Евгеньевичу есть на что, а играть – только по маленькой! Мудро сделал старик.

Так вот. В 62-м году Евгений Михайлович был уже очень немощен, а Александр Евгеньевич продолжал вести образ жизни, предписанный гусару. Это в тридцать четыре года! Отец умоляет: женись, стервец, а то я внуков не увижу. И подыскивает ему разных невест, одна родовитей другой. Сын ни в какую. Вдруг об эту пору, случайно, на улице, встречает он молодую девушку из мещанского сословия города Арзамаса, Марию Буйкову.

Листратов запнулся и прикрыл на минуту глаза, которые сделались вдруг теплыми и печальными. Потом продолжил:

– Ни до, ни после не встречал я эдакого беспорочного существа. Все, кто ее знал, любили Машу. И я, старый грешник, по сию пору вспоминаю... Александр же Евгеньевич в страсти своей к ней дошел почти до безумства. Привык ни в чем отказу не получать, а тут... Очень он хотел сделать Машу своей любовницей. Страсть его была плотская, не духовная. Завалил девушку дорогими подарками. Она их иногда брала, но чаще отсылала обратно. Всем этим от Нефедьева заведывал я, и я же, по его поручению, пытался уговорить девушку на сожительство. И не преуспел в том ни на грош! Маша была чистая душою, да и мать ее была строгих правил и дочь в том же воспитала.

Но в одном случилась осечка. Умел-таки барин нравиться женскому полу! Дурень, да фигурен, в потемках хорош. Баб глупить у него получалось лучше всего остального, особенно, пока был молодой. И Маша его полюбила... Уступила его страсти – так можно сказать. Им тоже ведь нравится, когда их возносят, говорят, что они лучше всех... Видя сие, Александр Евгеньевич совсем рассудку лишился. А Маша ему отвечает только одно: люблю, всю жизнь буду любить, но тело мое познаешь только после венца.

Наивная душа... Нефедьевы ведут свой род с незапамятных времен: и стольники были, и воеводы. Им ли родниться с арзамасскими мещанами! Какой ни был дыролобый Александр Евгеньевич, но понимал, что батюшка его проклянет, явись он с подобной просьбою. И заповедное имение тут же перейдет к младшему сыну Евдокиму. Бравый наш гусар оказался как бы между двух огней. Машенька твердо стоит на своем... И созрел в беспутной голове его дьявольский план, а мне было поручено его проверить. Уж не знаю, сам ли барин придумал или надоумил его кто, но однажды вызвал он меня и вручил сразу десять тысяч рублей. И говорит: «Вот тебе, Мартын, сумма, а сделай на нее следующее. Найди попарасстригу и сыщи церкву без прихода, где настоящий священник нищий и паствы нет. И с ними обоими сговорись. Пусть батюшка съездит в уговоренный день в консисторию, неспешно, и назад не торопится, а ключи от храма тебе отдаст на сохранение. Расстрига же нас в это самое время и обвенчает, как законный поп! Только чтоб выглядело все натурально, как истинное таинство».

Ладно. Взял я деньги, принялся думать. Перво-наперво нашел бесприходную старую церковь, почти уже закрытую, под Лысковом, на Олениной горе. Вот нищета! Батюшка ее за сто рублей согласился хоть неделю в храме не показываться. Не спросил даже, пошто это нужно, зато затребовал задаток.

Далее сыскал я и попа, готового на все. Эдакие завсегда имеются. Отец Гермоген дважды уже за проделки переводился в причетки. Он попался снова и ожидал исключения из духовного сана. За три тысячи я с ним легко сговорился. Таким образом, поручение барина было выполнено, и я еще оставался почти в семи тысячах прибытку.

Теперь оставалось только убедить невесту венчаться без согласия родителей. Маша понимала, что разрешения от Нефедьева-старшего получено не будет. Но он уже стар и болен. Ежели невестка родит ему внука в законном союзе, авось старик расстрогается да и простит молодых... А пока же предстояло хранить их брак в тайне и спешить с

рождением первенца – вот такую сказку придумал ей Александр Евгеньевич.

Много времени ушло на доказательство Маше законности предстоящего венчания. Тут, скажу без скромности, я сыграл важнейшую роль. Мария Силуяновна твердо помнила 38-е и 42-е правила Василия Великого, что нельзя венчать детей без воли родителей. То же говорит и 60-я статья первой части X тома Свода Законов. Но я придумал, как запутать малоопытную девушку. У нас, как вы знаете, есть два совершеннолетия: церковное и гражданское. Первое начинается для женщин с шестнадцати лет, а второе – с двадцати одного года. И я показал Маше документ. В параграфе 18-м «Инструкции благочинным приходских церквей» сказано: «Не венчать детей без воли родителей и опекунов до известного возраста». Там, конечно, имелся в виду возраст гражданского совершеннолетия, но девушка перепутала его с церковным. А ей шел уже восемнадцатый годок!

Еще я раскрыл ей Уголовное уложение и показал 419-ю статью. А там, если помните, предусмотрено наказание за вступление в брак «вопреки запрету родителей, в случае не достижения совершеннолетия». Опять все вышло на совершеннолетие, и опять Машенька перепутала одно со вторым. Всеми этими ссылками запутал я девушку окончательно, и она дала согласие на тайное венчание.

Ну вот... Все уж у меня уготовлено, мешает только Петровский пост, в который венчать запрещено. Жених с невестой ждут не дождутся его завершения, как вдруг ко мне приходит отец Гермоген. Возвращает мне задаток и говорит, что он спешно уезжает, далеко и насовсем! Что такое? А оказалось, что его перекупили беглопоповцы. Дают ему тринадцать тысяч рублей, перемазывают в свое священство и отсылают в Енисейскую губернию, где у них нехватка служителей. Караул! Я горю! Два дня до венчания, а мой поп задает лататы. Я ему сулю еще деньгу, только б он задержался, а он показывает в окно два воза и бородатых мужиков подле них. Все, говорит, я уже выехал; эти согласились подождать лишь несколько минут.

Как тут быть? Думал я недолго. Одно только мне и оставалось – взаправду их вокруг аналая обвести. Чуть пришла мне в голову эта мысль, так сразу и забрала меня всего. Ведь какую пользу можно было потом из этого извлечь!

– То есть заняться шантажом? – уточнил Лыков.

– Навроде того. Ну и поехал я на Оленину гору. Взял отца Иеремию в работу: окрути, говорю, молодых без разрешения родителей. Не велик же грех! Любят друг друга до страсти, жить один без другого не могут, а

старики все рублем меряют. Каждый день на Руси такие браки совершают, и ничего... Иеремия же, змей, почуял, что деваться мне некуда и он может свои условия ставить. И отвечает так: «Где три предбрачные оглашения? Где обыск? Где свидетельства отсутствия близкого родства?»^[104] А ну, как брак признают незаконным, а меня сана лишат?» Я бился-бился, да и спросил: «Батюшка, сколько ты хочешь?» – «Десять тысяч», – отвечает. Куда деваться? Остался я совсем без барыша. Вот, так все и вышло... Барин думал, что это театр с актерами, Маша – что святое таинство, и лишь один я знал правду. И решил твердо извлечь потом из нее доход.

– Что бы вы делали, если бы Мария Нефедьева не умерла родами?

– Деньги разрешили бы все к пользе барина. Купил бы он всю консисторию, сжег метрические книги, а отца Иеремию, жадюгу, услал бы в Сольвычегодск. И брака вроде бы как и не было.

– А Марию куда девать? Она – верующая христианка и венчанная жена. Тоже в Сольвычегодск?

– Чего уж проще, когда ты Нефедьев да при таких деньгах! Нанял бы пару негодяев, и те под присягой подтвердили бы, что Мария Силуяновна нарушила с ними святость брака прелюбодеянием. И взашей ее тогда, и с позором, с позором! Хорошо, что не дожила наша ангелица до раскрытия страшной тайны, умерла в убеждении, что венчанная и любимая супруга.

– А сына? Его куда?

– Эй! Дети мрут, как мухи; помер бы и он. При надобности подсобили бы...

Повисла тягостная тишина, затем Листратов продолжил:

– Ну, повенчали их, и поселились молодые на окраине Лыскова в нанятой квартире. Жили они там месяц. Только и выпало счастья на коротком Машенькином веку, что этот месяц... Александр Евгеньевич взял в полку отпуск и почти не расставался со своей молодой женой.

– А он что думал насчет будущего? Как собирался потом избавляться от игрушечной супруги?

– Александр Евгеньевич Нефедьев, упокой Господи его грешную душу, не задумывался тогда над такими материями. Жил одним днем. И делал, что хотел, а на людей ему всегда было наплевать.

– Понятно. Дальше что было?

– Началось Польское восстание, и господин ротмистр вынужден был вернуться в полк. И ушел с ним в поход. Машенька осталась жить в ожидании мужа, с одной лишь прислугой. Я нанял для нее семью Обыденновых, из васьурских мещан. Они единственные знали, кто такая Маша, да я. Барин оставил меня присматривать за ней. Расставались

– рыдал! О ней и говорить нечего... Но полагаю я, что уж через две стоянки начал наш гусар на чужих баб глазнапа запускать. А Маша понесла. Далее вам уж все ясно. Она умерла родами, а сына Михаила мы с Обыденновыми окрестили Нефедьевым. Тут уж все шло по моему замыслу. Я сообщал барину те лишь сведения, которые хотел. Он же в Польше снова влюбился и вскоре женился. Думаю, Александр Евгеньевич был даже рад, что самый рок избавил его от объяснений с Машенькой. Повторный брак, к месту будет сказать, случился всего на четыре дня раньше смерти Марии Силуяновны. Еще бы чуть-чуть, и замысел мой сорвался; а все же вышло, что вторая жена – незаконная! И дочь, конечно, тоже.

Ну и вот! Евгений Михайлович вскоре преставился. Александр Евгеньевич вышел тут же в отставку и приехал в Нижний с молодой женой. Выделил Обыденновым тридцать тысяч рублей, и те записали Михаила своим сыном. Отец Иеремия в последний раз на сем заработал, дав поддельные выписки из своей метрической книги для консистории. Я же забрал подлинную книгу храма Воздвиженья Креста Господня и принялся ждать. И ждал долгих семнадцать лет.

Я внимательно следил за домом Нефедьевых – меня снабжал сведениями камердинер Тронов. Так я узнал, что Александр Яковлевич овдовел, что очень любит свою единственную дочь Варвару и что, наконец, он при смерти. И неделю назад мой час настал. Как раз умер старик Обыденнов, и Михаил приехал его хоронить. Я ему все и рассказал. Предъявил подлинную метрическую книгу и дал с собой нотариальные выписи из нее. Парень ошалел! Он всегда мечтал быть «голубых кровей», а тут такое: и фамилия, и имение... По закону, «брачные соприжения лиц, которые обязаны уже другими супружескими союзами, не прекратившимися и не расторгнутыми – не действительны». Значит, Варвару побоку, а Мишка – наследник заповедного имения.

– Тогда вы и взяли с него расписку про долг в сто шестьдесят тысяч?

– Да. И очень просил погодить пока предъявлять свои права. Дождись, говорю, кончины папаша и неси бумаги сразу в Окружный суд. Глупый мальчишка не удержался! С отцом, видите ли, захотел побеседовать. Побеседовал, дурак! И меня под старость лет без денег оставил. А я ведь на них рассчитывал. Отжил век за холщовый мех...

– На самом деле тебе крупно повезло, старый плут, что мы нашли тебя раньше, чем они, – жестко поправил Листратова Алексей. – У тебя на руках – важнейшая улика. Мотив для убийства Михаила Обыденнова. Евдоким Нефедьев с Рыкаткиным наверняка ищут тебя сейчас по всему городу.

– Кто таков этот Рыкаткин? – насторожился Мартын Риммович.

– Гимназист, товарищ Михаила. Он узнал его тайну и предложил братьям Нефедьевым избавить их от неожиданного наследника. И избавил. Потом, за отдельную плату, и Александра Евгеньевича прирезал. Так что ежели ты собирался продать свою метрическую книгу Евдокиму, он бы не купил.

– Гимназист? Ну, от щенка я как-нибудь оборонюсь, – обрадовался Листратов.

– Он не щенок! Про таких в народе говорят: одна душа, и та не хороша; со всем прибором сатана^[105]. Далеко пойдет – пора ставить его на тормоз. Пиши записку Евдокиму – будем на тебя, как на живца, убийц ловить.

– Зачем еще? Я все рассказал, ни в чем уголовном не замешан. Плутom обозвали... Отпускайте меня, не то я пожалуюсь прокурору!

Лыков с Титусом переглянулись.

– Ну как знаешь, плут, – скривился титулярный советник. – Книги оставь нам, а сам убирайся. Чтоб духу твоего здесь не было, старый таракан!

Листратов мигом удалился. Два агента незаметно сопровождали его до Жуковской улицы и расположились в доме напротив. Одновременно в полицейском справочном столе заступили на дежурство еще два агента. Утром следующего дня туда зашел неприметный артельщик и запросил местопребывание почетного гражданина Листратова. Получив справку и вывалив из потного кулака пятак, он отправился напрямик на Мытный базар. Там в толпе артельщик незаметно передал бумажку рослому юноше в камлотовом пиджаке. Наблюдение тотчас же опознало в последнем Рыкаткина.

Конторщик дома Ранненкампа был вызван в часть и вернулся обратно с двумя новыми жильцами. Вечером к дому подъехала пролетка, и в парадное прошмыгнула неуклюжая барыня в «боярке» и бобровой пелерине. Этой барыней был Лыков. Теперь уже трое сыщиков засели в комнате, соседней с листратовскими, и принялись ждать.

В три часа утра у черного хода тихо звякнул засов – это подкупленный Рыкаткиным дворник впустил его на лестницу. Еще через минуту слышались осторожные шаги. Агенты замерли в ожидании. Вскоре раздался приглушенный щелчок. Гимназист, как заправский «домушник», поворачивал из коридора маленькими щипчиками вставленный изнутри в замок ключ. Неужели и этому его обучили «красноподушечники»? У них в Вичуге что, школа убийц?

Медлить было уже опасно. Расшторив свои лампы, сыщики ворвались

в спальню Листратова, и вовремя – топор уже собирался опуститься на его голову...

Спустя сутки арестованные с достаточными уликами были переданы следователю. У Евдокима Нефедьева при обыске обнаружили нотариальные выписи из метрических книг. Листратов подтвердил, что именно эти бумаги он вручил Михаилу Обыденнову. Схваченный же при попытке четвертого убийства, Серафим Рыкаткин не стал отпираться. Он дал полное признательное показание и в тот же день удавился в камере. Лыков с Благово были этому, честно говоря, даже рады. Уж больно черна оказалась душа у юноши; сколько бы зла мог он еще наделать...

Варенька Нефедьева стала в одночасье и не Нефедьевой, и не богатой невестой, а нищенкой без роду, без племени. Из двух ее теток старшая мигом укатила в Ниццу, не желая даже встречаться с племянницей. Младшая, в замужестве Данцигер, приютила сироту. Они с супругом, скромным путейским инженером, как могли, пытались скрасить несчастной барышне горечь случившегося. Надев траур, Варвара Александровна старалась пореже выходить на улицу. Бороться за свои утраченные права она не собиралась. Давний грех отца с обманом любящей его девушки и свежий – участие в убийстве собственного сына – глубоко поразили ее и оттолкнули от фамильных богатств.

Не зная того сама, Варенька лишила удальца Лыкова покоя. Он извел свою сестрицу, заставляя ее навещать сироту, а потом расспрашивал: а что она сказала? а как была одета? В отсутствие другого общества барышня была рада дружбе с Лизаветой и иногда заходила к ней в гости. В эти минуты Алексей был сам не свой, нес разную чепуху и просыпал солонки. Матушка потом бранилась, а сестрица смеялась... Варенька относилась к загадочному сыщику доброжелательно, но настороженно; между ним и ею стояла тень убитого отца. Бывшая богачка считала свою жизнь уже законченной и подумывала о монастыре.

Алексей сдонжил Благово, получившего к Пасхе Станиславскую ленту. Устав от хмурого вида своего помощника, Павел Афанасьевич вошел в положение барышни. Но он не только сочувствовал ей, а еще и думал и действовал. Именно усилиями Благово история Варвары Александровны Нефедьевой получила неожиданное продолжение.

20 июня 1881 года Нижний Новгород посетил молодой государь. Он участвовал в освящении собора Александра Невского, в котором зимой Лыков пролил свою кровь. Александра Третьего сопровождал только что назначенный министром внутренних дел граф Игнатьев. По его просьбе

поздним вечером, перед самым отъездом, император принял статского советника. Тот вручил монарху предсмертное письмо Нефедьева и, как мог, сжато рассказал всю случившуюся историю. Заключил рассказ просьбой: рассмотреть возможность исполнить последнюю просьбу несчастного грешника.

Государь поразил Благово тем, что, несмотря на усталость, внимательно и сочувственно выслушал сыщика. Далее он сказал:

– Понимаю доброе движение вашей души, и мне это симпатично. Однако ничего пока вам не отвечу. Даже творение справедливости должно быть законным, иначе мы можем слишком далеко зайти. Я подумаю над вашей просьбой.

И этот уклончивый ответ также понравился Павлу Афанасьевичу. Огромный сильный человек, самодержавный государь великой империи ставил закон выше своей воли.

Император со свитой уехали, и жизнь закрутилась своим колесом. Но в более быстром темпе, поскольку нижегородцы получили от графа Игнатьева неожиданное предложение. Николай Павлович позвал их перейти на службу в столицу. По мнению министра, Департамент полиции следовало усилить опытными практиками из провинции. Благово раздумывал недолго. Что бы ни было потом, а Лыков успеет в Питере закончить экстернат и получить высшее образование, здесь же это совершенно невозможно. Тогда, даже после ухода учителя, Алексей может выслужить себе достойный чин и обеспечить старость. Со средним образованием выше коллежского асессора не подымешься; и чем он станет семью кормить?

Помимо этого соображения, Благово учел и другие. Например, на берегах Невы легче выслужить белые генеральские брюки. Чинов четвертого класса там столько, сколько в Нижнем дворников... Кроме того, по происхождению своему Павел Афанасьевич имел прямую контрамарку в высший свет – будет к кому зайти на вечерок. Старый холостяк легко поэтому снялся с места.

Алексей пошел на поводу у учителя без раздумий. Он тоже холост – а там Петербург! Высшее управление, двор, голова империи. И задачи серьезнее, и перспективы.

Словом, нижегородские лекоки ответили Игнатьеву согласием. Благово принялся ликвидировать имение в Чиргушах. Лыков в столбовых не ходил и имений не нажил; голому одеться – только подпоясаться.

За несколько дней до назначенного отъезда Павлу Афанасьевичу пришел пакет из Собственной ЕИВ^[106] канцелярии. К этому времени суд

уже приговорил Евдокима Нефедьева к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на шесть лет. Знаменитый некогда род пресекался, заповедное имение подлежало переводу в казну.

В присланном пакете лежал указ Правительствующему Сенату. Государь повелевал удовлетворить предсмертную просьбу отставного ротмистра Нефедьева и признать его дочь Варвару Александровну законным отпрыском. Далее предписывалось выморочное^[107] имение передать под казенную опеку без изменения собственника, вплоть до замужества госпожи Нефедьевой. Тогда опекуном становился муж, а окончательным собственником – старший в семье сын, по достижении им совершеннолетия. С целью сохранения древнего и славного рода, сыновья Варвары Александровны, рожденные в законном браке, обязаны будут носить двойную фамилию – отца и матери.

Прочтя этот указ, Лыков и обрадовался, и расстроился. Хорошо, что несчастная барышня вернула себе достойное ее положение. Но вместе с этим она навсегда удалялась от Алексея в недостигаемый мир богатых и знатных людей. И не будет у них сына со звучной двойной фамилией. И не встретит его Варенька вечером со службы, усталого и замерзшего, нежным поцелуем в прихожей. И не станет смотреть на него через плечо своими дивными, загадочными, серыми глазами. И не запахнет на нем заботливо башлык на студеном ветру. Ничего этого не будет никогда... Поскольку проклятое имение в тридцать тысяч десятин разверзлось между ними, как бездонная пропасть.

В середине августа Благово и Лыков отбывали на новое место службы, в столицу. Весь состав сыскного отделения пришел на вокзал проводить их. Явился даже Степан Девяткин, который после выздоровления уволился из полиции и избегал прежних товарищей. Титус и Форосков заместили должности уезжающих, вожжи были переданы в хорошие руки.

Появилась на дебаркадере и Варенька Нефедьева. Она так и не сняла траура по своему отцу. Зная о роли Благово в разрешении ее дела, барышня пришла поблагодарить его. Заодно удостоился нескольких ласковых слов и Алексей. Вдруг, уже прощаясь, смущенно, но искренне Варенька сказала Лыкову:

– Не забывайте нас, приезжайте в гости. Почаще. Я буду вас ждать. Всю жизнь.

И посмотрела теми самыми дивными серыми глазами.

До самой Москвы, пока несея в ночи шумный крикливый поезд, стоял у окна титулярный советник с широкими плечами и молча улыбался.

Чиргуши

Сыщики покидали родной город. Прощай, Нижний! Удивительной красоты место, где сливаются две великие русские реки. Громадный торг, самый большой в мире. Взгляд с Откоса на тридцать верст вдаль. Три монастыря и пятьдесят церквей. Громадные овраги, словно американские каньоны, пересекающие жилые кварталы. Дряхлый, но все еще красивый кремль, отбивший семь вражеских набегов. Необыкновенное смешение языков, нравов и наружностей. Другого такого города нет больше на этой земле...

Благово завершал свои служебные дела. Закрыт розыск по краже в пароходном обществе «Дружина» телефонных аппаратов со ста саженьями медного проводника^[108]. Месяца не прошло, как общество установило первые в Нижнем телефоны, связав квартиры директоров-распорядителей с Георгиевской пристанью, а их уже украли! Хорошо знакомый полиции Аггей-Музыкант, двадцать лет свинчивающий с обывательских дверей латунные ручки, решил расширить свое дело. Пусть отдохнет от трудов в арестантских ротах...

Лето выдалось на удивление спокойное. Весной немало вымотали нервов убийства, совершенные вичугским недорослем Рыкаткиным и полоумным налетчиком Кокушкиным. Оба теперь горят в аду... У Благово остался единственный должок, но вернуть его по адресу так и не получилось. Три года назад биржевой маклер Иван Лельков убил свою супругу, чтобы жениться на ее сестре. Преступник был выявлен, но доказательств его вины сыскной полиции собрать не удалось. Все эти годы Лельков сидит тише воды, ниже травы – но не в остроге. На днях он подарил городской пожарной команде огнегасительные снаряды с настоящим солодкой. И церкви пожертвовал. Все пытается замолить грех, договориться и с Богом, и с властью. Павел Афанасьевич наказал Титусу, заступающему на его должность, не спускать глаз с убийцы – авось да попадется!

Другой заботой Благово была ликвидация имения на юге губернии. Село Чиргуши, что в Лукояновском уезде, еще двадцать лет назад было поделено надвое. Лучшая половина отошла в приданое сестре Павла Афанасьевича, Агриппине. Седьмой год как она умерла, и теперь в поместье хозяйствует ее муж, отставной кавалергард Шура Дедюлин. Молодому тогда гардемариному Благово, по его же просьбе, досталась худшая часть. Поэтому сейчас в «сыщиковой» половине и земли меньше (390

десятин против 450 дедюлинских), и мельницы нет (а у свояка есть, и одна ее аренда дает в год почти две тысячи рублей доходу). Зато у Благово четыре пруда, а у Дедюлина только один, при мельнице. И еще жемчужина владений – столь ценный на юге лес.

Покупателя Павел Афанасьевич искал два месяца. Это тебе не убийц ловить! Тут нужна другая сметка, которой статский советник не владел. Вдруг третьего дня, сидя в приемной у полицмейстера, он услышал знакомый лошадиный гогот. Так во всей губернии смеется один лишь пристав Макарьевской части Львов. И точно, подполковник ввалился в комнату весь красный, держась за живот от смеха. Протянул Благово две какие-то бумажки, отдышался и произнес скороговоркой:

– Вот! Просят прописать!

И опять заржал в голос. Статский советник глянул и тоже зашелся смехом. Действительно, для русского уха забавно! Два немецких купца, прибывших на ярмарку и сдавшие свои паспорта в часть на регистрацию, носили фамилии: один – Шлюхер, а второй – Пиписки. Эко их угораздило!

Отсмеявшись положенное, Благово усадил Львова рядом с собой и спросил по наитию:

– Именьями не интересуешься?

Подполковник был бы хорошим покупателем, как человек денежный. В границах именно его части находится Макарьевская Нижегородская ярмарка, с которой пристав раз в год снимает щедрый урожай. Главным образом, это мзда за прописку с разных сомнительных личностей и негласные штрафы с купцов за устранение протоколов о буйном поведении. Меньше сорока тысяч не бывает, а в хороший год и шестьдесят набежит. Все это знают, но молчат, поскольку сделать тут ничего нельзя. У воды да не напиться...

– Именьями? – насторожился Львов. – Признаться, гложет меня такая мысль. Но я хочу на юге.

– Лукояновский уезд.

– О! Там земля хорошая. А рыбалка есть?

– Четыре собственных пруда.

– Паша, ты чудо! Не предлагай больше никому – я беру!

– Цену-то не хочешь спросить?

– Хрен с ней, с ценой; чай, не дороже денег?

– Сорок пять тысяч. Лучше бы без рассрочки.

– Подполковник Львов рассрочек не признает! Дай мне неделю, и я соберу эту сумму.

– Но сначала давай съездим туда, посмотришь на имение. Родовое...

– Сиди тут, я пойду покажу немецкие паспорта Николаю Густавовичу, а заодно и отпрошусь на два дня. На ярмарке все спокойно; у меня, в конце концов, четыре помощника – справятся!

– Валяй. Можем выехать хоть завтра.

Так и получилось, что 8 августа 1881 года два полицейских в хороших чинах укатали из Нижнего Новгорода на юг в крестьянской коляске. Уже третий год как крестьяне организовались и возят почту и пассажиров по всей губернии. Берут они на десять процентов меньше, чем казенные ямщики, а служат исправнее. И все – трезвого поведения.

Владимир Иванович Львов оказался попутчиком веселым и приятным. Твердый и одновременно ловкий в службе, он любил выпить и закусить и знал множество смешных неприличных историй. Успевал заметить красоту идущей мимо бабы, но мог неглупо порассуждать и о польском вопросе. Ко всему опытный и смелый человек: три ордена за покорение Туркестана, любимец Скобелева.

К вечеру путники прибыли в Чиргуши и остановились на ночлег у Дедюлина. Дом Благово был не обжит, хотя еще и крепок. Плотно поужинав и сладко выспавшись, полицейские встали утром в хорошем расположении духа, и Павел Афанасьевич повел гостя смотреть имение.

Чиргуши представляют собой уютное большое село, со всех сторон окруженное пашней. Беда всего юга – отсутствие леса, поэтому избы здесь дороги и крыты соломой вместо теса. Но крестьяне все на вид достаточные, а некоторые так даже и дерзкие, шапок уже перед барами не снимают... Выпасные луга почти целиком оказались в половине Благово. Сдача их в аренду составляла основную статью доходов с имения. Главная же ценность – небольшая дубрава, именуемая Монастырским лесом: сорок десятин спелого смешанного леса в пяти верстах от села. Мужики постоянно производили там хищнические порубки. Судиться с ними было бесполезно – из Нижнего в волость не наездишься. Всех нанимаемых сторожей крестьяне быстро спаивали, и дубрава неуклонно уменьшалась в размерах. Павел Афанасьевич давно уже доверил управление имением свояку и, понимая его трудности, не просил слишком больших доходов.

Аренду за луга мужики тоже сильно занижали. Каждую весну они нагло просили у Дедюлина семян на посев, а каждую осень затягивали расчет и пытались обжулить барина во всем. Между помещиком и крестьянами шла непрерывная война. Преимущество в ней всегда оставалось за сплоченными и умными мужиками. Безголовые либералы из земства потакали сельским обществам выдавливать дворян-землевладельцев и учили их, как лучше судиться. Эдак уже давно по всей

России. Пожилые крестьяне, те, что помнят еще крепостное право, часто говорят помещикам фразу, своего рода квинтэссенцию сложных отношений на селе: «Мы ваши, а вы – наши». Сами же в последнее время имеют в виду исключительно последнюю часть афоризма... И Благово решил: пусть теперь подполковник Львов слушает, почему денег опять получено меньше, чем ожидалось. И что недород – это плохо, а урожай – еще хуже.

Пройдясь по длинному порядку и здороваясь с редкими сельчанами, Павел Афанасьевич привел Львова на реку Слотинку. Запруженная в нескольких местах, она образовывала каскад из пяти прудов. Самый нижний, дедюлинский, был и самым большим. Здесь река раздваивалась, образуя в середине маленький остров, на котором и была поставлена водяная мельница. Сбоку от плотины излучина реки образовывала заливной луг, издавна оборудованный под капустник.

– Вот, Володя, это дедюлинская гордость. За мельницу с капустником мужики ежегодно платят ему две тысячи рублей. Зато у тебя будет лес!

Подошли свояк с мельником Петром – рыжим и жуликоватым малым. Все мельники, по твердому народному убеждению, дружат с водяным. Иначе нельзя: размочит плотину, поломают спицы. Там, где колесо черпает поток, образуется омут – это и есть место обитания водного духа. Благово помнил это с детства, из рассказов нянюшки. При мельнице тогда состоял отец этого Петра, тоже рыжий. Про него рассказывали, что он обещал духу утопленника взамен охранения плотины. Но обещания не сдержал: лето было холодное, народ почти не купался. И в конце августа, починяя что-то на крыше, мельник упал в воду и не выплыл. Дух взял свое...

Дедюлин пришел рассказать, что у него назревает по поводу мельницы серьезный конфликт с деревней. Мужики вдруг заявили, что прежний барин, Афанасий Васильевич Благово, подписал им двадцать лет назад не просто аренду острова и капустника, а аренду с выкупом! И теперь общество считает оговоренную сумму полностью выплаченной, а остров и все вокруг – своим. Петра при этом хотят согнать с мельницы и передать само дело Исаю Городнову, кулаку и богатею, человеку в деревне весьма влиятельному. Петр просит у барина защиты, предстоит упорная борьба.

Сейчас же следовало слить воду мельничного пруда для осмотра и, при необходимости, починки колеса. Операция эта проделывалась ежегодно, привлекая деревенских мальчишек с корзинами; они ходят по обмелевшему пруду и вылавливают карасей.

Львов, Благово и Дедюлин встали на берегу, а мельник открыл запруду. Вода весело зашипела и хлынула в Слотинку. Петр стоял у шлюза и смотрел по бирке, когда установится нужный уровень. Вдруг Львов дернул

статского советника за рукав:

– Паша, что это?

Благово нехотя повернул голову – и увидел торчащие из воды ноги.

– Черт! Это, Володь, называется утопленником. Только его нам не хватало...

Дворяне спустились к берегу, туда же, побросав корзины, кинулись ребятишки. С пригорка приковылял камердинер Дедюлина, старый Архип.

– Армяк че-то знакомый, – сказал он, приглядевшись к раздутому труп. – Така кругла заплатка... Как у Мишки Телухина.

– Что за персонаж?

– А который о прошлую осень барский дом подломал да и убежал потом.

Благово залез по щиколотки в ил и, ухватившись, перевернул утопленника лицом вверх. Синее оплывшее лицо, объединенное рыбами... За годы службы в полиции ему приходилось видеть и не такое.

– Свят-свят-свят! – отпрянул камердинер. – Мишка и есть!

И принялся отчаянно креститься.

– Смотри, Володя, – Благово раздвинул густые водоросли, опутавшие тело, как кокон. – Видишь?

На шее утопленника была затянута веревка, один конец которой был привязан к мельничному жернову.

– Здесь убийство.

Дедюлин послал работника верхом в волость за становым. Труп вытащили на берег, пруд стал заново наполняться водой.

– Кто у вас сейчас в приставах? – спросил Благово.

– Ротмистр Кузуб. Из гродненских гусар.

– И как его угораздило в сельскую стражу?

– Проворовался на закупках фуража. Вот приедет – увидишь, что за гусь.

«Гусь» появился к обеду. Он, очевидно, относился к тому типу людей, которые «схватывают все на лету». Не дослушав рассказа Дедюлина, ротмистр арестовал мельника и отправил под конвоем в стан. На вопрос, за что, даже удивился:

– Как за что? Покойник лежит в его пруду. На шее его жернов. Все понятно!

На попытку Благово обсудить дело Кузуб посмотрел сквозь статского советника лихим кавалерийским взглядом и заявил:

– У меня и не такие сознавались. Посидит в холодной да познакомится с моим урядником – все подпишет!

И укатил – писать рапорт исправнику, что подозреваемый задержан по горячим следам.

Больше всего Павла Афанасьевича раздражала тупость людей, облеченных властью. Он нахмурился, походил взад-вперед по берегу и сказал Львову:

– Давай досмотрим все до конца: рощу, выпасные луга, дом, и возвращайся в Нижний. А я на пару дней задержусь.

– Решил найти убийцу сам? От тебя-то он, конечно, не уйдет...

– Это и тебе полезно. Преступник где-то на селе. Ежели я переберусь в Питер, а он останется не разоблаченным – может еще наделать делов. Для тебя, как для будущего члена здешнего общества, это не может быть безразлично.

– И тебе хватит двух дней?

– Ну, я же не ротмистр Кузуб, в пять минут не управлюсь.

Львов уехал, а Благово приступил к розыску. Начал он с камердинера Архипа.

– Что ты сказывал насчет осенней истории с ограблением?

– Да к нам, вишь, на Дмитровскую^[109] в дом залезли. Солонку серебряную сперли, ножи с ложками, у барина в кабинете насвинячили.

– Что именно украли в кабинете?

– Бог его ведает... В стол залезли, бюро взломали. Деньги, видать, искали.

– А почему вы решили, что это Мишка?

– Кому ж, кроме его, талагая?^[110] Всю жисть по чужим карманам молебны служит. Он уже сидел за кражу шесть месяцев у вас в Нижнем. Шапку свою обронил, в кухне нашли. А главное – Исай Потапыч Городнов его видал, как он из окошка лез. Он потом это обществу и рассказал. Мишка понял, что его узнали, и в бега ударился.

– Да. Только до пруда и добежал – дальше не успел... Шапку оставил. А вид на жительство, с фамилией и приметами, заодно не обронил?

– Никак нет.

– Что за человек Городнов?

– Из наилучших в деревне! Справный. Завод по выделке кос имеет, семнадцать человек работников. Земли опять много. Сам не дюжит, так нанимает. Теперь вот на нашего барина мир поднял, что остров с капустником ихние, а не помещичьи. Мужики судиться хотят. Они богатые, а у нас и денег-то нету на суды.

Разговор прервало появление Дедюлина. Он был озадачен, даже

растерян, а в руках держал бумаги.

– Ничего не понимаю, – сказал отставной кавалергард сыщику. – Через два часа встреча с мужиками по мельнице с островом. Я решил перечитать арендный договор, и вот... Смотри, Паша, в конце абзаца приписано другими чернилами: «...с правом выкупа». А в другом месте: «Последний платеж знаменует переход титула собственности к крестьянской общине села Чиргуши». Но ведь это же подделка!

– Гм... Да, похоже на поздние приписки. Где хранился договор?

– У меня в бюро.

– В том, что осенью сломали?

– Да. Погоди, что ты хочешь этим сказать? Неужели?

– Шура! Садись быстрее в бричку и дуй в Лукоянов. В архиве уездного землемера должен быть третий экземпляр этого договора. Мужики тебя подождают. Пулей, пулей давай!

И Дедюлин умчался в уезд. Вернулся через полтора часа еще более растерянный.

– Паша, караул! В архиве случился весною пожар. Сгорели бумаги по одной волости, а именно по нашей. Целиком. Остальные успели спасти. Это какой-то рок.

– Хорошо мужички работают! – одобрил Благово. – Серьезный подход... Тут не рок, Шура, а умысел. Чтобы отобрать твою мельницу.

– Да? И Мишку убили из-за этого? Чтобы следы замести?

– Нет, конечно. Твой капустник с островом не стоят человеческой жизни. Всему предмету спора красная цена – пять тысяч рублей; Городнов здесь перемудрил. Мужикам действительно не хочется платить тебе аренду. Если есть возможность обжулить барина, они всегда этим воспользуются. Но убивать...

– Кто ж тогда его?

– Городнов, разумеется. Но вот с какой целью? Мотива пока не вижу. Мишка в твой дом осенью не залезал, Исай оговорил его. Он же подделал арендный договор. Во время кражи кто был в доме?

– Никого. Я отлучился в уезд, прислуга гуляла на свадьбе: садовник сына женил.

– То есть были все условия. Городнов ими и воспользовался: взломал твое бюро, приписал спокойно два абзаца, а потом объявил, что видел, как Телухин лез из окна. Ты ведь, когда обнаружил кражу, бумаги не перечитывал?

– Нет, конечно. Проверил, на месте ли они, и успокоился.

– Исай все это придумал и осуществил. Потом убил Телухина и дал

взятку писарю, чтобы тот сжег архив.

– Для чего? Чтобы сэкономить сельскому обществу две тысячи рублей аренды? Не вяжется.

– Ему зачем-то очень нужна твоя мельница. Не знаю, в чем тут дело. Мельница как мельница, старая уже. Ну не стоит она убийства!

– Ты вот так уверенно обвиняешь Городнова в страшном преступлении: в убийстве. Откуда такая убежденность? Не сходя с места, без расследования... Как вы, сыщики, торопливы на выводы! Чем ты тогда лучше Кузуба?

– Шура, я умнее вашего ротмистра, а главное, опытнее. Извини, тринадцать лет службы в сыскальной полиции кое-что да значат. А убийца действительно Городнов, поскольку именно он видел якобы вылезающего из твоего окна Мишку Телухина. Что, Мишку замучала совесть за украденную солонку? И он, повязав на шею жернов, бросился в пруд? Вряд ли. А теперь вспомни, кто поднял на тебя мир в вопросе с несчастной твоей мельницей? Опять Городнов.

– Паша, что же мне делать? Это жулье подделало бумаги. Сейчас они придут со своим договором, куда, конечно, тоже приписаны эти два абзаца. Как быть?

– Судиться с ними.

– Ты же знаешь мое положение! Денег нет на эти дразги. Мировой судья у нас взяточник, а земство – скопище либеральных идиотов, которые во всем готовы поддержать мужика. Поскольку он, видишь ли, пострадал...

– Не волнуйся, я найду тебе подлинный арендный договор, без приписок насчет выкупа. Батюшка в шестьдесят первом брал ссуду в Дворянском банке под залог земли и несгораемых материалов. И предоставлял туда нотариально заверенные копии межевых актов, в том числе и арендного договора. В архиве банка они должны сохраниться, вряд ли Исай дотянет свои длинные руки и дотуда. Я телеграфирую Лыкову, и он завтра привезет тебе эти бумаги.

– Паша, ты голова! Значит, судиться?

– Да. Вскроешь их подлог, и мужикам тогда долго не захочется заниматься такими делами. А Исайку я в Сибирь закатаю, стервеца. Дам им всем такую острастку, что мало не покажется! Ты иди на сход, а я начну искать мотив, для чего Городнову вдруг так позарез понадобилась твоя мельница.

Благово решил сходить к деду Паисию. Это самый старый житель не только в селе, но и во всей округе. Сейчас дедушке идет сто второй год, и

помирать он отнюдь не собирается. Крепко держит управление всем родовым хозяйством в своих руках: закупает скотину, решает, когда сеять и когда убирать, женит правнуков, определяет цену на зерно. Старшему сыну уже семьдесят пять, но он удостаивается еще иногда отцовской палки! О прочих и говорить нечего: власть патриарха в семье безгранична.

Обычно Паисий сидит на завалинке в теплом кафтане и валяных пимах, и все прохожие заискивающе с ним здороваются. А он может и не ответить... На груди у деда серебряная медаль за войну с Наполеоном. В восемьсот двенадцатом ему было уже тридцать три! Как-то Благово полюбопытствовал, за что Паисию выпало такое отличие. Дед ответил:

– Да я в партизанах состоял.
– Что ты! У кого же именно? Уж не у Дениса ли Давыдова?
– Нет. У Александра Самойловича, господина Фигнера.
– Был такой. Утонул потом в Эльбе. Правду говорят, что он пленных казнил?

– Капитан Фигнер строгий был мужчина. Бывалыча, выстроит их так вот, в линию, и идет слева направо с двумя пистолетами. Самолично стрелял, никому не доверял. Бахнет двоих, пистолеты мне передает, а я их заряжаю наново и ему опять вручаю. Из правого-то конца прибегут, в коленях ползают, чтобы, значит, их пораньше кончили... Тяжело ждать-от, покуда до тебя очередь дойдет. Да... Но Александра Самойлыч никогда таких поблажек не давал; ждите, говорит, настанет и ваш черед. А когда пуль-от мало было, жалко тратить, так он мне поручал казнить. Возьмешь эдак-то французика за волосы, задерешь ему голову, и чирк ножом по горлу! Тут главное не запачкаться, потому кровь на два аршина вылетает; ну да у меня особый армяк был, из опойки, мылся хорошо... А господин Фигнер рядом стоит, смотрит, так ли я делаю. Никогда никаких замечаний я не получал, токмо ихнее одобрение!

– Ты только безоружных убивал или в атаку тоже бегал?

– А кака у партизан может быть атака? Все сподтишка. Партизаном-от хорошо мне было... Зарежешь, эта, французика – перво-наперво мешок его смотришь, что в нем. А опосля лезешь в сапоги. Самы-от хороши вещи он тама прятал. Вот... Я из отряда с капиталом вышел!

– А почему вышел? Кампания кончилась?

– Не... Солдаты убить меня порешили. Палачу, говорят, на тот свет пора, полно ему душегубством заниматься. Дураки! Война же... Фигнер не дозволил. Он меня любил. Говорил: ты железный, а они слякоть. И не отдал меня солдатам. Отпустил. Иди, бает, Паисий, а то недогляжу я, и стрельнут оне тебя вдругорядь. Выхлопотал мне медаль и отправил домой. Вот...

К такому-то партизану Благово и решил наведаться с расспросами.

Дед, как всегда, восседал на завалинке и смотрел на улицу стариковскими совиными глазами.

– Здравствуй, Паисий Федотыч, – поклонился статский советник, присаживаясь рядом.

– А здравствуй и ты, барин.

– Слыхал? Мишку Телухина в пруду нашли, с жерновом на шее. Все думали, что он убежал, когда барский дом ограбил, а он в пруду... Или Мишка дом не грабил?

Паисий живо повернул голову к собеседнику, поглядел внимательно и зорко.

– А правду говорят, Павел Афанасич, будто ты сыщиком служишь в Нижнем?

– Правду.

– Ну, а ежели ты сыщик, так и сыщи злодея.

– Найду, дедушка, не беспокойся. Это я хорошо умею делать.

– Знавал я одного сыщика. Яковлев фамилия. В Москве дело было, шестьдесят годов назад. Слыхал о таком?

Благово, разумеется, знал о знаменитом сыщике Гавриле Яковлевиче Яковлеве. Он был оставлен графом Ростопчиным в Москве после очищения ее русскими войсками специально для поджогов. С этой задачей мелкий полициант справился и исправно спалил Первопрестольную, занятую французами. Заодно, говорят, хорошо пограбил при этом в брошенном городе. Карьера его началась уже после войны. Яковлев отличался крайней беспринципностью и жестокостью. Он умело запутывал в свои сети состоятельных людей, заставляя их потом откупаться. Ему было все равно, виновен человек или нет. Поскупившийся на мзду шел в Сибирь за чужие грехи, а истинный злодей гулял на свободе. Применяя неслыханные пытки, сыщик заставлял признаваться в преступлениях и совершенно невиновных людей. Зловещая слава нового Ваньки Каина до сих пор не забыта... При том Яковлев действительно отличался замечательным знанием преступного мира Москвы. Он раскрыл множество убийств и краж, лично арестовывал злодеев, часто рискуя при этом жизнью, неоднократно был ранен и лишь чудом избежал смерти при исполнении своих служебных обязанностей.

– Ты мне, дедушка, лучше про Мишку расскажи, – попробовал повернуть русло беседы Благово, но Паисий был к этому не расположен.

– Что Мишка? – ответил он. – Гиль, вздорный мужичонка, не стоит он мово разговору. А ты, бают, имение продаешь?

– Да. Хочу в Петербург перевестись. Вот приехал проститься.

- А и правильно. Езжай, нечего тебе здесь делать.
- Это как понимать?
- А как я сказал, так и понимай. Мы ведь помним, как вы, Благово, нас пороли... Я еще твоего прадеда знавал и деда Василья Арсентича не забыл!
- Которого мужики на пашне задушили?

Об этой истории в семье Благово старались не говорить. В двадцатых годах дед Павла Афанасьевича был зверски убит собственными крепостными прямо среди бела дня на пахотном поле. Трое мужиков, непосредственных душителей, были пожизненно сосланы в Сибирь. Сын убитого, Афанасий Васильевич, навсегда сохранил в глубине души страх перед стихийной крестьянской силой и безуспешно пытался передать его сыну.

– Того, того... Полдеревни перепортил, покуда его не уgomонили. Теперь в аду горит...

- А те трое, что в Сибирь пошли – они где пребывают?
- Те трое? Моget, и в раю. За муку свою безвинную. Барина они пальцем не тронули. Убивали совсем другие, а этих мир назначил за общество пострадать.

– Как это можно «назначить» взрослых людей идти на вечную каторгу за другого дядю?

– Мир назначил – и пошли. Никчемные все мужики были, такие же, как твой Мишка. Пусть хоть так обществу послужат! А семьи их взяли за то на содержание. Которые взаправду убивали, кормили и поили тех все года, покуда дети не выросли, а старики не померли. Нешто справному мужику на каторгу идти? Чудной ты, барин; чай, на это лодыри есть.

– А кто взаправду убивал?

Старик пожевал бесцветными губами, потом нехотя ответил:

– Их уж в живых никого нет. Окромя меня.

Ошарашенный услышанным, Благово долго молчал, потом спросил:

– А староста хоть знал об этом?

– Староста твоего деда там, на пахоте, за руки держал, покуда мы его давили. Староста завсегда все знает. Но раз он из мужиков, то барам говорит то лишь, что тем знать полагается. А чего не полагается, того не говорит.

– И много на селе таких тайн?

– Ха! Чай, среди людей живем, а где люди, там и зло. Кто Богу не грешен, кто бабке не внук? Вот десять годов назад Ваську Смыслова мертвым на гумне нашли. Вы, сыщики, поискали-поискали, да и бросили... А в позатом году Прошку Картузова на мельнице задавило. Мешки будто

обрушились. Так то сын смысловский за отца мстил, восемь лет ждал... А вам все невдомек.

– А скажи-ка мне, кстати, дед, ежели ты такой всезнайка, что тогда с объездчиком нашим случилось? В семьдесят втором. Смирный был человек и честный. За что он вдруг кума убил?

– А, тот... Мешал он миру. Не давал нам в твой лес ходить. Больно ревностно службу нес. А как мужику без лесу? И так его и эдак – ни в какую! Ну, тогда объездчика твоего и подговорили.

– Как подговорили?

– Начали ему нашептывать, что кум обещался его убить. Из-за бабы своей, будто.

– А он поверил?

– Простоват был парень-от, простоват. Дули ему в уши, дули... Говорят: ты не жди, когда он тебя кончит, первый пойдешь и стрельни его. Он и пошел...

– Понятно. Списали человека за то, что был слишком честен. А кума-то за какие грехи под пулю подвели?

– Такой ему жребий выпал.

– А жребий тот, поди, опять ты метал?

– Миром, барин, правят справные мужики. Я справный мужик.

– А те трое, что в семьдесят четвертом мертвые в лесу нашлись, кто были?

– Конокрады. Побили мы их, чтоб другим была наука.

– А куда Терентий Осипов пропал?

Патриарх зло блеснул глазами из-под редких бровей:

– А вот это, барин, не твоя забота, то с верой связано. Ты уезжаешь – так и уезжай! Никогда масло с водой не сольются, никогда мужик с баринком не будут в согласии жить.

– Что ли мы не русские? Почему так непримиримо? У вас же есть пословица: «У барина белее задница, вот и вся разница».

– Есть такая пословица, – согласился дед Паисий. – Но это токмо слова. Промеж нас и вас стоит земля. Кто на ней трудится, тот и должен ею владеть. Ты вот почему, Павел Афанасич, уезжая, не нам землю продал?

– Да вы больно низкую цену за нее давали!

– Эка загнул! Та земля нашим потом полита. На три сажени в глубину. Сколько ж тебе еще надобно? Почему мы должны свое же и выкупать?

– Откуда же она ваша, когда она моя?

– Вот! – старик поднял к небу желтый палец. – Вот, барин! В этом и корень. Не в цвете ж...пы дело, а в этом моменте. Мы тебе объясняли,

объясняли, а ты все денег хочешь.

– Так это вы потравами да порубками выживали меня, что ли?

– Не выживали, а правды домогались. И напрасно ты землю какому-то другому барину продал вместо нас. Не будет тому человеку здесь покою, не дозволим мы ему нашей землею пользоваться. Подвел ты кого-то, ох, подвел! Скажи – пусть передумает, покудова деньги не отдал.

Действительно, погрузился Благово, подвел я Вовку Львова, устроят ему здесь мужики партизанскую войну двенадцатого года! С другой стороны, Львову самому палец в рот не клади – откусит по самый локоть. Но предупредить надо...

– Ты, дед Паисий, прямо социалист. Прудона не читал, случаем?

– Я таких барских слов не знаю, – насупился патриарх. – А вот ты, напримерно, управишь соху наладить? Чересседельниками можешь пользоваться?

– Нет.

– А что человеческому роду важнее: хлеб растить или этот твой сицилизм?

– Хлеб важнее, – честно признал Благово.

– Вот и иди с этим, откуда пришел, и умничать здесь не моги! – рассердился окончательно старец и отвернулся от статского советника.

Обескураженный Благово удалился и не сразу понял, как его провели. Хитрый дед не сказал ни слова о том, что интересовало сыщика. Мишка Телухин, мельница, Исай Городнов – об этом он не узнал ничего. Побранив себя за то, что пошел на поводу у долгожителя, статский советник двинулся на Выгон. В этом порядке Чиргушей проживал другой старик, дед Хрисанф. Будучи на десять лет моложе Паисия, он всегда состоял с ним в соревновании, даже в противоборстве. Значит, это можно сейчас использовать...

Дед Хрисанф сидел не на улице, на завалинке, а дома, на приступке печи. Увидев барина, он крякнул и споро слез на пол. Устроился под образами, потребовал от невестки самовар и спросил перво-наперво:

– Ты, Павел Афанасич, бают, землю-то продаешь?

– Да, сослуживцу своему, из полиции.

– Из полиции... Вона как. Зря!

– Да мне уж дед Паисий об том сказал.

– Паиська? Како его собачье дело? Ты его не слушай, барин. В гордыне Паисий пребывает, в страшной гордыне. Грех это великий.

– Да, совсем зазнался старый хрен. Хотел я его расспросить кой о чем, так он меня и слушать не стал.

– Нашел у кого спрашивать! Он никогда ничего и не знал, токмо бахвалился. Начепит свою мядадь да и сидит, как сыч. А народ, дураки, ему кланяются. Тьфу!

– Дед Хрисанф, а Расскажи ты мне про мельницу на острове. Зачем она вам так понадобилась?

– Кака мельница? Под которой клад зарыт?

– Клад? Что за клад?

– Ну, этот, пугачевский.

– Какой там может быть клад? Пугачева в наших местах вовсе не было.

– Эх, барин Павел Афанасич! Ученый ты человек, а таких вещей не знаешь. Ведь был в наших краях Пугачев!

– Что, прямо через Чиргуши проходил?

– А как же! И клад здесь где-то схоронил. Слышь, царско войско за ним гналось. А казна уже тяжелая была... Стал он ее по частям припрятывать. Чугунок с золотом и закопал. Говорили старики – под мельницей; а иные баяли, что в Монастырском лесу. Толком-то никто не знат. Заколдован тот чугунок, просто так не взять. Федот Калякин искал его, искал, да и сам пропал. Нашел, видать, и колдовство его и одолело.

Попив чаю с дедом Хрисанфом, Благово пошел в усадьбу и заглянул на обратном пути снова к деду Паисию. Тот, окруженный двумя десятками родственников, сидел в горнице и степенно хлебал крошку. Барину предложили парного молока, и тот согласился.

– Скажи, старик, – спросил сыщик хозяина, – а были ли в селе пугачевские семейства?

– А как же! Много насчитывали. Валовы, Темкины, Ушкуйниковы трое братьев. Телухины опять. Мой батюшка об эту пору под Казанью на промыслах был, так он в отряде полковника Суходольского до Ядрина дошел. Самолично Пугачева видал! Прадед твой, Арсений Иванович, приютил еще опосля несколько горлорезов. Их тогда искали и вешали, так он их чужими именами назвал, вместо умерших, и в ревизские сказки вписал. Охранники они его были. Один уж больно отчаянный. Филькой звали. Люди баяли – он у Пугачева в есаулах ходил. Высокий, могутный. Спас он твоего прадеда, когда того под Василем Сурским разбойники поймали. Храбрый – отбил! Трех кистенем завалил, а четвертого барин сам из пистоля грохнул. Посля того случая прадед твой ему вольную выписал. Сукновальцевы с Выгона – его потомки, Фильки этого.

– А отряд Пугачева через село не проходил?

– Сам-от я родился через пять лет после того. Старики говорили, вроде

проходил...

– Пугачев, дедушка, никак не мог через Чиргуши идти. Он всего пять дней как действовал в Нижегородской губернии. 20 июля 1774 года взял Курмыш, а 25-го уже удалился на Алатырь. Его отряд шел через Четаево, Медяны, Явлеи и Стемасы, по юго-востоку губернии. Сто пятнадцать верст отсюда, ближе не был.

– Ну, ты ученый, тебе виднее.

– А Городнову ты как сказал? Что был здесь Емелька?

– Да он пристал, как польский солдат... Ему хотелось, чтобы был; ну, я и не стал огорчать.

Тут лишь старик понял, что сболтнул лишнего, и поперхнулся. Павел Афанасьевич быстро допил молоко и вернулся в барскую усадьбу. Там Дедюлин рассказал ему, как прошел сход. Мужики орали, требовали мельницу с капустником, махали поддельным договором. Обстановка была нервная, но кавалергард выстоял. Договорились передать спор на усмотрение мирового судьи. Мужики были уверены, что за взятку добьются своего, и охотно на это согласились. Благово обещал, что завтра с самого утра отобьет телеграмму Лыкову и уже к вечеру тот приедет с бумагами.

Перед сном Павел Афанасьевич опять расспрашивал старика камердинера Архипа. Теперь его интересовали деревенские приятели Мишки Телухина. Архип вспомнил, что из тюрьмы Мишка возвратился вместе с Гаврилой Ряхиным, таким же слопенем^[111], как и он. Оба сидели за кражу по одному делу и вышли на волю одновременно. Сейчас, по словам камердинера, Ряхин в деревне, сильно пьет и озорует.

Решив завтра навестить коллегу утопленника, Благово собрался лечь спать. Умывшись и переодевшись в халат, он укладывался уже в постель, как вдруг неожиданно заходило между лопатками. Сыщик резко отшатнулся в сторону. В ту же секунду с улицы раздался выстрел, зазвенело разбитое стекло, и заряд дроби пролетел возле самого бока. Если бы не маневр, угодило бы прямо в живот...

Когда Благово с Дедюлиным выбежали на улицу, никого, конечно, там уже не было. Выковыряв из полы халата пару дробинок, статский советник расположился во внутренних комнатах и вскоре уснул. За ужином он пытался поговорить со свояком о деде Паисии и о его невидимой власти над селом. Шура поднял сыщика на смех.

– Вольно же тебе было слушать этот рамолисмент^[112]. Старик уже давно из ума выжил, никто его всерьез не воспринимает. Сходом

заправляют Корчажкин и братья Дудкины. Видел бы ты, как они выступали – прямо Дантоны!

Дедюлин назвал известных деревенских горлопанов, которых истинные управители ловко выставили на передний план. Благово не стал спорить с родственником. Ему оставалось лишь молча сожалеть о том, что русские помещики, даже живущие в деревне, так и не способны понять крестьянский мир. Сколько же неприятных открытий грозит им лет через тридцать...

Утром, под охраной слуги, он приехал в Лукоянов и отослал в сыскное отделение зашифрованную телеграмму. В ней приказывалось Лыкову вместе с Титусом, вооруженными, приехать к вечеру в село, по возможности, незамеченными. И, конечно, привезти Дедюлину копии межевых бумаг из архива Дворянского банка.

Прямо из уезда статский советник заехал в ветхую запущенную избушку Гаврилы Ряхина. Тот, облаченный в суровую рубаху с кокетливыми синими ластовицами^[113] (тоже труженик!), лежал на лавке и, несмотря на ранний час, тянул из ковша бражку. Ряхин явно относился к особому типу русского мужика, все более сейчас распространенному. «Пашни меньше, зато простору больше; избы не крыты, зато звон хорош!»

– Кого еще принесло? – спросил он недовольно, увидав незнакомого барина.

– Можешь называть меня «ваше высокородие».

Мужик сразу вскочил и оправил рубаху.

– Виноват, ваше высокородие, не ждал таких гостей.

– Мишку Телухина вчера мертвым нашли. Что имеешь сказать об этом?

– Не могу знать! С ноября уж не видались... Баяли, утек он; а вишь, как обернулось. Однако, ваше высокородие, перед тем, как пропасть... то есть, значит, сгинуть, говорил мне Миха, что скоро будет богат. Вот. В кабаке, грит, посидим...

– Богат? А на чем он собирался разжиться, не сказал?

– Никак нет. Баял токмо, что богача одного подмикитил.

– А кого, не доложил?

– Не. Загадки строил.

– Он приятель твой был, Мишка-то?

– Ага. Вместях ходили в чужую клеть молебны петь.

– Что он был за человек?

– Словотер изрядный! Бывало, такую водотолчу разведет, что ого-го... За его языком не поспеешь босиком. Умел, редькин сын, чужому человеку

мозгу набекрень свернуть. Как говорится, боек, каналья, весь в поповский род пошел!

– Складно врал?

– Не то слово! В арестантском отделении скушно сидеть-то. Так он, бывалыча, такую муть намотит – все про часы забудут. Весело...

– А в камере с вами кто еще сидел?

– Разные люди были.

– А про клады там, особенно пугачевские, разговоры не заходили?

Ряхин озадаченно посмотрел на статского советника.

– Был там один, Колотило звали...

– Это который из цирка Чинизелли на спине выручку^[114] унес?

– Тот самый! Знаете его, ваше высокородие?

– Как же, самолично арестовывал. Извини, забыл представиться. Я – начальник нижегородской сыскной полиции Благово. Слыхал?

Гаврила окончательно смешался.

– Вижу, что слыхал. Хочу я найти убийцу Телухина. Расскажи, что у вас там было с Ванниковым... то бишь с Колотилой. Ведь было что-то?

– Ну, однажды зашел разговор про клады. И Колотило сказал: «Вранье все это. Никаких кладов сыскать не можно; они все заговоренные. Ежели не знаешь заговора, то он тебе в руки не дастся, как ни копай. Но, грит, не надо их добывать, землю ковырять, можно на них лучше заработать. Нужно токмо дурака найти».

– И показал, как карты рисуются, будто бы старинные. Так?

– Точно так, ваше высокородие. Все-то вам разызвестно. Правильно про вас в ротах баяли...

– Колотило нарисовал Мишке такую поддельную карту?

– Этого я наверное не знаю. Шептались они че-то там, долго, но секретно. Он не говорил.

Благово надел картуз, развернулся к двери, потом остановился, оглянулся.

– Чем думаешь заняться?

– Не решил еще, ваше высокородие. Тут покудова поживу, а осенью в Нижний подамся.

– На чужой хлеб инда зубы скрипят?

– Надо же что-то бусать^[115]. Мы акридами не питаемся...

– Чтoб возле барского дома тебя не замечали. Услышу – в муку изотру.

– Понял, ваше высокородие. Ни-ни! Где живешь – не свинячь; понятное дело.

Пуганув для порядка Ряхина, Павел Афанасьевич отправился в усадьбу. Общая картина произошедшего уже сложилась в его голове, не хватало только одной детали. Выяснить ее сыщик решил у того же деда Паисия.

Долгожитель сидел на своей завалинке с той же медалью на кафтане.

– Дед, а в меня вчера вечером стреляли.

– Попали али как? – не без издевки поинтересовался Паисий.

– Видишь же, что нет.

– Ну, народ пошел неуклюжий, в барина попасть не могут...

– Ты, старик, присматривай за своим языком, – рассердился Благово. – Я ведь не посмотрю, что тебе сто два года!

– А отстань, – отмахнулся дед. – Скажи лучшее, чей-то это ты про Пугачева вчера расспрашивал?

– Ты когда семейства перечислял, что в бунте были замешаны, помянул и Телухиных. Мишка, которого утопили, из ихнего роду?

– Из него. Прадед Мишкин в Алатыре трех помещиков повесил, с женами и детьми. Их туда мужики со всей округи свозили, а Пугачев судил. Вот прадед-то палачом к нему и нанялся. Буйный был шибко, я его помню. Сын его, Мишкин дед, который давеча на Сергия и Вакха^[116] помер, такой же был.

– Что, прадеда Телухина за помещиков не наказали?

– Выпороли для порядку, да и все. Мужики его не выдали.

– Ну и дела... За трех помещиков – одна порка. Михельсона на вас не было.

– У вас, у Благово, на Пугачева обиды быть не должно. Вы ж через него славно разжились!

– Что ты имеешь в виду, старик?

– Будто не знаешь! Прадед твой, Арсений Иваныч, рази не на дочке Кроткова женился? Приданого взял сто тыщ. А забыл, откуда эти деньги взялись?

Благово и не подозревал, что на селе известна эта история. Действительно, его прадед был женат на дочери симбирского помещика Степана Егоровича Кроткова, и через это разбогател. Кротков, бедный дворянин с двадцатью детьми и несколькими всего крепостными, вел полуголодную жизнь, пока не случилось пугачевское восстание. Лжеимператор захватил его маленькое имение и сделал в нем один из своих лагерей. Туда свозились ценности со всего Поволжья. Были выстроены амбары, и восставшие забили их под завязку золотом, серебром, церковной утварью и дорогими материями. Когда бунт был подавлен, правительство

объявило, что все оставленное разбойниками в имениях, сделанных притонами, поступает в пользу их владельцев. Кротков, взятый Пугачевым с собой в бег, сумел благополучно ускользнуть от него. Когда он вернулся домой, то обнаружил там огромные сокровища... Новый Крез купил несколько поместий, в одном из них выстроил церковь и передал туда всю утварь с облачением. Но подгадил старший сын. Без ведома отца он продал лучшее его владение вместе с крестьянами, в число которых вписал и отца, под именем Степан Егоров. Скандал получился большой, папаше пришлось долго доказывать через суд свою прежнюю личность...

Благово не стал продолжать разговора, развернулся и ушел. Он узнал, что хотел, и теперь ждал только своих подчиненных, чтобы арестовать убийцу.

Лыков с Титусом прибыли к десяти часам вечера, озадаченные, но веселые. Поехал начальник имение продавать и вдруг требует их с оружием! Может, в цене не сошлись, выдвинул свою версию Алексей, так мы сейчас убедим...

– Слушайте, ребята, как дело было, – прервал их зубоскальство статский советник. – Осенью прошлого года в село вернулся только что вышедший из тюрьмы мелкий вор Михаил Телухин. В заключении он познакомился с известным вам грабителем Ванниковым по кличке Колотило. Ванников имеет побочный промысел: продает легковым дуракам поддельные карты старинных кладов. Телухин подружился с Колотилой, и тот изготовил карту специально для села Чиргуши. Якобы Пугачев сто с лишним лет назад оставил здесь сокровища...

– А Емельян действительно был в селе? – прервал начальника Лыков.

– Нет, это легенда, старинный вымысел; Пугачев не дошел до наших мест более ста верст. Поблизости шлялся казачий «полковник» Суходольский, но и тот сюда не заходил. Все данное преступление основано на слухах и сказках, но, тем не менее, из-за них убили человека.

Так вот. Телухин предложил свою липовую карту здешнему богатею Исаю Городнову. За месяц до этого умер дед Мишки, сын известного пугачевца, и тот использовал сей факт в своей выдумке. Будто бы старик, умирая, передал внуку эту карту, полученную им в старые времена от своего отца, который самолично этот клад зарывал, вместе с Емелькой.

Городнов не поверил Мишке и пошел справиться у наиболее уважаемого в селе человека, деда Паисия. Тому идет сейчас сто второй год. Это такой местный «сведущий человек», который все про всех знает. По каким-то своим соображениям Паисий подтвердил Мишкино вранье, что и стало для последнего роковым. Не желая платить за карту, Городнов убил

Телухина и утопил его труп в пруду.

Но сам клад, согласно карте, был зарыт на острове, под мельницей. Чтобы незаметно вести там раскопки, Городнов должен был сначала заполучить право распоряжаться островом. А тот помещичий, принадлежит моему свояку Дедюлину. Тогда Исайка забрался ночью в дом Дедюлина, когда там никого не было, нашел арендный договор и сделал к нему несколько приписок. Такие же дополнения он внес в экземпляр, что на руках у сельской общины. Третий экземпляр, хранящийся в архиве уездного землемера, убийца сумел уничтожить.

Чтобы приписки остались незамеченными, он инсценировал ограбление усадьбы и обвинил в нем уже мертвого к тому времени Телухина. Рассказал всем, что видел, как тот вылезал из окна барского дома. Народ решил, что Мишка убежал из села, поняв, что он опознан; поэтому его исчезновение никого не удивило. Дедюлин же, недосчитавшись нескольких ложек и солонки, решил, что это обычное воровство, и не стал просматривать межевые документы.

После этого Городнову оставалось только убедить мужиков, что остров с мельницей у помещика надо отобрать. А мельничное дело передать ему. Под видом ремонта старой мельницы Исай тогда спокойно перекопал бы весь остров и нашел бы клад. Русский мужик всегда рад обмануть помещика. Идея Городнова понравилась обществу, и оно полностью его поддержало. Вот так обстоит это дело на сегодня.

Теперь что мы будем делать. То же, что и всегда: ловить убийцу. Сейчас у нас нет улик против Городнова. Как это часто бывает, мы все знаем, но не можем этого доказать. Надобно взять Исайку с поличным. Где-то он имеет тайник. В нем хранится заветная карта и кое-что еще. Я полагаю, учитывая мелочную жадность подозреваемого, что там же находятся серебряные вещи, украденные им для отвода глаз из дома Дедюлина. И, наконец, учитывая, что русский мужик никогда ничего не выбрасывает, я надеюсь найти в том же тайнике паспорт убитого Телухина. Городнов, скорее всего, не уничтожил эту абсолютную улику. Вдруг пригодится?

— То есть нам надо вынудить подозреваемого посетить тайник и проследить за ним? — догадался Титус.

— Верно. Требуется спровоцировать Исайку на такое посещение, и я знаю, как. Помните, что завтра за день?

— Одиннадцатое августа. Василий Осенний. Ну и что?

— Это еще и день мученика архидиакона Евпла, убитого в городе Катания на Сицилии в 304 году. О чем-то говорит?

– Точно! – вспомнил Лыков. – В ночь на Евпла, по народным суевериям, мертвые выходят из своих могил. Погибшие насильственной смертью навещают своих убийц. Вы хотите это использовать?

– Конечно. Городнов верит глупым легендам, которые смешны образованному человеку. Карта с кладом, состряпанная жуликами, вызвала бы у нас с вами только улыбку, а он убил из-за нее односельчанина. Так что начнем. Скоро полночь...

Титус обрядился в черный плащ из вулканизированной гуттаперчи, с островерхим капюшоном, и вымазал лицо сажей. Они с Благово осторожно вышли из усадьбы в заднюю калитку и отправились в село. В полной темноте Павел Афанасьевич уверенно вел Яана к дому убийцы – он еще днем основательно изучил этот маршрут.

Ровно в полночь Титус забарабанил в ворота крепкой городновской избы. Через минуту скрипнула дверь, на крыльце появилась тень в исподнем и раздался встревоженный голос:

– Кто тут?

– Это я, Мишка, – ответил Титус хриплым замогильным голосом. – Верни мне пачпорт. Без него там не прописывают. Поклади вечером на могилу. Ежели не покладешь, буду ходить каждую ночь.

Развернулся и ушел.

Через пятьдесят шагов он поравнялся с поджидающим его статским советником, и они двинулись в обратный путь.

– Как я выступил? – вполголоса поинтересовался Титус.

– Прямо Щепкин, – одобрил Благово. – У меня у самого мурашки пошли.

Неожиданно с ними поравнялась чья-то темная фигура. Пахнуло страшной вонью, затхлостью и тленом.

– Сегодня не ваш день, а наш, – сказала фигура таким же точно голосом, каким Яан только что говорил с убийцей. – Брысь в избу!

И повернула к сыщикам лицо. Серая кожа, плотно обтягивающая череп... А может, это сам череп? И две черные дыры вместо глаз.

Не помня себя сыщики чесанули вдоль деревенской улицы к усадьбе. Остановились уже у самых ворот.

– Что это было, Павел Афанасьевич? – спросил Титус, запыхавшись.

– Не знаю, – ответил статский советник, часто крестясь. – Пошли быстрее в дом, там иконы, они оберегут. Вот и не верь после этого народным суевериям!

До утра все трое так и не уснули. Когда рассвело, Городнов выехал из ворот на телеге, покинул Чиргуши и двинулся в сторону Монастырского

леса. Благово наблюдал за ним с сеновала в подзорную трубу, пока тот не скрылся из глаз. Следом за убийцей, незаметный в утреннем тумане, следовал Лыков.

Через полтора часа Исай вернулся в село. Он привез несколько сосновых стволов, видимо, для отвода глаз. А еще через час в усадьбу неслышно прокрался Алексей и неожиданно появился перед своими товарищами.

– Ну как? – нетерпеливо спросил Благово.

Лыков молча выложил перед ним узелок, запачканный землей. Развернул его, и Павел Афанасьевич увидел серебряную солонку.

– Во! Та, что у свояка утащили.

Далее появились четыре серебряные же вилки, три ложки и, наконец, свернутый вчетверо лист бумаги. Благово нетерпеливо поднес его к окну, разложил. Желтая четвертушка с выцветшими чернилами. Видимо, Колотило-Ванников использовал для обманов старую бумагу и имел ее запасы. А чернила разводил, чтобы они казались древними...

– Смотрите: вот остров, вот мельница, а тут крестиком помечено. Да, топорная работа... За версту видно, что подделка, однако Городнов купился. Ну что, мы молодцы! Ванников не откажется подтвердить, что изготовил эту липу по просьбе Телухина. Исайке конец. Но для упрощения следствия надобно взять его на могилке сегодня вечером, с Мишкиным паспортом.

– Возьмем, – уверенно заявил Лыков. – А после суда и свояку вашему, Дедюлину, легче станет с сельчанами уживаться. Он их на такой афере поймал! Теперь надолго притихнут.

В девять часов вечера Исай Городнов появился на сельском кладбище и стал подправлять отцовскую могилу. Потом, воровато озираясь, прокрался к свежему холму, под которым схоронили Мишку Телухина. Еще раз осмотрелся – никого вокруг, тихо и покойно... Сунул руку за пазуху, и тут вдруг кто-то сзади крепко схватил его за плечи.

– Попался, душегуб!

Через пять минут, связанного, убийцу вели по селу под конвоем. Поравнявшись с домом деда Паисия, Благово остановил кортеж.

– Ждите пока здесь.

Зашел в избу и сказал старику, прильнувшему уже к окну:

– А ведь ты, Паисий, знал все с самого начала.

Дед молча отвернулся в сторону.

– Городнов сельчанина убил. Не нашу барскую кровь пролил, а вашу, крестьянскую. И ты бы это ему спустил?

– Мы, твое благородие, промеж себя сами разберемся. Без вас, господ. Я же баял: вы никогда ничего не знали. И не положено вам знать, как мир живет. Исайка хотел помещика обмишурить... Это дело хорошее, я ему в том и не мешал. А за кровь христианскую он бы перед обществом ответил.

– Как?

– Это тебя не касается. Уезжай отсюда подобру-поздорову, а то ведь вдругорядь не промажут!

– Так и это ты затеял?! Ну, старый хрен, наглости тебе не занимать. Помер бы уж, что ли! Слава богу, пожил на свете, посрамил добрых людей... Ладно, я действительно уезжаю. Последний к тебе вопрос: сыщик я или нет?

Дед Паисий внимательно поглядел на Благово, потом ответил:

– Сыщик. Должен признать. За один день управился; молодец. Яковлев заарестовал бы пяток невиновных, а виноватого за деньги отпустил. Этот дурень, Кузуб, рыжего бы в каторгу усрал. А ты умный, и это нам плохо. Много чего в деревне творится, что вам, барам, знать не должно. Так что прощай и боле здесь не появляйся! А то будет, как с твоей теткой в Могилевской губернии...

Старик знал и эту историю! В далеком 1847 году двое дворовых людей помещика Лесневского вдруг решили его убить, но тот успел скрыться. Тогда мужики, прикончив для начала управляющего, взяли топоры и отправились по соседним имениям. Пройдя в течение нескольких часов восемнадцать верст, они нападали на всех встречных дворян. Среди бела дня, ни с того ни с сего... В итоге шесть человек было убито, восемь тяжело ранено. В числе зарубленных насмерть оказалась и тетка Благово, вышедшая за год до этого замуж за могилевского помещика. Она просто решила в этот день съездить в гости к соседям. Многочисленные крестьяне, видевшие зверские убийства своих господ, и не подумали вступить за них. Конец кровавой бойне прервала только высланная исправником полицейская команда. Кто подбил на злодейство недалеких мужиков, осталось неизвестным; поди, и там были свои Паисии...

Благово нахмурился, хотел что-то ответить зарвавшемуся вконец старику, но осекся. Тот смотрел на него с такой ненавистью! По беспокойной своей службе Павел Афанасьевич встречал много людей, желавших ему зла. Но это были преступники, пойманные им и посаженные за решетку – их еще как-то можно было понять. А тут обычный мужик, крестьянин, бывший его крепостной. Так же среди бела дня и без повода. И ведь убьет – не сам, стар уже, так чужими руками, и будет уверен, что сделал правильное дело. Какая же пропасть лежит между им и мной,

подумал статский советник. И что станет с русской деревней, а значит и с Россией, через тридцать-сорок лет?

Благово развернулся и молча вышел из избы на улицу. Старик сказал ему в спину:

– А зря ты землю-то нам не уступил. Подвел своего покупателя, ох, подвел... Не случилось бы греха.

Когда Благово доставил убийцу к барской усадьбе, ему встретился там самодовольный, разящий одеколоном ротмистр Кузуб. Он явно дожидался губернского сыщика, дабы огорошить его важной новостью.

– Вы там давеча сомнения высказывали, – гордо заявил становой. – Так вот, спешу сообщить: мельник во всем признался! Заметьте: всего сутки понадобились мне, чтобы изобличить преступника. Вот так! А вы учить, понимаешь, вздумали...

Павел Афанасьевич посмотрел на ротмистра, взял его под руку, отвел в сторону и сказал:

– Чем больше ты, дурак, будешь мордовать мужиков, тем быстрее они подымут нас всех на вилы. Это первое. Прими арестованного: он и есть настоящий убийца. Это второе. И третье: встретимся завтра вечером у вице-губернатора. Пожалуй, должность станового пристава тебе не по силам; попробуй себя в антрепризе...

notes

Примечания

1

Гана́ша – скула у основания нижней челюсти лошади.

Басоны – тесьма, галунный товар.

Холощение широко практиковалось для получения добронравного рабочего животного.

Ломбардный отряд в составе сыскного отделения занимался поиском похищенных вещей.

Блатер-каины – скупщики краденого (жарг.).

Капнить по лауде – дать по голове; вохра – кровь; юсы – деньги; шонда хрустов – шесть рублей (*жаргон офеней*).

Изначально грюндер – это биржевой маклер, но участие таковых в многочисленных финансовых махинациях сделали это слово нарицательным, оно стало обозначать просто мошенника.

Батуся – Москва (офенск.).

Ремонт – пополнение выбывшего конского состава по свободным ценам, в отличие от поставок на основе военно-конской повинности.

Военно-окружное управление – штаб военного округа.

Мухортый – гнедой с желтоватыми подпалинами.

Французское выражение, обозначающее «в конце обеда» (о деловой договоренности, достигнутой за столом).

Либрансер – вольнодумец.

Служебный билет – удостоверение личности офицера российской армии.

В 1870-х годах в русской армии существовал неофициальный обычай, согласно которому равные в чинах офицеры отдают друг другу честь, только будучи лично знакомы.

Выранжирование – выбраковка отслуживших свой срок лошадей (ремонтёрский термин).

Гиппология – наука о лошадях (устаревш.).

Имеется в виду 2 аршина 6 вершков, или 168,7 см (стандартный рост единственного русского тяжеловоза – битюга).

Возраст лошади определяется по углублениям на резцах, т. н. «чашечкам». В нижней челюсти «чашечки» стираются к 3 годам, в верхней – к 6.

Аманат – заложник (*кавказск.*)

Наничку – наизнанку.

Диопсод – алкоголик (устаревш.).

23

6,35 мм.

Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. предшествовала сербско-турецкая война 1876 г. В ней сербской армией командовал генерал М.Н. Черняев, фиктивно уволенный с русской службы.

Ташка – форменная гусарская сумка.

Штоф (1,23 л), полуштоф (0,615 л), косушка (0,307 л) и шкалик (0,0615 л).

Четушка – мера в две чарки (0,246 л); «вдовья слеза» – водка производства Т-ва «Вдова М.А. Попова»; галантир – холодец.

Дом, дворовые постройки которого расположены сзади в виде буквы «п» («покой», согласно алфавита).

Кружало – кабак.

Тавлея – старое русское название шашек.

Черная каша – гречневая.

Черемной – рыжий.

Долгая лавка располагалась справа от входа и соединяла коник (спальное место хозяина) с красной лавкой (напротив входа в избу, под иконами).

Лесной кондуктор – помощник лесничего.

Явочное прошение – заявление о пропаже (вещей либо человека).

Бельгийский химик Жан Сервэ Стас в 1851 г. открыл метод обнаружения растительных ядов в тканях жертв.

Указ об отставке – удостоверение личности отставного офицера, заменяющее ему паспорт.

Переходный костюм – демисезонный.

«Дать барашка в бумажке» – выражение, известное еще с XVIII века, когда подношения делали и в денежной, и в натуральной форме; обозначало именно денежную взятку.

Соло-вексель – вексель с одной лишь подписью, по которой отвечает данное единственное лицо. Не учитывался банками из-за повышенных рисков. Появление второй (передаточной) подписи повышало ценность векселя.

Протоиерей – высший сан в пресвитерской степени священства; жалуется как почетная награда, но не дает никаких прав и преимуществ. *Благочинный* – священник (обычно в сане протоиерея), осуществляющий надзор над несколькими храмами и их приходами.

Договорились! (нем.)

Аборт – уборная (нем.).

Клюквенник – церковный вор (жарг.).

Каджиора – селение в 12 верстах от Тифлиса, дачное место для административной верхушки Кавказского наместничества.

Колючая балка – криминогенная слобода в Тифлисе.

Деморализованный – аморальный.

Коллектор – старое звучание слова «коллекционер».

Холодный сапожник – не имеющий своей мастерской и работающий на заказ на улице.

Арматура – здесь: кокарда.

Пирог «с жирами» – с рыбными молоками.

Жители Виленского и Паневежиского уездов Западного края славились выделкой поддельных документов.

2 апреля 1879 года состоялось покушение А.К. Соловьева на императора. Одной из мер государства по ужесточению режима стал запрет на свободную продажу оружия.

«Дешевка» – кабак (жарг.).

Бугры – название местности в районе Ямских улиц; вместе с пригородной деревней Гордеевкой – самые криминогенные зоны в Нижнем Новгороде XIX века.

Переводная контора – отделение банка.

Портяночники – грабители (жарг.).

Лопатошник – бумажник (жарг.).

После русско-турецкой войны 1877—1878 годов русская армия перешла с шомпольных (заряжавшихся с дула) на казнозарядные ружья. С целью удешевления этого дорогостоящего перевооружения в новые винтовки были переделаны старые, запасы которых были огромны. Выбор и покупка этих старых ружей были сложными и весьма занимали не только военных специалистов, но и общество.

Термин XIX века для обозначения многозарядного оружия.

Общероссийский (сегодняшний аналог – федеральный) розыск.

Делить (*жарг.*).

Большая – тысяча (жарг.).

Маз – главарь шайки (*жарг.*).

В 1884 г., когда в Кунавино случился страшный, с многочисленными человеческими жертвами, еврейский погром, А.З. Гуревич энергичными мерами предотвратил его распространение на Сормово и Балахну.

«Счастливец» – мошенник (*жарг.*).

Вкладные листы – учредительские акции.

«Мельница» – подпольный игорный притон (*жарг.*).

Женский ювелирный гарнитур: серьги, брошь и запонки (в полную парюру дополнительно входили кольцо, браслет и шейный крест или медальон).

Вар – здесь: смола.

Жантильная – кокетливая, жеманная.

Скуржа – серебро (жарг.).

Пеклевань – высший сорт ржаной муки.

Кикер – кокаин, и, в более широком применении, любой наркотик (жарг.).

В 1813 г. русские солдаты выпили за здоровье союзника – австрийского императора Франца. Когда же в ответ австрияки отказались пить за здоровье Александра, наши солдаты сунули по два пальца в рот и скомандовали: «Франц, хераус!» («Франц, обратно!»). Выражение стало нарицательным.

То есть без акцизных марок.

Золотник – 4,266 грамма.

Старое написание этого слова.

Шойхет – резник, человек, занимающийся ритуальным убоем скота (идиш).

Дрогист – оптовый торговец аптечными припасами и химическими препаратами.

Хахам – ученый, толкователь Священного Писания; *нееман* – казначей еврейской общины.

Паспарту – отмычка.

Проехать на ширмака – задарма, на халяву (*жарг.*).

Старое название фотобумаги.

Сорт ржи.

Хевра кадиша – общинное погребальное общество.

Купи-продай! (нем.)

В г. Паневежис Ковенского уезда процветал промысел по выдаче городской управой паспортов «со справкой». На преступника, попавшегося с таким паспортом, полиция посылала запрос в управу и получала положительный ответ: такой человек существует, и он ранее не арестовывался. Как не рецидивист, обладатель паспорта «со справкой» получал меньший срок.

Нынешний аналог фактуры – накладная.

Горный Зерентуй – одна из забайкальских каторжных тюрем.

Сорға – деньги (жарг.)

«Кокс» – то же, что и «кикер»; еще одно жаргонное название наркотиков.

Дрожательный паралич – старое название болезни Паркинсона.

Шаповалы – изготовители шляп, кошмы, плащей и прочих вещей из войлока.

Копировальная книга – книга входящей и исходящей деловой переписки.

Нижегородское городское управление полиции делило здание с пожарной частью.

Доверенный – ответственный представитель компании, имеющий доверенность на совершение сделок.

Инобытие – алиби.

Сегодняшний аналог этого слова – отморозок.

Заповедное имение – русский аналог западного майората. Само понятие заповедного имения введено указом императора Николая Павловича в 1845 году. Это неотчуждаемая и неделимая собственность, передающаяся по наследству старшему мужчине в роду. Имение нельзя было продать, заложить, поделить, подарить или проиграть в карты. Площадь заповедного имения – от 5000 до 100000 десятин, приносимый доход – от 6000 до 200000 рублей в год. Обращалось из благоприобретенного имения либо из доли старшего сына в родовом имении по Высочайшему разрешению. Целью являлось защитить богатые дворянские фамилии от разорения.

Сейчас эти деревья называют американскими кленами.

Свода Законов. Указанная статья регламентировала усыновление внебрачного ребенка решением Окружного суда, что обычно занимало более полугода.

Наречение именем.

По церковным уложениям перед венчанием полагалось проводить брачный обыск (изучение возможности и законности брака по возрасту, дееспособности, степени родства и т. п.), а также трехкратное оглашение будущего венчания в церкви, по воскресеньям.

Прибор в XIX веке – металлическая фурнитура на форменной одежде (знаки различия, шитье воротника и т. п.).

Его Императорского Величества.

Выморочное – имение вымершего рода; передавалось в Министерство государственных имуществ.

Старое написание слова «провод».

В первую субботу ноября.

Талагай – лентяй, тунядец.

Слопень – бездельник (*народн.*).

Старческий маразм.

Ластовицы – цветные вставки в подмышках крестьянских рубах, с целью скрыть пятна пота.

Выручка – касса, денежный ящик.

Бусать – есть (*жарг.*).

7 октября.